Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Гогишвили Тамара Теймуразовна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
политических наук

Научный руководитель
Самаркина Ирина Владимировна,
доктор политических наук, доцент

Краснодар – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ…….. 19

1.1 Проблематика политической ресоциализации в научном дискурсе социально-гуманитарных наук ….……..……..... 19

1.2 Политическая ресоциализация новых граждан: теоретическая модель исследования……... 39

2 ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФАКТОРЫ И ИНСТИТУТЫ ……... 58

2.1 Факторы политической ресоциализации новых граждан России.... 58

2.2 Социокультурная динамика современного российского общества в условиях расширения политического пространства .……. 77

2.3 Система институтов политической ресоциализации новых граждан современной России……... 96

3 МОДЕЛИ И БАРЬЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ГРАЖДАН РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РФ)…….. 124

3.1 Модели политической ресоциализации новых граждан России..... 124

3.2 Барьеры политической ресоциализации новых граждан России и перспективы их преодоления …….. 145

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….. 162

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ……..... 168

ПРИЛОЖЕНИЕ А…….. 187

ПРИЛОЖЕНИЕ Б…….. 192

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Последнее десятилетие для граждан многих стран является десятилетием глобальных динамичных изменений, которые приводят к существенным изменениям установок относительно власти и политики. Причем эти тенденции характерны не только для России и граждан, сознательно или вынужденно меняющих гражданство в результате присоединения новых территорий к России, эти изменения касаются и в целом населения России, а также политических представлений и установок людей во многих других странах[1].

Таким образом, мы становимся свидетелями, а исследователи получают уникальную возможность понять, как связан микромир человека, его представления и установки с окружающим его миром социальным и политическим. Следует отметить, что в последний раз столь масштабные геополитические и внутриполитические трансформации и их отражение в политической картине мира граждан российские ученые имели возможность исследовать в конце XX века, в период постсоветских трансформаций, и этот опыт отражен в серии интересных научных публикаций[2]. Вместе с тем, нынешняя ситуация, с учетом изменившихся геополитических и внутриполитических факторов, стала причиной иной по траектории ценностной динамики общества, имеет существенно иной масштаб и вектор изменений.

Указанная проблема имеет и очень конкретный практический аспект, поскольку требует очень взвешенного, дифференцированного и сбалансированного подхода к выбору и проектированию технологий

---

[1] Россияне о России. Аналитический обзор ВЦИОМ // ВЦИОМ: официальный сайт. 17 августа 2023 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-rossii (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2005. № 4. С. 48–69; Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация российских граждан в период трансформации. М.: Новый Хронограф, 2008. 552 с.

конструирования и реализации целого спектра политик: от образовательной политики, в фокусе которой находятся дети и молодежь, социальной политики и политики идентичности, в фокусе которых находятся все группы населения, до инфраструктурной политики и подготовки кадров для работы в системе управления новых территорий.

Таким образом, социальная проблема состоит в необходимости формирования конвенциональных и конструктивных установок граждан (в том числе бывших граждан Украины) относительно политической системы в условиях динамичной трансформации политического пространства РФ, многоуровневых и многовекторных процессов политической социализации и политической ресоциализации. Научная проблема, лежащая в основе исследования, состоит в необходимости разработки объяснительной модели трансформации политической картины мира личности в трансформирующемся социуме.

Степень разработанности научной проблемы. В отечественной и зарубежной науке сложился существенный пул исследований, в фокусе которых находится человек, его политические представления и их динамика под влиянием внутренних и внешних факторов.

В первую очередь это исследования различных аспектов политической социализации, которые сформировали исследовательское направление политико-психологического подхода с 1960-х гг. по настоящее время[1], на основе которого сейчас формируется направление исследований политической ресоциализации.

[1] Шестопал Е. Б. Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации. М., 1988. 203 с.; Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М.: Роспэн, 2000; Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 288 с.; Щербинин А. И. Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родины) // АРТМАРКЕТИНГ. 2009. № 4 (28). С. 19–27; Самаркина И. В., Башмаков И. С., Кузьменко Н. П. Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 3. С. 133–143.

Анализ научного дискуса по тематике ресоциализации позволяет выделить несколько ключевых исследовательских сюжетов, отражающих специфику и многоплановость происходящих процессов.

Ресоциализация как трансформация социальных установок исследуется в рамках социальных наук. П. Бергер и Т. Лукман определяли ресоциализацию как процесс, в котором на базовые представления наслаиваются новые взгляды и модели поведения[1]; ресоциализацию как процесс поиска баланса между социальной системой и внешними факторами и процесс адаптации изучал Г. Спенсер[2]; социальную адаптацию в контексте трансформации социальных норм исследовал Э. Дюркгейм[3]. Парсонс[4] рассматривал ресоциализацию во взаимосвязи с освоением индивидом новых социальных ролей, а также через возможность реализации потребностей и интересов индивида и отдельных социальных групп в рамках формирующейся новой системы[5]. Р. Мертон[6] отмечал несколько способов приспособления индивида к изменениям социальной системы (ретритизм, ритуализм, инновация, конформизм и мятеж). Э. Гидденс исследовал процессы разрушения усвоенных ранее ценностей и их трансформацию в новые социальные представления в условиях реконструкции современности и перехода к обществу модерна, задающего инновации и новый смысловой контекст[7]. Т. Шибутани[8] и Г. Блумер[9] описывали феномен социальной

---

[1] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

[2] Философские проблемы теории адаптации / под ред. Г. И. Царегородцева. М: Мысль, 1975. 190 с.

[3] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: Юрайт, 2019. 308 с.

[4] Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2, № 1(2). С. 38–71.

[5] Кузнецов П. С. Социологическая теория социальной адаптации: дис. … д-ра социол. наук. Саратов, 2000. 338 с.

[6] Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

[7] Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / реф. Е. В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / под ред. Ю. А. Кимелева. Серия «Социология». М.: ИНИОН РАН, 1995.

[8] Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998. 344 с.

[9] Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 173–179.

адаптации к новой системе во взаимосвязи с приспособительными реакциями индивида, которые обуславливают установление равновесия на групповом и межгрупповом уровне. Современные исследования ресоциализации в поле социальных наук сегодня ориентированы на интегративный подход, соединяющий объективные и субъективные факторы[1].

Психологический аспект процессов ресоциализации исследуется как реакция приспособления личности к новым условиям существования, выстраивания взаимоотношений с социальной средой и адаптации к ней с позиции психофизиологических параметров (А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов[2]). Ресоциализация как динамичный феномен исследуется в рамках феноменологического направления психологии (К. Роджерс[3], А. Маслоу[4]).

Представители гуманистического направления социальной психологии (У. Томас, Ф.В. Знанецкий[5]) фокусируют внимание на критериях ресоциализации, степени интеграции личности и среды. Ж. Пиаже отмечал процессы ассимиляции и аккомодации как составляющие ресоциализации[6]. Ресоциализация как переключение фокуса внимания индивида на следование санкционированным общественным объектам с использованием защитных механизмов психики в ответ на возникающие вызовы социальной среды и конфликтные ситуации определяется представителями психоаналитического подхода (З. Фрейд[7], А. Адлер[8]).

---

[1] Лемищак Е. М. Интеграционный подход к определению термина «ресоциализация» // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 2. С. 24–27.

[2] Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК. 2006. 479 с.

[3] Роджерс К. Гуманистическая психология: теория и практика / под ред. А. Н. Сухова. М.: МПСУ, 2013. 450 с.

[4] Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / под общ. ред. Г. А. Балла и др. М.: Смысл, 1999. 423 с.

[5] Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. С. 182–194.

[6] Пиаже Ж. Избранные психологические труды / пер. с франц. М.: Просвещение, 1969. 659 с.

[7] Фрейд З. Психология бессознательного / под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Просвещение, 1989. 447 с.

[8] Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / пер. с нем. А. Боковиков. М.: Питер, 2003. 248 с.

Ресоциализация как процесс трансформации правовых установок исследуется в юридической традиции, в которой переход от принудительного правомерного поведения к собственной стратегии добровольного правомерного поведения служит примером эффективной ресоциализации, в ходе которой человек опирается на собственные убеждения и самостоятельно осваивает нравственные и правовые положения (Э. Фромм[1]). В поле правовых исследований ресоциализации выделяют два фундаментальных подхода к осмыслению этапов ресоциализации: пенитенциарный, протекающий в период отбывания наказания, и постпенитенциарный, включающий в себя адаптацию к социальной среде после освобождения (М.И. Еникеев[2], О.Л. Кочетков[3], Н.А. Крайнова[4], Ю.А. Алферов[5], М. Миклашевич[6], Н.А. Стручков[7]). Интересно, что В.Е. Южанин к данной категории этапов также относит допенитенциарный, утверждая, что все стадии взаимосвязаны единым объектом и целью – предупредить девиацию и сократить ее последствия[8].

Ресоциализация в поле политических исследований. В политической науке сложились два основных подхода к изучению ресоциализации как модели политической социализации, опирающиеся на междисциплинарные

---

[1] Фромм Э. Иметь или быть. М.: Наука, 2006. 320 с.

[2] Еникеев Е. М. О современном состоянии и перспективах развития юридической психологии // Психологический журнал. 1982. № 3. С. 108–120.

[3] Еникеев Е. М., Кочетков О. Л. Общая, социальная и юридическая психология. М.: Юрид. Лит., 1997. 447 с.

[4] Крайнова Н. А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: автореф. дис. … канд. юр. наук. Владивосток, 2002. 23 с.

[5] Алферов Ю. А. Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных: монография // Респ. Ин-т повышения квалификации работников МВД РФ. Домодедово, 1994. 205 с.

[6] Миклашевич М. От пенитенциарной ресоциализации к ресоциализации постпенитенциарной // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика. СПб., 2017. С. 163–170.

[7] Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М., 1984. С. 160–172.

[8] Южанин В. Е. Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве. Рязань: РВШ МВД РФ, 1992. С. 24–25.

исследования, – традиционный (Г. Оллпорт[1], А. Маслоу[2], К. Роджерс[3]) и трансформационный (Ф. Шмиттер, Г. О'Доннелл[4]).

Отечественные исследования ориентированы в первую очередь на осмысление процессов в постсоветской России (Е.В. Бродовская[5], А.Р. Милорава[6]), в самом масштабном из них показано, как граждане усваивали новые ценностные ориентации и образцы поведения, адаптировались к социокультурным, экономическим и политическим изменениям в обществе, предлагавшем новый контекст развития (Е.Б. Шестопал[7]). Теоретико-методологические основы исследования феномена политической ресоциализации и подходы к ее содержательному изучению систематизированы И.В. Самаркиной[8].

Анализ степени изученности проблемы в современной научной литературе позволяет сделать вывод о том, что в научном дискурсе сложились методологические предпосылки для создания аналитического инструментария анализа процессов политической ресоциализации в современной России; вместе с тем существует дефицит эмпирических исследований происходящих в настоящее время процессов, их теоретического осмысления.

Объектом исследования является политическая ресоциализация.

Предмет диссертационной работы – факторы, институты и эмпирические модели политической ресоциализации новых граждан в современной России.

---

[1] Allport G.W. Pattern and grow thin personality. N.Y.: Holt Rinehart and Winston, 1961. 593 p.

[2] Маслоу А. Новые рубежи… 1999.

[3] Роджерс К. Гуманистическая психология… 2013.

[4] O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.

[5] Бродовская Е. В. Влияние посткоммунистической трансформации системы идентичностей на процесс политической ресоциализации граждан: анализ базовых тенденций // Ценности и смыслы. 2012. №. 5 (21). С. 37–50.

[6] Милорава А. Р. Проявление политической ресоциализации в Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 14 (148). С. 573–575.

[7] Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация… 2005.

[8] Самаркина И. В. Политическая ресоциализация: актуальный контекст исследования // Южно-российский журнал социальных наук. 2006. № 4. С. 139–147.

Цель исследования – обосновать объяснительную модель исследования процесса политической ресоциализации новых граждан в современной России и охарактеризовать его состояние на основе эмпирических данных.

Задачи диссертационного исследования:

– выявить дискурсивные поля в изучении ресоциализации в социально-гуманитарных науках;

– охарактеризовать теоретические основания исследования политической ресоциализации в условиях расширения политического пространства;

– выявить содержание и траектории социокультурной динамики современного российского общества в условиях расширения политического пространства;

– описать и систематизировать институты и агентов политической ресоциализации в современной России;

– охарактеризовать эмпирические модели политической ресоциализации в условиях расширения политического пространства РФ;

– определить барьеры политической ресоциализации новых граждан РФ.

Исследовательский вопрос диссертационного исследования. Каковы факторы, институты и барьеры политической ресоциализации граждан в условиях расширения политического пространства РФ?

Хронологические рамки исследования охватывают современные процессы политической ресоциализации (с 2014 г. по настоящее время).

Теоретико-методологические основания диссертации. Исследование процесса и результата политической ресоциализации в контексте трансформирующегося политического пространства требует интеграции нескольких методологических подходов.

Политико-психологический подход (Э. Эриксон, Р. Харре, Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнёва, Т.В. Евгеньева, А.Л. Зверев, Т.Н. Пищева и др.) в контексте исследования процессов политической ресоциализации необходим для осмысления содержания, результатов, институтов, технологий и факторов

политической ресоциализации в ситуации кардинального изменения всей модели политической социализации и формирования нового политического пространства в новых субъектах Российской Федерации. Аналитический и эмпирический инструментарий политико-психологического подхода позволяет выявить структуру и осмыслить содержание политической картины мира (И.В. Самаркина[1]) взрослых граждан РФ, составляющей когнитивное ядро формирования гражданской идентичности.

В этом контексте важным слагаемым объяснительной модели является также идентитарный подход, который позволяет держать исследовательский фокус на главном результате процессов ресоциализации – формировании российской гражданской идентичности новых граждан. Идентитарный подход дает аналитический инструмент для применения концепта гражданской идентичности в осмыслении политических процессов, который включает содержание идентичности (самоидентификации индивидов с политической культурой макросообщества и социальными институтами, прежде всего – с институтом гражданства, определяющим индивидуальный политико-правовой статус), ценностные основания, то есть усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности (Д. Харт, К. Ричардсон, Б. Вилкенфелд, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, И.С. Семененко); эмоциональную составляющую.

Пространственный подход как методология анализа, позволяющая учитывать процессы трансформации политического пространства как значимый контекст актуальных социально-политических процессов, был использован в исследовании для понимания контекстуальных факторов и вызовов внешней среды, определяющих эмпирические модели политической ресоциализации в современной России в условиях трансформации политического пространства. В

[1] Самаркина И. В. Политическая картина мира // Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 392–399.

исследовании используется интерпретация политического пространства как «поля политики» (П. Бурдье), фиксирующего дистанции и различия в поле политических отношений; а также интерпретация политического пространства как пространства интерсубъективного (А. Шюц), то есть существующего только благодаря способности людей формировать общую картину мира как в объективной реальности, так и в субъективном пространстве политики посредством коммуникации, маркирующей пространство и указывающей участникам место в политической иерархии. Изменения политического пространства (например, его расширение, трансформация) требуют специального процесса «обучения» ориентации в политическом пространстве не только для новых поколений участников политической жизни (молодой когорты), но и для всех «взрослых поколений», поскольку локализация индивида в политическом пространстве связана с формированием когнитивных конструкций (мы/они), то есть формированием картины мира и идентичности и необходимостью адаптации этих конструкций в связи с изменениями всего мира политики.

В авторской интерпретации политическая ресоциализация трактуется как процесс изменения ядра (представлений о Родине, государстве и власти) и базовых компонентов политической картины мира (ключевые когнитивные, аффективные и поведенческие установки относительно политической системы), формирующихся в процессах первичной политической социализации под влиянием многоуровневой системы факторов и институтов.

В качестве эмпирических методов исследования автором использовались традиционный анализ документов, вторичный анализ социологических данных, опросные методы (глубинные интервью, экспертный опрос). Традиционный анализ документов (нормативно-правовые акты, публикации в СМИ и контент на цифровых ресурсах органов власти) был применен для описания институционального контекста процессов политической ресоциализации; вторичный анализ социологических и статистических данных позволил получить представления о состоянии и тенденциях трансформации массового

сознания, отражающих процессы социокультурной трансформации современного российского общества; серия глубинных интервью с гражданами, получившими гражданство после 2014 года, позволила выявить различные эмпирические модели политической ресоциализации, а также систему факторов, которые обуславливали устойчивость или лабильность усвоенных в процессе первичной политической социализации представлений; экспертный опрос был использован для выявления проблем и барьеров политической ресоциализации россиян.

Эмпирическая база диссертации представлена комплексом различных источников, характеризующих политико-психологические процессы в российском обществе, а также нормативные основания реализуемой политики, направленной на формирование гражданкой идентичности россиян, в том числе в новых субъектах РФ; а также результаты проведенного автором эмпирического исследования, направленного на выявление содержания, этапов, институтов, факторов и барьеров политической ресоциализации в России.

Эмпирическая база включает:

– вторичные данные, характеризующие состояние и социокультурную динамику российского общества в период с 2024 г., в том числе данные Института социологии РАН, ВЦИОМ, ФОМ;

– комплекс статистических данных, других открытых данных, характеризующих численность и состояние российского общества в процессе расширения политического и административного пространства в 2014 и 2022 гг.;

– открытые данные, в том числе нормативно-правовые акты, опубликованные на официальных ресурсах органов власти, субъектов публичной политики, в том числе субъектов публичной политики новых регионов РФ, характеризующие политику, направленную на формирование российской идентичности, отражающие содержательные и технологические аспекты политической социализации и политической ресоциализации граждан новых регионов РФ;

– результаты исследования траекторий политической ресоциализации новых граждан РФ (включающие 30 глубинных автобиографических интервью с гражданами РФ, получившими российское гражданство после 2014 года, проживающих на территории субъектов, вошедших в состав России после 2014 года), собранных в рамках выполнения государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук в рамках государственного задания FZEN-2024-0013);

– результаты экспертного опроса представителей научного сообщества, а также представителей органов власти, других субъектов публичной политики, которые вовлечены, в силу своей профессиональной деятельности, в реализацию образовательной, молодежной, других направлений публичной политики, влияющих на формирование гражданской идентичности.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в обосновании объяснительной модели политической ресоциализации в условиях расширения политического пространства РФ. Научная новизна конкретизирована в следующих результатах:

– на основе анализа современных социально-политических и политико-психологических исследований описан и систематизирован научный дискурс о политической ресоциализации в условиях расширения политического пространства; показаны ключевые дискурсивные поля и лакуны в исследовании политической ресоциализации; выявлены концептуальные предпосылки интегративного подхода к анализу процессов политической ресоциализации в условиях расширения политического пространства;

– на основе анализа теоретических подходов предложена объяснительная модель политической ресоциализации в условиях расширения политического пространства, включающая содержательный, институциональный, технологический, контекстуальный компоненты, отражающие содержание,

институты, агентов политической ресоциализации, а также систему факторов, определяющих специфику эмпирических моделей;

– выявлено состояние (характеризующееся многовекторностью), определена многоуровневая система факторов и траектории социокультурной динамики современного российского общества в условиях расширения политического пространства, определяющие содержательный и контекстуальный компоненты политической ресоциализации;

– описаны и систематизированы институты и агенты политической ресоциализации в современной России, показана многоуровневость и обоснована типология институтов и агентов политической ресоциализации;

– охарактеризованы эмпирические модели политической ресоциализации в условиях расширения политического пространства РФ, отражающие различные масштабы и вектор изменения ядра политической картины мира;

– определены и систематизированы барьеры политической ресоциализации новых граждан РФ и пути их минимизации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Потенциал современной политической науки в исследовании процессов политической ресоциализации состоит в наличии и возможности использования инструментария политико-психологического (в определении содержания), идентитарного (в определении результата) и пространственного (в определении факторов и контекста) подходов для создания объяснительной модели исследования процессов политической ресоциализации в условиях трансформации политического пространства; этот потенциал позволяет заполнить существенную лакуну в современной политической науке, обусловленную недостатком эмпирических данных о происходящих политико-психологических процессах и отсутствием их теоретического осмысления.

2. Политическая ресоциализация – это процесс изменения ядра (представлений о Родине, государстве и власти) и базовых компонентов политической картины мира (ключевые когнитивные, аффективные и поведенческие установки относительно политической системы),

формирующихся в процессах первичной политической социализации под влиянием многоуровневой системы факторов и институтов. Объяснительная модель исследования политической ресоциализации включает следующие компоненты: содержательный, институциональный, технологический, контекстуальный.

3. Социокультурная динамика современного российского общества характеризуется наличием нескольких векторов, обусловленных процессами социокультурной интеграции и социокультурной поляризации; сформированных под влиянием системы факторов мега-, макро-, мезо- и микроуровней; обуславливающих наличие трех траекторий социокультурной динамики: траектория политической социализации, траектория политической ресоциализации и траектория политической адаптации. Вектор социокультурной динамики российского общества характеризует содержательный компонент политической ресоциализации; совокупность факторов определяет контекстуальный компонент политической ресоциализации.

4. Институциональный компонент системы политической ресоциализации в современной России имеет многоуровневую структуру и включает систему государственных и общественных институтов и учреждений; традиционные (семья, государство, институт образования, СМИ) и современные (в сравнении с традиционными) институты (масс-медиа); функционирует на всех уровнях управления (федеральном, региональном и локальном) и коммуникации (публичном и личном).

5. Конфигурация компонентов и факторов процесса политической ресоциализации в условиях расширения политического пространства определяет существование трех эмпирических моделей, отражающих различные масштабы изменения ядра политической картины мира и их вектор: цикличная политическая ресоциализация (неоднократное изменение представлений о своей стране, власти и государстве, в процессе которого нынешняя конструкция ядра политической картины мира устойчива, характеризуется возвращением к представлениям о своей стране, власти и государстве, сформированным на

первичном этапе политической социализации с рефлексией актуального политического контекста), линейная политическая ресоциализация (значимое изменение представлений о своей стране, власти и государстве; сложившуюся нынешнюю конструкцию ядра политической картины мира можно охарактеризовать как неустойчивую, характеризующуюся кардинальной трансформацией представлений о своей стране, власти и государстве, сформированных на первичном этапе политической социализации с рефлексией актуального политического контекста), политическая адаптация без политической ресоциализации (значимых изменений представлений о своей стране, власти и государстве не происходило, нынешняя конструкция ядра политической картины мира в настоящий момент устойчива, кардинальных трансформаций представлений о своей стране, власти и государстве, сформированных на первичном этапе политической социализации, не происходило, а поведенческие установки характеризуются рефлексией актуального политического контекста и субъектной политической позицией).

6. Существуют четыре типа барьеров, препятствующих социокультурной и политико-психологической интеграции новых граждан в политическое пространство РФ: социокультурные (связанные с наличием разных типов приоритетных ценностей, сформированных в процессе первичной политической социализации); институциональные (связанные с конфликтом социализирующих институтов, а также с эффективностью их деятельности в российском политическом пространстве); агентные (связанные с противоречивым социализирующим воздействием различных агентов политической ресоциализации); ситуативные (связанные с влиянием актуальных военных событий и социально-политической ситуации).

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования состоит во вкладе автора в развитие понятия «политическая ресоциализация»; научном осмыслении политико-психологических процессов в условиях расширения политического пространства РФ, выявлении барьеров и путей их преодоления. Выявленные дискурсивные лакуны в исследовании политической

ресоциализации в социально-политических науках определяют векторы и содержание дальнейших теоретико-эмпирических и прикладных исследований. Разработанная автором объяснительная модель, отражающая содержание, институты, факторы и технологии политической ресоциализации, может стать аналитическим инструментарием для дальнейших масштабных эмпирических исследований.

Автором введен в научный оборот отечественной политической науки большой массив эмпирических данных, характеризующих политико-психологические процессы в условиях трансформации политического пространства.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в выработке критериев и оснований практической деятельности в сфере образовательной, молодежной и других направлений публичной политики, направленной на совершенствование механизмов политики по формированию гражданской идентичности.

Содержательные и технологические компоненты описанной модели могут быть использованы для разработки образовательных программ и интенсивов в системе профессионального образования кадров для системы государственного и муниципального управления, а также системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов сферы публичной политики.

Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности **5.5.2 Политические институты, процессы, технологии,** пункту 15. Психологические аспекты политических процессов; 25. Политическая социализация: институты, факторы и агенты; 28. Политическая идентичность: сущность, типы, структура. Механизмы политической идентификации личности и социальных групп.

Апробация результатов исследования. Промежуточные и итоговые результаты исследования были апробированы на 7 научных конференциях международного и всероссийского уровня, в том числе: XIV Международной научно-практической конференции – Столыпинских чтениях «Евразийское

пространство: актуальные аспекты международной, национальной, региональной и локальной политики» (Краснодар, 2025); XVI Международной научно-практической конференции «Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт» (Омск, 2025); XXV Всероссийской научно-практической конференции «Человек. Сообщество. Управление» (Краснодар, 2025), XIII Всероссийской научно-практической конференции – Столыпинских чтениях «Регионы России в контексте современного политического процесса: итоги развития, проблемы, перспективы» (Краснодар, 2024), II Всероссийской научно-практической конференции Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки «Российская политика в условиях современной международно-политической напряжённости: институты, тенденции, трансформации» (Донецк, 2024), Международной научно-практической конференции «Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: К 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации» (Краснодар, 2024); Всероссийской научно-практической конференции «Политические процессы в России в условиях трансформации мирового порядка» (Мариуполь, 2024).

Основные положения диссертации изложены автором в 11 научных статьях общим объемом более 8 печатных листов, в том числе в 4 статьях в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов кандидатских диссертаций.

Диссертация подготовлена и обсуждена на заседании кафедры государственной политики и публичного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета.

Структура работы состоит из введения, трех глав, шести разделов, заключения, списка использованной литературы.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

1.1 Проблематика политической ресоциализации в научном дискурсе социально-гуманитарных наук

В контексте развития современного российского общества процесс ресоциализации служит механизмом социально-политической адаптации к постоянно меняющимся социально-политическим, экономическим, политическим условиям. Принципиально новое состояние социального и политического устройства обуславливает трансформации в образе жизни и структуре мировоззрения граждан, которые оказываются вынужденными приспосабливаться к когнитивным, аксиологическим и инструментальным особенностям стремительно меняющейся системы. Так, современный гражданин сталкивается с проблемой интеграции в социально-политическое поле и поиска своего места в безграничном потоке преобразований внутренней и внешней среды.

Необходимость анализа теоретических аспектов процесса ресоциализации в современном социально-гуманитарном знании обусловлена широким спектром интерпретации термина, а также наличием множества концептуальных подходов к его изучению в психологии, социологии, политологии, юриспруденции и других областях науки.

Многомерность понятия «ресоциализация» обуславливает необходимость и возможность применения междисциплинарного подхода к изучению самого феномена, а также указывает на потребность в конкретизации понятия с учетом его смыслового наполнения в разных областях науки.

Данная проблема в современных геополитических условиях требует более детальной проработки и рассмотрения основных научных подходов, позволяющих получить фундаментальные представления о содержании, этапах,

причинах и последствиях ресоциализации, в частности, в условиях расширения политического пространства РФ.

Классические подходы к определению понятия. Концептуальные и методологические основы ресоциализации были изложены в середине XX века зарубежными и отечественными представителями социально-гуманитарного знания, которые рассматривали феномен с точки зрения возможности индивида переключаться на другую реальность, имеющую конкретные социальные требования, нормы и ценностные основания[1].

Термин «ресоциализация» был определен и получил распространение усилиями американских социальных психологов А. Кеннеди и Д. Кербера[2]. Понятие стало использоваться для обозначения повторного вхождения индивида в социально-культурное поле ввиду негативного опыта, извлеченного из условий предшествующей среды или в результате смены окружения и ценностных оснований[3].

Понятие ресоциализации, предложенное Э. Гидденсом[4], наиболее полно раскрывает его сущность и содержит мысль о протекающем процессе разрушения усвоенных ранее ценностных представлений, нравственных ориентиров, а также моделей поведения и убеждений, вследствие чего формируются иные, отличные от коренных, когнитивные, аксиологические и поведенческие особенности. Социолог подчеркивает остроту данного процесса и его «драматичность» в контексте выстраивания новой системы мировоззрения личности и картины мира целого общества.

Во второй половине XX века понятие оформилось в отечественной криминологической науке и трактовалось Ю.М. Антоняном как период приспособления к новому жизненному циклу, принципам социальных связей и

---

[1] Позднякова О. В. Социальная адаптация как стадия социализации личности // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 5–6 (27–28). С. 362–366.

[2] Kennedy D. B., Kerber A. Resocialization: An American Experiment. N.Y., 1973. 191 p.

[3] Самаркина И. В. Политическая ресоциализация контекст… 2006.

[4] Гиддерс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС., 1999. С. 692.

условиям их выстраивания, что впоследствии обуславливает характер социальной включенности личности[1].

Н.В. Якса акцентирует внимание на терминологической схожести понятий «социализация», «ресоциализация» и «опыт», поскольку в процессе социализации происходит активное накопление и трансляция социальных практик, знаний и выработанных образцов поведения. Она определяет ресоциализацию как восстановление навыков социальной коммуникации и возрождение некоторых областей личностного и общественного сознания. По мнению Н.В. Якса, на протяжении жизни человека встречаются временные интервалы, которые оказывают значимое влияние на социальное становление и вхождение в область общественных отношений. Эти процессы сопровождаются объективными и субъективными барьерами и рисками, однако решающее значение имеет непрерывно осваиваемый социальный опыт, а также стихийное или линейное его конструирование под влиянием внешних факторов[2].

Согласно И.М. Быховской и О.И. Горяиновой, ресоциализацию следует определять как феномен культурной «реадаптации», при которой происходит конструирование нового социокультурного опыта, а также наслаивание на имеющиеся фундаментальные знания и навыки иных фреймов, которые будут способствовать определению своего места в трансформирующейся социальной системе. По мнению авторов, ресоциализация может характеризоваться стихийным изменением социокультурной реальности, что приводит к вынужденной социальной мобильности, будь то пространственные перемещения или смена статусно-ролевой позиции. Зачастую ресоциализация сопровождается состоянием культурного стресса или «шока», что впоследствии обуславливает выстраивание новых жизненных смыслов и стратегий[3].

---

[1] Антонян Ю. М. Криминология. М.: Логос, 2004. 447 с.

[2] Якса Н. В. Социальный опыт как составляющая социализации личности // Научный вестник Крыма. 2018. № 1 (12). С. 1–7.

[3] Быховская И. М., Горяинова О. И. Социализация и инкультурация личности: сравнительный анализ общественно значимых практик // Культурология: имя собственное (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера). М., 2021. С. 172–189.

В работах видных зарубежных (Н. Смелзер[1], Л. Моррисон[2]) и отечественных (А.И. Ковалева, Н.А. Перинская[3], И.П. Приходько, Е.А. Карачева[4]) исследователей концептуальное определение ресоциализации сводится к освоению отличных от предыдущих норм, культурных образцов и ценностей, статусов и ролей, функций и умений вместо недостаточно усвоенных прежних.

Когнитивный компонент процесса ресоциализации отмечают Э.Л. Хогл[5], Г.А. Банных, С.Н. Костина[6]. По мнению авторов, он в трансформации когнитивной системы, в частности, на этапе переобучения или перестройки структуры знаний в процессе профессиональной деформации или передвижения в системе социальной или должностной иерархии.

А.М. Хафизова дает оценку использования термина «ресоциализация» в рамках уголовного права, считая достаточно ограниченными возможности всестороннего анализа категорий данного понятия. Так, отсутствие единого понимания сущности и характеристик ресоциализации позволяет говорить о том, что ее можно рассматривать и как динамичный процесс, и как комплекс методов и средств, и как предполагаемые и реальные результаты. В ресоциализации осужденных автор выделяет несколько ключевых направлений: совокупность мер воздействия на субъект с целью формирования его правового поведения; период восстановления утраченных или деформированных социальных связей и способов коммуникации, также статусно-ролевых механизмов и функций в

---

[1] Смелзер Н. Социология / пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. М.: Феникс, 1994. 687 с.

[2] Morrison L. J. Resocialization // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. L., 2007. P. 3889–3891.

[3] Ковалева А. И., Перинская Н. А. Ресоциализация // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 297–300.

[4] Приходько И. П., Карачева Е. А. Психологические аспекты ресоциализации мигрантов // Сфера знаний: научное взаимодействие в рамках образовательного процесса. Казань, 2018. С. 206–213.

[5] Hogle E. L. Resocialization of Registered Nurse Students in Selected BSN Programs: Changes in Role Strain and Nursing Role Perspective: Dissertations. Chicago, 1986. 600 p.

[6] Банных Г. А., Костина С. Н. Профессиональная ресоциализация в условиях цифровизации: содержание и факторы успешности // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 119–131.

обществе; усвоение социально значимых ценностных детерминантов, конструирование нравственного сознания[1].

Схожую позицию, выраженную в комплексном подходе к интерпретации понятия, предлагали советские ученые в области права В.В. Громов и А.С. Крылов, считая, что ресоциализацию следует рассматривать прежде всего как организацию действий и мероприятий, нацеленных на восстановление и укрепление общественно значимых представлений и навыков личности после ее вынужденной социальной изоляции[2].

Ресоциализацию, вызванную условиями новых порядков и нормативных требований, зачастую в процессе отбывания наказания, пребывания в концентрационных лагерях и в вынужденном заточении, описывали ученые Б. Беттельгейм[3] и У. Саргант[4], в представлении которых ресоциализация образуется в период, когда личность формирует новые модели поведения, в частности, как считал У. Саргант, на основе авторитета[5].

В политической науке ресоциализацию рассматривают в качестве «обратной» социализации (Е.Б. Шестопал[6], И.В. Самаркина[7], А.Р. Милорава[8], И.В. Денисова[9], Е.В. Ефанова[10]), протекающей в условиях сдвигов политической

---

[1] Хафизова А. М. Ресоциализация осужденных как задача уголовно-исполнительной политики России: к вопросу о терминологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 3 (41). С. 324–328.

[2] Громов В. В., Крылов А. С. Социальные связи в процессе ресоциализации осужденных // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы. М., 1989. С. 36–42.

[3] Bettelheim B. The informed heart: Autonomy in a mass age. N.Y.: Free Press, 1960. 309 p.

[4] Sargant W. Battle for the mind: A physiology of conversion and brain/washing. L.: Heinemann, 1959. 248 p.

[5] Тумаров К. С. Ресоциализация осужденных к условиям лишения свободы: к вопросу о понятии // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 8. С. 269–273.

[6] Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация… 2005.

[7] Самаркина И. В. Политическая ресоциализация как проблемное поле политической психологии // Политическая психология, культура и коммуникация / отв. ред. Е.Б. Шестопал. М., 2008. С. 42–49.

[8] Милорава А. Р. Проявление политической ресоциализации… 2017.

[9] Денисова И. В. Этапы политического развития личности (к проблеме ресоциализации в России) // Труды Сибади. Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, 1998. С. 66–71.

[10] Ефанова Е. В. К вопросу об агентах политической ресоциализации и их влиянии на политическую стабильность социума // Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия. М.: Институт социологии Российской академии наук, 2008. 214 с.

системы и ценностно-идеологических, поведенческих, когнитивных и эмоциональных аспектов жизни граждан. В этой связи в поле научного зрения находятся трансформации политических взглядов и установок – компонентов политического сознания и политической культуры граждан, а также выбор форм политического поведения и участия в принципиально новых социально-политических реалиях.

В политической науке также существует следующее определение ресоциализации: «детерминированный трансформацией институционального и ценностного пространств процесс интенсивного изменения политико-культурных ориентаций и установок», сформулированное Е.В. Бродовской[1].

Исходя из представленных подходов к определению понятия, следует отметить, что в современном научном дискурсе проводятся параллели между терминами «ресоциализация» и «реабилитация», «социальная адаптация», «приспособление», «исправление» и «социализация», что свидетельствует об отсутствии единого подхода к пониманию термина и создает противоречия в области изучения процессов ресоциализации в различных сферах общественной жизни.

Так, в контексте широкой интерпретации термина и отсутствия единого подхода к его пониманию и изучению, представители социально-гуманитарного знания выступают за разведение понятий «ресоциализация», «ресоциализация осужденных» и «социальная адаптация», а также «социальная реабилитация» и «исправление», поскольку каждое включает в себя отдельные меры реализации и принципиально отличную от других смысловую нагрузку[2].

Для построения объяснительной модели политической ресоциализации следует выявить теоретические наработки отдельных отраслей социально-гуманитарного знания и определить их эвристический потенциал.

Ресоциализация в правовом поле. Понятие «ресоциализация» широко используется и трактуется в различных отраслях научного знания, в том числе в

[1] Бродовская Е. В. Влияние посткоммунистической… 2012.
[2] Хафизова А. М. Ресоциализация осужденных… 2020.

юриспруденции. М.Н. Садовникова наделяет особой функцией государственную систему координации исправительных мер осужденных в процессе их ресоциализации и порядок восстановления утраченных навыков, убеждений и нравственных черт[1]. Ю.В. Жулева размышляла о повторном прохождении социализации, когда личность исправляет или в некоторой степени корректирует усвоенный ранее противоречивый опыт и проходит этапы ресоциализации[2].

Л.А. Исаева определяет ресоциализацию как совокупность мер нравственного, организационного, психологического, воспитательного и правового воздействия на осужденных в целях восстановления их моральных ориентиров и предотвращения негативных последствий отбывания наказания. По мнению автора данного правового определения, субъектов ресоциализации следует включать в позитивные практики взаимодействия с социальной средой, а также сопровождать на этапе трансформаций в ходе освобождения[3].

По мнению И.Ю. Салминой, Ю.В. Кузнецова[4], правовая ресоциализация служит примером развития правовой культуры в обществе, когда личность не только приобретает социальные навыки и знакомится с нормативными доктринами, но и обладает правом свободного выбора ценностей и собственных действий в рамках формирования индивидуальной системы мировоззрения.

В этой связи И.Ю. Салмина и Ю.В. Кузнецов сформулировали три ключевых этапа ресоциализации: восприятие правовых норм сквозь призму моральных императивов; отражение норм права и законов в системе нравственных ориентиров личности; восприятие норм права тождественно нормам морали. Однако отклонения от этих этапов могут послужить развитию

---

[1] Садовникова М. Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных (по материалам Восточной Сибири): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2011.

[2] Жулева Ю. В. Теоретические аспекты ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания: сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. Рязань, 1999.

[3] Исаева Л. А. Ресоциализация осужденных к лишению свободы // Право и практика. 2018. № 4. С. 145–149.

[4] Кузнецов Ю. В., Салмина И. Ю. Правовая социализация молодежи как фактор развития гражданского общества // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2010. Т. 13. № 2. С. 431–438.

девиации, в результате чего и образуется потребность в ресоциализации, когда личность вынуждена корректировать недостаточные результаты предшествующего социального развития[1].

Согласно позиции Э. Фромма, переход от принудительного правомерного поведения к собственной стратегии добровольного правомерного поведения служит примером эффективной ресоциализации, в ходе которой человек опирается на собственные убеждения и самостоятельно осваивает нравственные и правовые положения[2].

В правовом поле принято выделять два фундаментальных подхода к осмыслению этапов ресоциализации: пенитенциарный, протекающий в период отбывания наказания, и постпенитенциарный, включающий в себя адаптацию к социальной среде после освобождения (М.И. Еникеев[3], О.Л. Кочетков[4], Н.А. Крайнова[5], Ю.А. Алферов[6], М. Миклашевич[7], Н.А. Стручков[8]). Интересно, что В.Е. Южанин к данной категории этапов также относит допенитенциарный, утверждая, что все стадии взаимосвязаны единым объектом и целью – предупредить девиацию и сократить ее последствия[9].

В юридических науках проблемам ресоциализации посвящено множество научных публикаций. В частности, широко исследуются вопросы прохождения этапов ресоциализации как реконструкции и восстановления ценностной системы, социальных качеств и моделей поведения, привычных навыков и способов социального взаимодействия осужденных. В данном контексте рассматривается реализация изменений заключенных в рамках уголовно-

---

[1] Лемищак Е. М. Интеграционный подход… 2014.
[2] Фромм Э. Иметь или быть. 2006.
[3] Еникеев Е. М. О современном состоянии… 1982.
[4] Еникеев Е. М., Кочетков О.Л. Общая, социальная и юридическая… 1997.
[5] Крайнова Н. А. Проблемы ресоциализации… 2002.
[6] Алферов Ю. А. Пенитенциарная социология… 1994.
[7] Миклашевич М. От пенитенциарной ресоциализации… 2017. С. 163–170.
[8] Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового… 1984. С. 160–172.
[9] Южанин В. Е. Процесс ресоциализации… 1992. С. 24–25.

исправительных учреждений и системы воспитательной работы, организации общественно полезной трудовой активности[1].

Ученые-исследователи правовой ресоциализации (С.Н. Козловский, А.М. Хафизова[2], А.А. Бровкина[3]) указывают на необходимость нормативного оформления и запуска государственной программы помощи осужденным, находящимся в постпенитенциарном периоде (после освобождения), что позволит отслеживать динамику эффективности практик, нацеленных на ресоциализацию в исправительной системе; отмечается возможность формального закрепления статуса термина «ресоциализация» в уголовно-исправительном законодательстве.

Следует отметить, что ресоциализация в правовом поле рассматривается с точки зрения целенаправленной и управляемой процедуры, направляемой институтом государства посредством исправительных учреждений, реализующих профилактическую деятельность и проводящих нравственно-психологическую с заключенными в пенитенциарный и постпенитенциарный период[4].

Итак, научный дискурс правовой ресоциализации включает разработанные подходы к пониманию термина в качестве институционального и контролируемого процесса социальной и нормативной реабилитации личности по завершении негативного, усвоенного в ходе предыдущего этапа социализации, опыта; понимание ресоциализации в правовом поле как процесса восстановления утраченных социальных параметров и образцов поведения после вынужденной изоляции; вместе с тем дискурс характеризуется отсутствием дифференциации понятий «ресоциализация», «правовая ресоциализация»,

---

[1] Козловский С. Н. Ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 1. С. 122–128.

[2] Хафизова А. М. Ресоциализация осужденных… 2020.

[3] Бровкина А. А. Ресоциализация осужденных как фактор сокращения рецидива преступлений // Вестник общественно-научной исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2013. № 2. С. 120–123.

[4] Тумаров К. С. Ресоциализация осужденных… 2011.

«ресоциализация осужденных», «социальная адаптация», «реабилитация», что затрудняет возможность их верной интерпретации, в частности, в нормативных актах уголовно-исполнительного права и требует особого внимания представителей научного сообщества к проблемам содержания понятийного аппарата.

Ресоциализация в дискурсе социологии. П. Бергер и Т. Лукман наделяли ресоциализацию свойствами первичной социализации, отмечая при этом, что ресоциализация возможна в условиях уже сформированного фундамента социального знания и опыта личности, когда на базовые представления наслаиваются новые взгляды и модели поведения[1]. Этапы ресоциализации в социальном поле детерминированы ключевой проблемой, состоящей в преобразовании имеющихся у индивида взглядов, убеждений, знаний, ценностных представлений и моделей поведения. Вопрос согласованности существовавшей ранее и конструируемой новой системы знаний и убеждений требует детального рассмотрения, поскольку в процессе ресоциализации возникают противоречия в структуре идентичности граждан и глубине их приверженности к прежним устоям[2].

По мнению Г. Спенсера, достижение баланса между социальной системой и внешними факторами, влияющими на ее развитие, определяет успешность адаптации индивида к свойствам среды и следование существующим нормам[3]. Н. Смелзер наделяет психотерапию функцией ресоциализации в системе формирования личности и ее обновления на новом жизненном этапе. Так, в процессе индивидуальной терапии личность, по его мнению, справляется с переживаемыми внутренними конфликтами, вследствие чего меняет модели своего привычного поведения[4].

Социальную адаптацию в контексте трансформации социальных норм рассматривал в работах Э. Дюркгейм, подчеркивая, что реализация индивидом

---

[1] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование… 1995.
[2] Там же.
[3] Философские проблемы теории… 1975.
[4] Смелзер Н. Социология. 1994.

установленных в обществе правил и образцов поведения влияет на возможность установления тесного контакта со средой[1].

В теории структурного функционализма Р. Мертона[2] и Т. Парсонса[3] ресоциализация рассматривается во взаимосвязи с освоением индивидом новых социальных ролей, а также через возможность реализации потребностей и интересов индивида и отдельных социальных групп в рамках формирующейся новой системы[4].

В представлениях Р. Мертона, существует несколько способов приспособления индивида к изменениям социальной системы, к которым относят ретритизм, ритуализм, инновацию, конформизм и мятеж, которые раскрывают различные возможности сочетания индивидуальных и общественных целей и их достижение на основе имеющихся у личности ресурсов. Р. Мертон указывал на возможность развития девиантного поведения в условиях рассогласования ценностных ориентиров, норм и целей в обществе в условиях переходного состояния социальной системы[5].

Э. Гидденс размышлял о процессах разрушения усвоенных ранее ценностей и убеждений с последующей возможностью изменять или наращивать новые социальные представления и взгляды, в частности, в условиях реконструкции современности и перехода к обществу модерна, задающего инновации и новый смысловой контекст[6].

Концепция символического интеракционизма (Т. Шибутани[7], Г. Блумер[8]) описывает феномен социальной адаптации к новой системе во взаимосвязи с приспособительными реакциями индивида, которые обуславливают установление равновесия на групповом и межгрупповом уровне[9].

---

[1] Дюркгейм Э. Социология… 2019.
[2] Мертон Р. Социальная теория… 2006.
[3] Парсонс Т. Социальные системы… 2008.
[4] Кузнецов П.С. Социологическая теория… 2000.
[5] Мертон Р. Социальная теория…2006.
[6] Гидденс Э. Модерн и самоидентичность… 1995.
[7] Шибутани Т. Социальная психология… 1998.
[8] Блумер Г. Общество как символическая интеракция… 1984.
[9] Позднякова О. В. Социальная адаптация… 2011.

В отечественных социологических исследованиях термин «ресоциализация» применяется для описания процессов перестройки статусно-ролевых позиций личности в сфере трудоустройства, образования, других сферах, в которых переходное состояние личности обуславливалось объективными и субъективными факторами. Социологи подчеркивают, что внутриличностный (субъективный) процесс требует самостоятельной смены убеждений, установок, ценностей и образцов, которые ранее были сформированы недостаточно или искаженно; внешние (объективные) факторы опираются на институциональную основу, когда государство через систему институтов обеспечивает успешное прохождение этапов ресоциализации[1]. Для эффективности процесса ресоциализации необходим синтез психолого-педагогических, юридических, экономических, управленческих и иных мер, способствующих выстраиванию фундамента и готовности индивида к включению в социальную среду в процессе ресоциализации[2]. Важна также субъектная позиция личности, процесс ресоциализации протекает успешно в случае, когда индивид активно осваивает социальные нормы, формирует убеждения и отношение к внешней и внутренней среде, тем самым приспосабливаясь к новым условиям, выстраивая идентификационные связи с отдельными социальными группами и целым сообществом[3].

Трансформация самоидентичности рассматривается в качестве одной из форм ресоциализации, возникающей на фоне ослабления роли обычаев, традиций и общественных устоев, что предполагает отмену социальных действий в соответствии с прежними нормами и конструирование новых в соответствии с текущими социальными запросами[4]. О социальной травме (П. Штомпка[5]) и трансформации системы социальных идентичностей личности в процессах

---

[1] Лемищак Е. М. Интеграционный подход… 2014.

[2] Каирбаев Л. К. Проблемы ресоциализации осужденных // Материалы международной научно-практической конференции «Перспективные научные исследования» 2010. С. 41−46.

[3] Позднякова О. В. Социальная адаптация… 2011.

[4] Нуриев И. А. Ресоциализация и конструирование идентичности // Известия высших учебных заведений. 2014. Т. 5, № 3. С. 202–205.

[5] Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–17.

трансформации социальных и политических систем как части процесса социализации писали В.А. Ядов[1], Ж.Т. Тощенко[2], Т.И. Заславская[3].

А.И. Ковалева и Н.А. Перинская описывают ресоциализацию как соотношение с результативностью основного этапа социализации. Освоенные недостаточно или неприобретенные нормы и культурные образцы обновляются на новом этапе социального развития личности, который наступает под влиянием различных внешних факторов (взросление, старение, социальная мобильность, пространственно-географические перемещения). Таким образом, ресоциализация может затрагивать каждого человека на разных этапах его социального становления, однако более остро она ощущается в контексте кардинальных общественно-политических трансформаций, как, например, конец XX века в России, когда ранее приобретенные черты и установки личности разрушались вместе с ценностной основой самого общества. В подобной ситуации гражданин попадает в вынужденное пространство стихийного формирования новой картины мира, порой радикально отличающейся от предыдущей. Данный период авторы называют критическими ситуациями, в которых возможны как перестройка личности, так и ее распад, что происходит во взаимосвязи с тектоническими социально-политическими сдвигами[4].

Проблемы ресоциализации в контексте девиации рассматриваются Е.И. Суховой. Она отмечает, что одним из серьезных противоречий ресоциализации в молодежной среде может стать возникновение подростковой девиации, появление чувства социальной отчужденности. Асоциальное поведение в этих условиях может быть вызвано недостатком социализированности, в том числе ролью семьи как первичного агента

---

[1] Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 3-4. С. 158–181.

[2] Тощенко Ж. Т. Гражданское общество как объект социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2016. № 5. С. 50–62.

[3] Заславская Т. И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 4. С. 59–64.

[4] Ковалева А. И., Перинская Н. А. Ресоциализация. 2016.

социализации. Находясь в процессе ресоциализации, подросток нуждается в поддержке и помощи, в первую очередь со стороны семейного окружения, которое готовит его к новым социальным реалиям. Также важную роль в ресоциализации играют воспитание, педагогическая среда, коммуникация, ближний круг общения.

По мнению автора, в таком непростом, как с психологической, так и с социальной точки зрения, процессе подростковое поколение нуждается в сопровождении или «патронаже», что предполагает поиск скрытых ресурсов развития человека, создание психологических условий для выстраивания новых социальных связей. Данную функцию могут осуществлять и непосредственно образовательные организации, в которых социально-педагогическое сопровождение направлено на поддержку молодого человека и создание гарантий его нравственной защиты на этапе ресоциализации[1].

Таким образом, дискурсивное поле по проблеме исследования в социологии демонстрирует понимание данного процесса в качестве приспособления индивида к меняющимся условиям окружающей действительности. Процесс выстраивания новых социальных взаимосвязей и коммуникативных моделей, приобретение статусно-ролевых позиций и овладение социально значимыми чертами отражает успешность ресоциализации как периода адаптации к социокультурным реалиям. Стоит отметить весьма ограниченную трактовку понятия и его терминологическую близость с другими явлениями и процессами, в частности, с социальной адаптацией и приспособлением, что может создавать противоречия в операционализации и эмпирической интерпретации понятий.

Психологический дискурс. В психологических исследованиях рассматривается феномен ресоциализации как субъективной реакции приспособления личности к новым условиям существования, выстраивания

[1] Сухова Е. И. Ресоциализация подростков в условиях социального пространства (исторический аспект) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2009. № 3. С. 40–52.

взаимоотношений с социальной средой и адаптации к ней с позиции с широкого спектра психологических и психофизиологических параметров.

Идеи феноменологического направления психологии (К. Роджерс[1], А. Маслоу[2]) сводятся к рассмотрению ресоциализации как динамичного феномена, в процессе которого личность находится в непрерывном поиске возможностей для реализации и удовлетворения актуальных потребностей, в результате чего становится вовлеченной в окружающую социальную среду.

Представители гуманистического направления социальной психологии (У. Томас, Ф.В. Знанецкий[3]) в качестве важного критерия ресоциализации выделяют степень интеграции личности и среды, которая измеряется соотношением общечеловеческих и личностных ценностных представлений. Авторами отмечается, что в условиях развития общества личность переживает социокультурную ассимиляцию и этап приспособления к трансформирующимся социально значимым нормам[4].

По мнению Ж. Пиаже, подобная адаптация к социальной среде сопровождается процессами ассимиляции (преобразования самой среды или социальной группы) и аккомодации (усвоение норм и правил среды), в которых когнитивные способности индивида играют важную роль[5].

Психоаналитическое направление (З. Фрейд[6], А. Адлер[7], Г. Гартман[8]) описывает ресоциализацию как процесс, сопровождаемый переключением фокуса внимания индивида на следование санкционированным общественным объектам (институтам, нормам), протекающий с использованием защитных механизмов психики в ответ на возникающие вызовы социальной среды и конфликтные ситуации.

---

[1] Роджерс К. Гуманистическая психология… 2013.
[2] Маслоу А. Новые рубежи… 1999.
[3] Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки… 1994. С. 182–194.
[4] Позднякова О. В. Социальная адаптация… 2011.
[5] Пиаже Ж. Избранные психологические труды. 1969.
[6] Фрейд З. Психология бессознательного… 1989.
[7] Адлер А. Практика и теория… 2003.
[8] Гартман Н. Этика / пер. с нем. А. Б. Глаголева; под ред. Ю. С. Медведева, Д. В. Скляднева. СПб.: Фонд Университет, Владимир Даль, 2002. 707 с.

Представители отечественной когнитивной психологии (А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов[1]) считают, что социальная адаптация сопровождается противоречиями в восприятии возникающей информации, в результате чего образуется когнитивный диссонанс – личность вынуждена искать пути уменьшения внутреннего конфликта и отвергать поступающую извне информацию, менять собственные установки, а также подбирать дополнительную информацию, которая подтверждает согласованность между прежней картиной мира и формирующейся новой[2].

Таким образом, в фокусе психологической науки ресоциализация рассматривается как взаимодействие индивида с его набором когнитивных, психических, поведенческих черт с социальной средой в различных социально-психологических формах (ассимиляции, конформизма и т.п.). Процесс интеграции индивида и социальной среды с точки зрения психологии предполагает преобразование личностных потребностей в социально значимые, что обеспечивает гармонизацию общественных отношений на основе усвоения индивидом социальных норм, устоев и правил, а также приобретения социальных характеристик.

Политическая ресоциализация: дискуссии в политической науке. В условиях современных геополитических сдвигов, а также трансформации политических ценностей, поведенческих стратегий и гражданского самосознания российского общества имеет особое значение изучение политической ресоциализации.

В политической науке сложились два основных подхода к изучению ресоциализации как модели политической социализации, опирающиеся на междисциплинарные исследования, – традиционный (Г. Оллпорт[3], А. Маслоу[4],

[1] Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности… 2006.
[2] Позднякова О. В. Социальная адаптация… 2011.
[3] Allport G. W. Pattern and grow… 1961.
[4] Маслоу А. Новые рубежи… 1999.

К. Роджерс[1]) и трансформационный (Ф. Шмиттер, Г. О'Доннелл[2]). Сторонники первого направления полагают, что в контексте ресоциализации личность производит переоценку культурных норм, обладает саморегуляцией и на основе этого отбирает наиболее предпочтительные способы политического участия и поведения, корректирует знания и идеологические представления о политической системе. В фокусе второго направления исследований находятся события, закрепляющие статус новых ценностных взглядов и убеждений в сознании личности, происходящие как стихийно, так и целенаправленно, обуславливая в конечном итоге мотивационную основу конструктивного участия индивида в политическом процессе и формах социальной активности[3].

Е. В. Бродовская отмечает, что политическая ресоциализация возникает в условиях глубоких трансформационных процессов как реакция личности и общества на радикальные институциональные и ценностные преобразования. Особые противоречия возникают при переориентации политического сознания, когда затрагиваются основы социально-политической и гражданской идентичности, фундаментальных стратегий и убеждений, а также трансформируются уровни легитимности и взаимодействия между властью и гражданским обществом[4].

Согласно представлениям А.Р. Милорава, под ресоциализацией в политической сфере следует понимать период прохождения повторной политической социализации, следовательно, изменение политических установок, паттернов, целей и эмоций. Автор считает, что события в России 1990-х годов и позднее повлияли на оформление и развитие ресоциализации как актуальной стадии перемен в сознании граждан и обществе в целом. Ресоциализация характерна для переживаемых обществом кризисных политических периодов, являющихся переломными как для государства, так и для общественного сознания, проходящего этапы трансформации политического

[1] Роджерс К. Гуманистическая психология… 2013.
[2] O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule… 1986.
[3] Бродовская Е. В. Влияние посткоммунистической… 2012.
[4] Там же.

мировоззрения. По мнению автора, в современном российском обществе политическая социализация граждан протекает достаточно противоречиво, что создает лакуны в возможности смыслового определения себя как части политической картины мира с набором ценностно-идеологических, идейно-политических взглядов и течений. Так, в данной ситуации следует говорить о ресоциализации, являющейся результатом поиска иных социальных категорий, позволяющих определить свое место в политической системе[1].

Д.В. Ольшанский отмечал, что взаимодействие личности и социальной среды с учетом согласования требований и ожиданий всех участников образует поле для эффективного вхождения граждан в новую социальную среду[2].

Представители московской школы политико-психологических исследований (Т.В. Евгеньева[3], А.В. Селезнева[4], Е.Б. Шестопал[5]) рассматривают ресоциализацию в системе институциональных и неинституциональных факторов. В процессе ресоциализации граждане не только осваивают новые социальные роли и статусные позиции, но и производят качественное переосмысление усвоенных политических взглядов, убеждений, идеологических и ценностных ориентиров.

В монографии Е.Б. Шестопал «Политическая социализация и ресоциализация в современной России» приведены результаты масштабного эмпирического исследования процессов политической социализации и ресоциализации в России на рубеже XX и XXI вв., показана поколенческая специфика сформированных установок политической культуры, факторов, масштабов и результатов этих изменений. В первое десятилетие постсоветской

---

[1] Милорава А. Р. Проявление политической ресоциализации… 2017.

[2] Ольшанский Д. В. Адаптация социальная // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1989. 814 с.

[3] Евгеньева Т. В. Роль исторической памяти в процессе политической социализации граждан России (политико-психологический анализ) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология 2013. № 3 (23). С. 70–79.

[4] Селезнева А. В. Формирование политического сознания молодежи в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 2. С. 69–79.

[5] Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация… 2005.

трансформации люди разных поколений и социальных групп по-разному усваивали новые ценностные ориентации и образцы поведения, адаптировались к социокультурным, экономическим и политическим изменениям в обществе, предлагавшем новый контекст развития, это отразилось в противоречии установок политической культуры постсоветского общества. Отход старой ценностной системы и формирование новой воспринимались как переломный и неустойчивый период, усложняющий процесс выстраивания картины будущего[1].

В политико-психологических исследованиях политическая ресоциализация трактуется как процесс усвоения новых ориентиров и взглядов, приходящих на смену старым, прочно устоявшимся и усвоенным ранее, но утратившим свой прежний смысл. Данный процесс протекает болезненно, а результатом становится социальная адаптация и выстраивание новых общественно-политических связей, паттернов поведения, когнитивных и аксиологических моделей.

Теоретико-методологические основы феномена ресоциализации и подходы к ее содержательному изучению отражены в исследованиях И.В. Самаркиной[2]. Автор рассматривает феномен политической ресоциализации в контексте этапа вторичной политической социализации, в период которого гражданин воспроизводит новые ценности, переосмысляет культурные нормы, традиции и взгляды на политическую картину мира

По мнению И. В. Самаркиной, становится все более необходимым изучение динамики ресоциализации старших поколений, которое транслирует ценностные модели и политические установки молодежи, а также способствует передаче политических знаний и культурного опыта. Большая часть агентов социализации, действующих институционально в рамках системы образования (учителя, преподаватели), сами являются субъектами ресоциализации, что создает противоречия в процессе ресоциализации молодого поколения. В этой

[1] Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация... 2005.
[2] Самаркина И. В. Политическая ресоциализация… 2006.

связи одна из задач государства – обеспечение условий для создания целостной и достоверной политической картины мира граждан всех поколений.

И.В. Самаркина на основании данных отечественных и зарубежных исследований делает вывод о практической значимости изучения феномена ресоциализации. Так, успешному процессу ресоциализации поколений будет способствовать создание единой институциональной модели, обеспечивающей укрепление когнитивных, ценностных и инструментальных компонентов системы политических представлений граждан, что повысит уровень консолидации в обществе и послужит фактором формирования гражданской идентичности[1].

В исследованиях процессов политической социализации молодежи (С.И. Морозова, Н.С. Черных[2]) подчеркивается, что кризис семьи и трансформация ее как социального института отражает ситуацию поколенческого разрыва, противоречия в процессе трансляции культурно-исторического опыта, политических установок и знаний молодым людям. По мнению авторов, гармонизация социально-политического развития во многом зависит от синтеза преемственности поколений, передачи культурных и политических традиций вместе с реформациями и нововведениями, что в единстве обеспечит развитие политической культуры граждан.

Авторы отводят институту образования системообразующую роль в обеспечении политической социализации и ресоциализации, наделяя образовательные институты функцией воспитания компетентного гражданина в условиях демократизации. Так, институты должны транслировать национальные интересы, приоритеты и социально-политические ценностные ориентиры, закрепленные государством[3].

---

[1] Самаркина И. В. Политическая ресоциализация… 2006.

[2] Морозов С. И., Черных Н. С. Политические технологии и механизмы социализации/ресоциализации студенческой молодежи в условиях реализации национальной модели модернизации России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2 (22). С. 132–139.

[3] Там же.

Успешность политической ресоциализации зависит от деятельности государственных и общественных институтов (власти, лидеров, общественно-политических организаций, движений), которые призваны обеспечивать передачу знаний о правах и обязанностях граждан, находящихся в переходном состоянии, а также направлять меры для оказания им психологической и институциональной защиты в условиях протекающей интеграции в социальное поле[1].

Таким образом, в современном социально-гуманитарном знании присутствует дискурс ресоциализации: в юридической науке этот концепт описывает процессы реадаптации определённой социальной группы; в психологических исследованиях делается акцент на изучение процессов внутриличностной трансформации в ситуации социальных изменений; в социологических исследованиях акцентируется внимание на системе институтов и факторов, определяющих сложные процессы трансформации ценностей и убеждений личности, в том числе трансформации системы социальных идентичностей. Политологи говорят о необходимости исследований процессов политической ресоциализации применительно не только к старшим возрастным когортам (как это было ранее), а относительно всех социальных групп в обществе, поскольку процессы трансформации политического пространства затрагивают всех граждан. Особое значение имеют исследования людей, переживших политическую социализацию в одной политической системе и адаптирующихся к иной политической системе, в частности – новых граждан России.

1.2 Политическая ресоциализация новых граждан: теоретические основания исследования

[1] Быховская И. М., Горяинова О. И. Социализация и инкультурация… 2021. С. 172–189.

В политической науке сложились теоретические предпосылки для создания объяснительной модели, позволяющей осмыслить процессы политической ресоциализации новых граждан России. Как отмечалось выше, в широком контексте гуманитарного знания оформилось два направления в изучении ресоциализации.

Сторонники традиционного (Г. Оллпорт[1], А. Маслоу[2], К. Роджерс[3]) подхода определяют ресоциализацию в качестве способа переосмысления социокультурных образцов, установок и ценностно-идеологических ориентиров и формирования новых знаний и представлений о политической картине мира, в процессе чего личность воспроизводит отличные от предыдущих модели поведения и гражданского участия.

В фокусе трансформационного направления (Ф. Шмиттер, Г. О'Доннелл[4], Т.И. Заславская[5], Е.В. Бродовская[6]) находятся те явления и события политической жизни, происходящие стихийно или целенаправленно, с помощью которых личность закрепляет в своем сознании принципиально новые убеждения и демонстрирует на их основе формы социально-политической активности.

Политико-психологический подход в отечественной политической науке (Е.Б. Шестопал[7], Т.В. Евгеньева[8], А.В. Селезнева[9], И.В. Самаркина[10]) рассматривает процесс ресоциализации в призме качественного переосмысления внутренних установок, мотивов, ценностей и политических представлений гражданина, который совершается под влиянием институциональных и неинституциональных факторов. Разработанный отечественной школой политико-психологических исследований аналитический инструментарий

---

[1] Allport G. W. Pattern and grow… 1961.
[2] Маслоу А. Новые рубежи… 1999.
[3] Роджерс К. Гуманистическая психология… 2013.
[4] O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule… 1986.
[5] Заславская Т. И. Структура российского общества… 2002.
[6] Бродовская Е. В. Влияние посткоммунистической… 2012.
[7] Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация… 2005.
[8] Евгеньева Т. В. Роль исторической памяти… 2013.
[9] Селезнева А. В. Формирование политического… 2013.
[10] Самаркина И. В. Политическая ресоциализация… 2006.

исследования политической социализации будет полезен для определения основных компонентов нашей объяснительной модели. В контексте нашего исследования политико-психологический подход используется также для осмысления системы неинституциональных (в том числе социокультурных) факторов, влияющих на процесс и результат политической ресоциализации; а также для осмысления структуры субъективного пространства политики личности, которая качественно изменяется в процессе политической ресоциализации. Для осмысления компонентов субъективного пространства политики, которые изменяются в процессе политической социализации новых граждан, в работе используется концепция политической картины мира (И. В. Самаркина[1]) как компонента субъективного пространства политики, имеющего уровни, структуру, формирующегося в процессе политической социализации личности и изменяющегося в процессе политической ресоциализации.

Аналитический инструментарий идентитарного подхода (И.С. Семененко[2], В.А. Тишков[3], Л.М. Дробижева[4], А.В. Селезнева[5], В.А. Ядов[6]), в фокусе которого находится идентичность, позволит в нашей объяснительной модели сосредоточить исследовательский фокус на гражданской идентичности новых граждан, которая трансформируется в процессе политической ресоциализации, и определить последнюю в качестве механизма конструирования и укрепления гражданской идентичности.

---

[1] Самаркина И. В. Политическая картина мира / Министерство образования и науки Российской Федерации, Кубанский гос. ун-т. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. 250 с.

[2] Семененко И. С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. С. 354–358.

[3] Тишков В. А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 2. С. 42–62.

[4] Дробижева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 7–22.

[5] Селезнева А. В. Политические представления российских старшеклассников в контексте гражданского воспитания и формирования политической культуры // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 112–121.

[6] Ядов В. А. Социальные и социально-психологические… 1995.

Теоретические посылки неоинституционального подхода (И.Л. Недяк, С.В. Патрушев[1], П.В. Панов[2], О.И. Зазнаев[3], А.И. Соловьев[4] и др.) мы будем использовать в объяснительной модели для осмысления политической ресоциализации как целенаправленного и управляемого процесса, происходящего в контексте взаимодействий государственных и социальных институтов, в рамках которого институты и агенты политической ресоциализации создают специальные условия для успешного включения личности в новые социально-политические реалии и практики гражданского участия.

Пространственный подход как методология анализа, позволяющая учитывать процессы трансформации политического пространства как значимый контекст актуальных социально-политических процессов, был использован в исследовании для понимания контекстуальных факторов и вызовов внешней среды, определяющих эмпирические модели политической ресоциализации в современной России в условиях трансформации политического пространства. В исследовании используется интерпретация политического пространства как «поля политики» (П. Бурдье), фиксирующего дистанции и различия в поле политических отношений; а также интерпретация политического пространства как пространства интерсубъективного (А. Шюц), то есть существующего только благодаря способности людей формировать общую картину мира как в объективной реальности, так и в субъективном пространстве политики посредством коммуникации, маркирующей пространство и указывающей участникам место в политической иерархии. Изменения политического пространства (например, его расширение, трансформация) требуют

[1] Патрушев С. В., Кучинов А. М., Мирясова О. А., Недяк И. Л., Павлова Т. В., Филиппова Л. Е. Формирование гражданской ответственности в России: институциональный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 1. С. 27–47.

[2] Панов П. В. Институты и институциональные практики: проблема концептуализации // Вестник Пермского университета. 2010. № 4. С. 34–47.

[3] Зазнаев О. И. Современная дискуссия о лучшей форме правления // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, № 1. С. 199–205.

[4] Соловьев А. И. Системные последствия и эффекты сетевого правления // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 2. С. 153–175.

специального процесса «обучения» ориентации в политическом пространстве не только для новых поколений участников политической жизни (молодой когорты), но и для всех «взрослых поколений», поскольку локализация индивида в политическом пространстве связана с формированием когнитивных конструкций (мы/они), то есть формированием картины мира и идентичности, и необходимостью адаптации этих конструкций в связи с изменениями всего мира политики.

Резюмируя проанализированные походы к определению понятия «политическая ресоциализация», можно выделить общие характеристики и сформулировать следующее рабочее определение понятия. Политическая ресоциализация означает процесс качественного изменения политических, культурных, социальных и иных ориентиров, установок и убеждений, а также мотивов и способов политического поведения, отражающих особенности восприятия индивидом новой политической системы и степени нормативно-ценностного единения с ней, происходящий под влиянием институциональных и неинституциональных трансформаций.

Как было показано выше в обзоре научного дискурса по проблеме ресоциализации и политической ресоциализации, ученые сходятся на том, что ресоциализация предполагает изменение уже сформированных компонентов субъективного пространства политики личности (установок политической культуры, политических ценностей, представлений и т.п.), но либо в целом широко (все, что было сформировано в процессе политической социализации), либо по-разному (кто-то говорит о политических ценностях, кто-то – о политическом сознании, кто-то – о представлениях) определяют сам предмет изменений. Поле терминологической неопределённости также присутствует в соотношении понятий: политическая ресоциализация и политическая социализация (разные процессы или ресоциализация – часть процесса политической социализации с другим вектором?); политическая ресоциализация и десоциализация, асоциализация, адаптация (каково соотношение этих понятий и имеют ли они политическое преломление?); критерии политической

ресоциализации (что именно позволяет говорить о завершенности или незавершенности этого процесса, а также о его вариабильности в эмпирических моделях?); функции процесса политической ресоциализации (каковы они и являются ли они фактором, дифференцирующим эмпирические модели?). В контексте трансформации политического пространства ответы на эти вопросы помогают сформировать объяснительную модель исследования политической ресоциализации новых граждан в современной России.

В качестве отправной точки наших теоретических положений используется определение политической социализации по аналогии с общим процессом социализации как процесса включения человека в политическую систему (Шестопал Е.Б.). В этом контексте политическая ресоциализация новых граждан России может быть определена как процесс включения человека в иную политическую систему в условиях расширения политического пространства РФ. В этом контексте важными являются не только когнитивные, ценностные, поведенческие установки, но и институциональные требования, связанные с получением гражданства. Поэтому политическую ресоциализацию новых граждан следует определять как процесс институциональной и неинституциональной интеграции новых граждан в политическую систему России в условиях расширения политического пространства.

Для построения объяснительной модели процесса политической ресоциализации новых граждан России важен концепт политического пространства. Мы опираемся на интерпретацию политического пространства как «поля политики» (П. Бурдье), фиксирующего дистанции и различия в поле политических отношений. Для исследования политической ресоциализации в контексте расширения политического пространства также следует его рассматривать как пространство интерсубъективное (А. Шюц), то есть существующее только благодаря способности людей формировать общую картину мира как в объективной реальности, так и в субъективном пространстве политики. Изменения политического пространства (расширение, трансформация) требуют специального процесса «обучения» ориентации в

политическом пространстве не только для новых поколений участников политической жизни (молодой когорты), но и для всех остальных поколений, поскольку локализация индивида в политическом пространстве связана с формированием когнитивных конструкций (мы/они), то есть формированием картины мира и идентичности и необходимостью адаптации этих конструкций в связи с изменениями всего мира политики. В контексте этих теоретических положений именно политическую картину мира и идентичность следует рассматривать как критерии завершения или, по крайней мере, определения динамики процесса политической ресоциализации новых граждан России.

Политическую картину мира мы определяем как подвижную систему образов и представлений о власти и политике, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности, отражающую политический мир (И.В. Самаркина). Для теоретического определения политической ресоциализации новых граждан России важным также является положение о структуре политической картины мира, ядро которой составляют символические образы власти и государства (Родины); базовый уровень – образы элементов политического мира и представления о способах коммуникации между ними; инструментальный включает представления о возможных для субъекта моделях политического поведения. С нашей точки зрения, конкретизация представлений о политической системе, ее участниках, динамике происходит (в силу динамики самой политической системы) в процессе вторичной политической социализации человека на протяжении всей его жизни. Вместе с тем изменения в представлениях о ядре политической системы, включающем образы Родины и государства (моей страны), следует трактовать как процесс политической ресоциализации.

В этом контексте важной теоретической опорой объяснительной модели является также идентитарный подход (И.С. Семененко), в рамках которого исследуется сущность гражданской идентичности, которая, с одной стороны, является частью коллективного и индивидуального субъективного пространства политики; с другой стороны, тесно связана с ядром политической картины мира

(с представлениями о своей стране, Родине, государстве). Этот подход позволяет держать исследовательский фокус на главном результате процессов ресоциализации – формировании российской гражданской идентичности новых граждан – и дает аналитический инструмент для применения концепта гражданской идентичности в осмыслении политических процессов, который включает содержание идентичности (самоидентификации индивидов с политической культурой макросообщества и социальными институтами, прежде всего – с институтом гражданства, определяющим индивидуальный политико-правовой статус), ценностные основания, то есть усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности (Д. Харт, К. Ричардсон, Б. Вилкенфелд, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, И.С. Семененко); эмоциональную составляющую.

С учетом высказанных теоретических положений политическую ресоциализацию новых граждан России следует определить как процесс институциональной и неинституциональной интеграции новых граждан в политическую систему России в условиях расширения политического пространства, в котором происходит изменение ядра политической картины мира и гражданской идентичности.

Поскольку политическая социализация, как мы отмечали выше, является процессом интеграции личности в политическую систему, политическую ресоциализацию мы рассматриваем как часть (этап) этого процесса, который возникает под воздействием системы факторов (то есть причин, обуславливающих для отдельного человека, группы или сообщества смену «ядерных» политических представлений).

На процесс политической ресоциализации новых граждан России оказывает влияние система факторов, включающая внутренние и внешние (относительно личности, группы или макросообщества) факторы, обуславливающие наличие или отсутствие изменений ядра политической картины мира и гражданской идентичности.

В контексте теории политической социализации традиционно выделяют четыре уровня факторов (А.В. Мудрик): микрофакторы (влияние которых определяется ближним окружением человека), мезофакторы (совокупное влияние системы социальных институтов), макрофакторы (система, включающая влияние различных аспектов жизни макросообщества) и мегафакторы (обстоятельства, влияющие на процессы в масштабах всей планеты). Опираясь на эту логику, уточним эту типологию факторов применительно к процессу политической ресоциализации новых граждан России.

Микрофакторы политической ресоциализации новых граждан России – это совокупное влияние ближнего окружения: семьи, широких родственных связей, друзей, знакомых, сверстников, коллег – на процесс трансформации политической картины мира и гражданской идентичности. В процессе трансформации политического пространства России и Украины зачастую происходит деформация на уровне личностных, внутрисемейных коммуникаций, разрываются отношения с друзьями, коллегами; или наоборот – на этом (микроуровне) человек получает поддержку своим решениям и действиям. Совокупный вектор трансформации этой системы коммуникаций определяет влияние факторов микроуровня на процесс политической ресоциализации новых граждан России.

Мезофакторы политической ресоциализации новых граждан России – это совокупное влияние системы социальных институтов, участвующих в политической ресоциализации (семьи, государства, в нем отдельно – системы образования, субъектов публичной политики), которая определяет позицию человека в социуме и форматы социальных и социально-политических взаимодействий. В процессе трансформации политического пространства России эта система претерпевает существенную институциональную и ценностную трансформацию, что, в свою очередь, ведет к существенной перестройке всей системы социальных отношений. Совокупный вектор трансформации этой системы социальных коммуникаций определяет влияние

факторов мезоуровня на процесс политической ресоциализации новых граждан России.

Макрофакторы политической ресоциализации новых граждан России – это совокупное влияние состояния и динамики основных сфер жизни общества (политической, экономической, социальной, духовной) на процесс трансформации политической картины мира и гражданской идентичности. В процессе трансформации политического пространства России эта система также претерпевает существенные изменения, идет процесс институциональной, инфраструктурной, финансово-экономической, социальной, социокультурной, ценностной трансформации сообществ новых регионов России; к этому уровню факторов также следует отнести военно-политический контекст, связанный с незавершенностью военных действий непосредственно на территории новых субъектов, обостряющий риски и угрозы. Совокупный вектор трансформации всех сфер общественной жизни определяет влияние факторов макроуровня на процесс политической ресоциализации новых граждан России.

Мегафакторы политической ресоциализации новых граждан России – это совокупное влияние обстоятельств, выходящих за рамки территории Российской Федерации, на процесс трансформации политической картины мира и гражданской идентичности. К факторам этого уровня следует отнести контекст геополитического противостояния России и Европы (шире – Запада); процессы цифровизации и в целом цифровое пространство, не имеющее политических границ и оказывающее влияние на человека; глобальные экономические и социокультурные процессы. Совокупный вектор этих процессов и тенденций определяет влияние факторов мегауровня на процесс политической ресоциализации новых граждан России.

Таким образом, вектор, динамика и содержание политической ресоциализации новых граждан России определяются совокупным влиянием системы факторов микро-, мезо-, макро- и мега- уровней.

Институциональный компонент политической ресоциализации новых граждан России описывается совокупностью всей системы политических и

неполитических институтов, стихийно или целенаправленно участвующих в трансформации политической картины мира и гражданской идентичности новых граждан России. Опираясь на классификацию институтов политической социализации Е.Б. Шестопал, определим два основных типа институтов политической ресоциализации: неполитические и политические. Механизм трансляции, интериоризации политических ценностей и трансформации политической картины мира внутри института определяется целенаправленной деятельностью или поведением агентов ресоциализации.

В теории политической социализации семья и ближайшее окружение относятся к неполитическим, традиционным институтам, влияющим на формирование политических установок (М.К. Дженнингс, Р. Ниеми[1]), в том числе установок относительно власти, государства, лидера (Р. Хесс, Дж. Торней[2], Д. Истон, Дж. Деннис[3]) посредством механизмов подражания и авторитета (Е.Г. Тарасова[4]), который в итоге определяет и вектор политического воспитания (В.И. Смирнов[5]). В семейной системе агентами политической социализации выступают родители, их знания, их интерпретация и вовлеченность в политику в процессе социализации оказывают влияние на детей и подростков[6]. Е.Б. Шестопал отмечает, что система семейного воспитания является превалирующим механизмом формирования политических представлений и способов восприятия протекающих политических явлений на постсоветском пространстве. Однако трансформация института семьи указывает на то, что сами родители также нуждаются в адаптации к меняющимся социально-

[1] Jennings M. K., Niemi R. G. Generations and politics A panel study of young adults a. their parents. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1981. P. 427.

[2] Hess R. D., Torney J. V. The Development of Political Attitudes in Children. Chicago: Aldine Press, 1967. P. 288.

[3] Easton D., Dennis J. Children in the Political System. N.Y., 1969, P. 440.

[4] Тарасова Е. Г. Семья как агент политической социализации // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 20–27.

[5] Смирнов В. И. Идейно-политическое воспитание подростков в семье. М.: Общество «Знание», 1986. 39 с.

[6] Костюкевич В. Ф. Семья в качестве примера института политической социализации // Социальная политика и социология. 2013. № 6-1. С. 25–31.

политическим условиям[1]. По мнению А.В. Селезневой, В.Е. Зиненко[2] и И.В. Денисовой[3], профессиональная принадлежность родителей, их социально-экономические ресурсы и уровень социально-психологического взаимодействия обуславливают характер социализации и особенности политических предпочтений детей.

В процессе политической ресоциализации новых граждан значение семьи как института, а членов семьи (родителей, братьев, сестер, бабушек и дедушек) как агентов социализации является значимым. В ситуации социально-политических изменений, военных действий, связанных с непосредственной угрозой жизни, семья, как правило, остается единственной референтной группой, обеспечивающей если не физическую, то психологическую безопасность, опору для личности в условиях глобальных внешних изменений. Вместе с тем важно помнить, что агенты первичной (родители, учителя, преподаватели) и вторичной политической социализации и ресоциализации (партии, активисты, бюрократы и др.) зачастую сами находятся в состоянии внутреннего идейно-политического поиска и адаптации к политическим процессам[4].

Система образования (школа, система профессионального образования) в теории политической социализации рассматриваются как традиционный неполитический институт целенаправленной социализации. Школа углубляет и систематизирует сформированные в семье представления и закрепляет политические установки (А.В. Селезнева и В.Е. Зиненко[5]); осуществляет

---

[1] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.

[2] Селезнева А. В., Зиненко В. Е. Формирование политических ценностей и этических представлений молодежи в семье и школе: анализ актуальных тенденций // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета. 2021. № 17. С. 112–119.

[3] Денисова И. В. Трансформация семьи как института политической социализации в условиях реформирования российского общества // Ориентированные фундаментальные и прикладные исследования – основа модернизации и инновационного развития архитектурно-строительного и дорожно-транспортного комплексов России. Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, 2011. С. 390–394.

[4] Самаркина И. В. Политическая ресоциализация… 2008. С. 42–49.

[5] Селезнева А. В., Зиненко В. Е. Формирование политических ценностей… 2021.

функции гражданского и патриотического воспитания молодежи[1]. Эти задачи поддерживает система профессионального образования, однако в современных российских реалиях, в условиях противоречивой эволюции института образования общий социализирующий вектор системы образования можно охарактеризовать как противоречивый[2]. Унификация образовательных стандартов, недостаток профессиональных компетенций создают препятствия в системе политического образования и формирования гражданской позиции молодежи в трансформационные периоды[3].

В контексте политической ресоциализации новых граждан России система образования как институт имеет большое значение. Во-первых, в контексте целенаправленной трансляции системных знаний для молодого поколения (старших школьников, студентов); во-вторых, для политической ресоциализации самих агентов (школьных учителей, педагогов системы среднего профессионального и высшего образования). В исследованиях процессов постсоветской политической ресоциализации превалирующая доля учителей указала на факт протекания ресоциализации лично у каждого из них, что обусловлено переоценкой сформированных ранее представлений и усвоением новых мировоззренческих представлений[4].

К системе традиционных политических институтов политической ресоциализации относятся общественно-политические и политические организации. Е.Б. Шестопал утверждает, что они предстают в качестве организованной иерархической структуры социально-политических объектов (институтов, акторов), которые оказывают влияние на конструирование политических установок, представлений и способов восприятия политической

[1] Селезнева А. В. Политические представления… 2012.

[2] Силантьева В. А., Гамидова Н. В. Вузовское образование в системе политической социализации // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 1. С. 99–101.

[3] Селезнева А. В., Азарнова А. А. «Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 101–113.

[4] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.

системы граждан[1], а результат политической ресоциализации зависит от степени совершенствования и открытости социально-политических институтов и одновременно от социально-экономического развития[2]. В контексте расширения политического пространства России следует отметить, что пространство новых субъектов становится полем конфликтного соприкосновения и противоборства (в том числе в цифровом пространстве) политических институтов Украины и системы политических институтов политической системы России (политических партий, общественных организаций и движений). Важную роль в этом конфликтном взаимодействии играют ресурсы (личностные, профессиональные и др.) агентов политической ресоциализации (активистов, с которыми непосредственно взаимодействуют жители новых регионов России); форматы коммуникации и формы взаимодействия с гражданами, которые определяют эффективность политической ресоциализации.

Важным теоретическим замечанием, уточняющим функции системы политических институтов в процессе политической ресоциализации, является утверждение Е.Б. Шестопал о том, что формальные и неформальные политические организации и движения, являющиеся посредниками между гражданами и государством, обеспечивают политическую ресоциализацию среди более активных граждан[3], то есть эффективность этих институтов политической социализации и ресоциализации определяется субъектностью граждан, их вовлеченностью в общественно-политическую жизнь.

Особое место в системе политической ресоциализации занимают СМИ и новые медиа. СМИ не только формируют политическую повестку, но и предоставляют основу для конструирования позитивного или негативного восприятия политических лидеров, событий и явлений[4], при этом, как

---

[1] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.

[2] Чудинова И. М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 5. С. 15–17.

[3] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.

[4] Немцева А. В., Гуляев И. И. СМИ и процесс политической социализации российской молодежи // Цифровая наука. 2021. № 6. С. 90–94.

показывают исследования, телевидение оказывает большее воздействие на представителей старшего поколения, тогда как социальные сети формируют политические воззрения молодежи; противоречивость политической повестки в СМИ образует барьеры и риски в контексте политической ресоциализации. Об этой роли СМИ исследователи писали, осмысливая процессы политической ресоциализации в постсоветской России[1], подчеркивая необходимость системного согласованного воздействия информационной повестки СМИ, а также других институтов политической ресоциализации; эту же тенденцию отмечают исследователи интеграционных процессов в современной России, указывая на необходимость выстраивания единой безопасной цифровой платформы, которая позволит информировать и интегрировать новых граждан в социально-политическое пространство страны, будет способствовать противостоянию с нарастающими угрозами информационной безопасности и обеспечит защиту от негативного эмоционально-психологического воздействия[2], использование единого цифрового пространства обеспечивает практики коммуникации между гражданами, а открытость информационной государственной повестки повышает потенциал успешной социокультурной интеграции и ресоциализации.

Для формирования объяснительной модели политической ресоциализации новых граждан России важно также отметить уровневость рассматриваемых процессов коммуникации. В вертикальных процессах политической ресоциализации личность в какой-то мере является объектом-получателем транслируемых политических установок и моделей. В горизонтальных процессах политической ресоциализации изменение политических представлений и установок происходит под влиянием агентов социализации, которые находятся в равных социально-статусных позициях в отношении

[1] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.

[2] Домбровская А. Ю. Технологии цифровых коммуникаций для интеграции жителей ЛНР и ДНР в социокультурное пространство современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, № 2. С. 15–28.

индивида (группы семьи, сверстников, друзей), тем самым обеспечивая непосредственный контакт с ним и влияя на его мировоззренческие установки[1].

Опираясь на упомянутую выше классификацию институтов политической социализации и ресоциализации, определим этапы политической ресоциализации. На этапе первичной политической ресоциализации происходит изменение сформированных ранее представлений под влиянием ближнего окружения в непосредственной личной коммуникации (семьи, референтной группы значимых сверстников / друзей) На этапе вторичной политической ресоциализации происходит изменение сформированных ранее представлений под влиянием институтов и агентов, как правило, в опосредованной социальной коммуникации.

Результат политической ресоциализации в разных подходах исследователи определяют по-разному. Важно отметить, что этот результат, во-первых, имеет отношение к личности, изменению ее представлений. Например, с точки зрения идентитарного подхода – это изменение политической идентичности, а также формирование политической субъектности новых граждан, нуждающихся в своевременной адаптации к социокультурным и политическим реалиям государства и выстраивании моделей политического поведения в контексте происходящих геополитических трансформаций; с точки зрения политико-психологического подхода, результатом политической ресоциализации является качественная трансформация политических взглядов, установок, представлений и формирование новых моделей социально-политического участия, что впоследствии влияет на характер развития политической системы и общественных отношений.

Исследователи отмечают также, что результатом политической ресоциализации является также когнитивно-ценностная, нормативная, социально-культурная интеграция многонационального общества, рациональное и бесконфликтное взаимодействие в обществе, в том числе с существовавшими

[1] Merelman R. M. Revitalizing Political Socialization // Hermann M. (ed.) Political Psychology. San-Francisco, 1986. P. 279–319.

в условиях данной среды, вновь или впервые вошедшими в нее, то есть в итоге – внешние результаты (эффекты) политической ресоциализации создают основу для укрепления общественной солидарности и гражданской идентичности[1].

Таким образом, итогом процессов политической ресоциализации новых граждан России является формирование в принципиально новых условиях компетентного гражданина, осознающего ценность общественно-политического участия и необходимость формирования знаний о государстве и активной гражданской позиции, а также выстраивание единой ценностной основы, определяющей степень консолидации общества, уровень гражданской идентичности и готовность противостоять вызовам и угрозам внешней среды.

Процесс политической ресоциализации выполняет целый ряд функций.

Во-первых, политическая ресоциализация для новых граждан выполняет функцию формирования установок иной политической культуры, освоения новых знаний, гражданских норм, иных ценностей, убеждений и моделей поведения, характерных для новой политической системы.

Во-вторых, для политической системы политическая ресоциализация новых граждан выполняет функцию обеспечения политической стабильности, интеграция новых граждан в существующие политические институты и процессы способствует сохранению стабильности политической системы.

В-третьих, политическая ресоциализация выполняет функцию формирования субъектности, готовит новых граждан к активному участию в политической жизни, обучая их навыкам и знаниям, необходимым для эффективного осуществления своих политических прав и обязанностей.

В-четвертых, в процессе политической ресоциализации происходит формирование у новых граждан понимания политических процессов, осознания своих политических интересов и формирования собственной политической позиции, таким образом, политическая ресоциализация выполняет функцию формирования политического сознания новых граждан.

---

[1] Попов М. Е. Социокультурная интеграция и проблемы разрешения конфликтов идентичностей: региональный аспект // Logos et Praxis. 2015. № 2 (28). С. 40–46.

В-пятых, политическая ресоциализация помогает индивидам адаптироваться к иной политической реальности, освоиться в системе политических отношений и взаимодействовать с другими участниками политического процесса, то есть выполняет функцию социально-политической адаптации.

В-шестых, политическая ресоциализация обеспечивает передачу политического опыта, знаний и ценностей новым членам политического макросообщества, способствует сохранению и развитию политической системы, таким образом обеспечивается функция поддержки преемственности политической системы.

В-седьмых, политическая ресоциализация формирует у новых граждан определенные ожидания относительно политического поведения, что способствует поддержанию порядка и стабильности в обществе, таким образом выполняя функцию регулирования политического поведения.

В-восьмых, политическая ресоциализация выполняет мобилизационную функцию. Новые граждане, усваивая социально-политические нормы, ценности и навыки, становятся способными к активному участию в жизни общества и решению общих задач.

Также политическая ресоциализация выполняет мотивационную функцию, которая заключается в формировании у новых граждан системы мотивов, потребностей и ценностей, которые определяют их поведение в политической системе и направляют его социально-политическую активность.

Контролирующая функция политической ресоциализации заключается в том, что политическая система через систему институтов и агентов ресоциализации формирует и регулирует поведение новых граждан, обеспечивая соблюдение политических норм и разделяемых ценностей.

Таким образом, политическая ресоциализация новых граждан России представляет процесс их институциональной и неинституциональной интеграции новых граждан в политическую систему России в условиях расширения политического пространства, в котором происходит изменение ядра

политической картины мира и гражданской идентичности под влиянием системы многоуровневых факторов. Соотношение компонентов описанной выше объяснительной рамки определяет возможную вариативность эмпирических моделей политической ресоциализации.

2 ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФАКТОРЫ И ИНСТИТУТЫ

2.1 Факторы политической ресоциализации новых граждан России

Настоящий раздел посвящен комплексному анализу факторов политической ресоциализации новых граждан в современной России — процессу, приобретающему особую значимость в условиях расширения политического пространства страны. В фокусе исследования находится многоуровневая система детерминант, оказывающих влияние на трансформацию политической картины мира и гражданской идентичности.

Продолжающиеся трансформации российской политической системы обуславливают характер не только структурных институциональных преобразований и транслируемых национальных приоритетов, но и особенности формирования гражданами новых ценностных установок и способов восприятия политической, социокультурной, экономической и иных сфер жизни. В контексте ресоциализации особое значение имеет обеспечение преемственности нравственных ориентиров, социальных норм и культурных особенностей в целях формирования гражданской позиции и устойчивости взглядов новых граждан.

В условиях расширения политического пространства РФ проблема социокультурной интеграции является актуальным направлением, что обусловлено многонациональным характером российского общества, и в то же время сопровождается рисками развития конфликтогенного потенциала, предотвращение которого требует разработки технологий, нацеленных на формирование консолидирующего ядра. В данной связи интеграция рассматривается в качестве обеспечения плюралистической модели социокультурной коммуникации (взаимодействие личности и многообразия культур), которая проявляется в гармоничном существовании разных точек зрения в системе восприятия культурных групп, отличается от формального процесса консолидации и способствует добровольному объединению

этнокультурных субъектов в гражданскую целостность без утраты собственной идентичности[1].

С.В. Попова выдвигает тезис о существовании на разных этапах исторического развития двух концептов, способствовавших укреплению социальной и культурной сплоченности российских граждан в условиях поиска консолидирующих ценностей: идентификация России в условиях глобального мира, чему послужил проект «Москва – Третий Рим», воплощавший идею об особой миссии России как центра православия и великого государства; проект «III Интернационал», закреплявший идею равноправного сосуществования народов и особую роль России как центра социального единства в переустройстве мировой системы. По мнению автора, именно единение духовного и социального начал позволяет российскому государству в современных условиях формировать новые интеграционные ресурсы, направленные на социальное благоустройство, укрепление национальных интересов и сохранение культурных идеалов[2].

По мнению Е. Б. Шестопал, в последние десятилетия адаптация к новым ценностно-идеологическим реалиям складывалась у разных поколений неоднородно. Так, если молодое поколение, проходившее этап первичной социализации, естественным образом осваивало новые ценности и нормы социально-политической системы, то представители старшего поколения оказывались менее гибкими в восприятии возникающих трансформаций – привычные модели поведения и мировоззренческие основания входили в противоречие с новой господствующей системой общественно-политических отношений[3].

Опыт исследования процессов ресоциализации в эпоху перестройки, распада Советского Союза и формирования нового образа российского государства продемонстрировал широкое влияние данных событий на

---

[1] Попова С. В. Социокультурная адаптация и интеграция в полиэтническом обществе: российская специфика // Научные вести. 2020. № 10 (27). С. 96–101.

[2] Там же.

[3] Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация… 2005.

респондентов старшей возрастной категории. Речь шла о дезадаптивности и дезориентации населения в масштабах радикальных изменений, сопровождавшихся резким снижением уровня гражданской идентичности, размыванием границ идеологических и политических воззрений, нестабильным эмоционально-психологическим состоянием в связи с утратой прежних ценностей и ожиданий от существовавшей системы[1].

В этой связи представления о результатах политической и социокультурной адаптации данной возрастной когорты с годами сложились в достаточно пеструю картину: группы опрошенных взрослых в 2005 и 2006 годах оказались наполнены разнообразными политическими позициями, которые, на удивление, были схожи с позициями представителей молодого поколения (положительное восприятие демократических основ общества, стабилизация социальных отношений, тенденция ожидания позитивных перемен). Оказалось, что влияние на процесс ресоциализации и социокультурной интеграции оказывали в большей мере традиционные агенты – семья (79,2%) и друзья (49%), обойдя государство, СМИ, партии и иных вторичных акторов социализации. Таким образом, была зафиксирована связь в системе представлений и восприятия последствий ресоциализации гражданами отдельных поколенческих категорий, несмотря на то что складывание их первичных компонентов социализации происходило в принципиально разных условиях среды[2]. Подобный пример исследования интересен с точки зрения применения итогов межпоколенческого среза в анализе ресоциализационных процессов и их результатов в контексте современного развития российского общества и расширения его социокультурного потенциала.

Одним из условий успешной интеграции граждан в совершенно новые реалии является направляемая институтом государства и реализуемая социальными образованиями политика идентичности, основанием для которой служат символические маркеры, подчеркивающие особенности конкретной социокультурной среды.

---

[1] Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация… 2005.

[2] Там же.

Результатом ресоциализационных процессов в переломном постсоветском обществе стала узость символического пространства, когда формально незакрепленными оставались меры, способствующие выстраиванию единой социально-ценностной основы жизни. Так, например, опрошенные в 2003 году респонденты не различали конкретных символов локальной или гражданской идентичности, ссылаясь на этническое многообразие и межкультурные различия.

В первые годы текущего тысячелетия государство изменило политику в сторону формирования и развития консолидирующего потенциала в российском обществе, во главе которого стояла идея возрождения государства и обретения им статуса сверхдержавы. Однако, по мнению Т.В. Евгеньевой и А.В. Селезневой, в тот период граждане разных возрастов все же ориентировались на материалистические принципы, что было вызвано потребностью в экономической безопасности. На фоне актуализации газового вопроса в отношениях с Украиной в 2008 году и реформации Вооруженных сил РФ в российском обществе укреплялись символы газа, нефти и военного превосходства РФ как маркеров идентичности, имеющих объединяющий социокультурный смысл[1].

Также условием для благоприятных социальных преобразований стал запрос граждан на формирование тесной связи с государством. Это выражалось в наделении символическими смыслами выражений «моя страна», «мой дом» и в зафиксированном повышении уровня доверия к Президенту РФ В.В. Путину при существовании в то же время негативного образа аппарата управления (чиновников, депутатов) и отсутствии детальных знаний и представлений о государственной системе и социальной структуре общества. Одним из наиболее интересных явлений социокультурных трансформаций и попыткой формирования гражданской идентичности был пример обращения к символам прошлой советской эпохи, которая демонстрировала стабильность и отражала

[1] Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития. 2017. № 4 (87). С. 48–64.

запрос на уверенность в завтрашнем дне. Тем самым актуализировалась проблема формирования образа будущего, в частности, молодых граждан[1]. Отмеченные факторы постепенно выстраивали единое социальное и ценностно-культурное пространство жизни граждан, проживающих интенсивные трансформации в условиях постсоветского развития государства.

Политические, историко-культурные, социально-экономические, информационные аспекты ресоциализации особенно проявлялись на фоне воссоединения Крыма с Россией в 2014 году, когда возникала необходимость в обеспечении единого социокультурного пространства и эффективной интеграции новых граждан в пространство РФ.

По мнению А. В. Баранова, сложно переоценить значение социокультурной интеграции жителей Крыма в пространство РФ, что представляет собой процесс выстраивания и укрепления ценностей и взаимодействия отдельных социальных групп, общностей и индивидов, обуславливая консолидацию полиэтничного и культурно многообразного общества. А.В. Баранов отмечает, что понятие социокультурной интеграции является более широким и многогранным процессом, чем адаптация иммигрантов в пространство принимающего населения[2].

С.С. Костяев и И.В. Юшков подчеркивают, что в контексте интеграции Крыма особое значение имел социокультурный обмен новых граждан и жителей остальной части России. Это выражалось в совместном проведении конференций, симпозиумов, объединяющих мероприятий и конкурсов, что обеспечивало преодоление когнитивных, аксиологических и ситуативных проблем и рисков в рамках ресоциализации. В процессе социокультурного взаимодействия, по мнению авторов, важно обеспечить обмен знаниями, опытом и оценочными суждениями со стороны сотрудников, а также регулярно

---

[1] Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Трансформация национально-государственной идентичности… 2017.

[2] Баранов А. В. Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности // Управленческое консультирование. 2023. № 1. С. 10–23.

проводить ротацию, что позволит эффективно выстраивать кадровую политику и обеспечит тесную коммуникацию профессионального сообщества[1].

Также С.С. Костяев и И.В. Юшков в качестве обоснования критериев успешной социокультурной динамики жителей Крыма и Севастополя приводят слова Президента РФ В. В. Путина об этнической, культурной, когнитивной и духовной близости жителей полуострова и остальной части России, что в разные исторические периоды служило фундаментом объединения российского государства, а в современном контексте имеет «цивилизационное и сакральное значение»[2].

По мнению С.В. Шефель и В.А. Захаровой, на пути к качественной социокультурной интеграции жителей Крыма возникал ряд препятствий, касающихся попытки спровоцировать антироссийские настроения и дестабилизировать состояние межэтнических отношений на полуострове. Примером деструктивного вмешательства в положительную динамику реинтеграции стали усилия украинских властей, развивавших положение о «коренных» народах Украины, в числе которых оказались крымские татары, что подрывало деятельность местных органов власти и представителей гражданских инициатив в Крыму по выстраиванию прочных и тесных связей между этническими общностями в контексте обеспечения принципа единства народов Российской Федерации[3].

В этой связи встал правомерный вопрос о формировании систематической работы с жителями Крыма, в особенности с молодежью, в целях укрепления консолидирующего потенциала и достижения национального единства на основе сохранения социокультурного многообразия, обеспечения прав и свобод

---

[1] Костяев С. С., Юшков И. В. Особенности интеграции и адаптации Крыма в российскую социально-политическую систему // Вестник Финансового университета. 2015. № 4 (20). С. 45–52.

[2] Послание Президента России Федеральному Собранию // Российская газета: официальный сайт. 2014. URL: https://rg.ru/2014/12/04/poslanie-site.html (дата обращения: 09.08.2024).

[3] Шефель С. В., Захарова В. А. Реализация концепции социокультурного синтеза в Республике Крым как условие социальной адаптации молодых крымчан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №. 2. С. 107–110.

представителей всех народов РФ и организации бесконфликтного и гармоничного взаимодействия между ними.

В представлениях С.В. Шефель и В.А. Захаровой, в контексте интенсивного вхождения жителей Крыма в социально-культурное поле России особое значение имело включение молодежи в практики участия в фестивалях, конкурсных механизмах, научных конференциях, экологических акциях, что обеспечивало преемственность знаний и социокультурных традиций. Социально ориентированные практики служили механизмом адаптации крымской молодежи в пространство РФ и способствовали выстраиванию качественной коммуникации между населением, поскольку специфика региона состоит в существовании на одной территории нескольких этнических и религиозных групп, имеющих различные культурные особенности, что характерно и для представителей остальной части РФ. Таким образом, потенциал внеурочной деятельности и мероприятий оказался широким, впоследствии повлиявшим на увеличение динамики социокультурной интеграции и в среде студенческой молодежи, которая была задействована в проведение фестиваля «Дружбы народов Крыма», нацеленного на сохранение преемственности народных традиций и культурных особенностей[1].

Как было описано выше, на процесс политической ресоциализации новых граждан России оказывает влияние система факторов, включающая внутренние и внешние (относительно личности, группы или макросообщества) факторы, обуславливающие наличие или отсутствие изменений ядра политической картины мира и гражданской идентичности.

Мегафакторы политической ресоциализации новых граждан России – это совокупное влияние обстоятельств, выходящих за рамки территории Российской Федерации, на процесс трансформации политической картины мира и гражданской идентичности. К факторам этого уровня следует отнести контекст геополитического противостояния России и Европы (шире – Запада); процессы

[1] Шефель С. В., Захарова В. А. Реализация концепции… 2022.

цифровизации и в целом цифровое пространство, не имеющее политических границ и оказывающее влияние на человека; глобальные экономические и социокультурные процессы. Совокупный вектор этих процессов и тенденций определяет влияние факторов мегауровня на процесс политической ресоциализации новых граждан России.

К системе мегафакторов политической ресоциализации следует отнести конфликтность как глобальный тренд современного мира, который во многом соотносится с конфликтностью идентичностей. Специфика конфликтов идентичности состоит в их протекании в условиях глобальной турбулентности и перестройки устоявшейся ценностно-мировоззренческой парадигмы. Важно отметить, что фактор конфликтности не единожды влиял на социокультурные процессы в России. Как отмечают исследователи[1], дезинтегрированное российское общество на фоне политических событий в 1990-е годы претерпевало столкновение традиционализма и постиндустриальных трансформаций, обуславливая необходимость трансляции тех ценностей, социальных институтов и уровней идентичности, которые позволяли бы гражданскому обществу без последствий участвовать в социально-политической жизни и рефлексировать опыт личностных и общественных изменений. В настоящее время глобальная геополитическая и социокультурная конфликтность является важным контекстуальным фактором политической ресоциализации новых граждан России, фактически определяя однозначность выбора между «мы» и «они». В этом контексте важную роль играет трансформация экономических связей и активизация сотрудничества России со странами Востока, другими незападными государствами.

Отдельно в числе мегафакторов политической ресоциализации новых граждан отметим информационное пространство, в котором фактически разворачивается борьба за идентичность. Исследователи[2] отмечают

---

[1] Попов М. Е. Социокультурная интеграция… 2015.

[2] Домбровская А. Ю., Лукушин В. А. Цифровой контент социокультурной интеграции ЛНР и ДНР: результаты когнитивного картирования // Власть. 2023. Т. 31, № 5. С. 38–45.

противоречивый, зачастую дисфункциональный характер информационных потоков, оказывающих особое влияние на трансформацию политической картины мира новых граждан России, отмечая, что они содержат как интеграционный потенциал и возможность успешного вхождения в социокультурное и политическое пространство РФ, так и фактор негативного информационно-психологического воздействия. Эффективность вхождения граждан в социально-политическое, культурное и коммуникативное пространство РФ в контексте актуальных геополитических вызовов определяется контекстом информационной повестки, способной оказывать дестабилизирующее влияние на формирование ценностных представлений новых граждан, в особенности молодого поколения. В данных условиях важно акцентировать внимание на проблемах информационной безопасности в новых регионах, а также выстраивать единое информационно-коммуникативное поле для безопасного взаимодействия жителей всех субъектов РФ[1].

Макрофакторы политической ресоциализации новых граждан России – это совокупное влияние состояния и динамики основных сфер жизни общества (политической, экономической, социальной, духовной) на процесс трансформации политической картины мира и гражданской идентичности. В процессе трансформации политического пространства России эта система также претерпевает существенные изменения, идет процесс институциональной, инфраструктурной, финансово-экономической, социальной, социокультурной, ценностной трансформации сообществ новых регионов России; к этому уровню факторов также следует отнести военно-политический контекст, связанный с незавершенностью военных действий непосредственно на территории новых субъектов, обостряющий риски и угрозы.

Имеющийся опыт социокультурной интеграции в историческом развитии России является значимым фактором политической ресоциализации новых граждан в современных условиях. Обобщая опыт социокультурной интеграции в

[1] Домбровская А. Ю., Лукушин В. А. Цифровой контент… 2023.

различные трансформационные периоды развития российского общества, следует отметить, что независимо от контекста общественно-политических преобразований определяющее значение имеет наличие социокультурного ядра, что служит неким объединяющим ресурсом в контексте улучшения показателей социокультурной динамики. Существование единой ценностной основы общества и ее символических маркеров и в то же время закрепление многообразия культурных особенностей позволяет гражданам интегрироваться в принимающее сообщество без утраты собственной идентичности. При этом особую роль играет выстраивание позитивного образа будущего, что становится возможным в симбиозе когнитивных, аксиологических и поведенческих аспектов интеграции. В этом смысле значимость обретает включение граждан в социально ориентированные практики, что повышает консолидирующий потенциал и положительно влияет на усвоение системы конвенциональных норм и ценностей.

В этом контексте важно отметить еще один фактор – цивилизационную, социокультурную общность жителей новых регионов России, обусловленную общим историческим развитием, языковым и культурным единством, что позволяет говорить о том, что особенности культурной и национальной самоидентификации новых жителей, установление связи с новым государством и усилия органов власти в системе институционального влияния оказывают значимое влияние на интеграционные процессы[1], в том числе – процессы политической ресоциализации.

В контексте анализа макрофакторов политической ресоциализации новых граждан России следует прежде всего отметить характер социокультурной динамики российского общества и динамику системы идентичностей. Если в

[1] Башмаков И. С. Гражданская идентичность и образ будущего новых граждан России: факторы и перспективы формирования // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 347–350.

первое десятилетие XXI века исследователи[1] отмечали, что в результате масштабных трансформаций российского общества сложилась ситуация, при которой на смену унифицированным стандартам идеологических взглядов пришло разнообразие политических сил и точек зрения, что, с одной стороны, расширяет права и возможности граждан, а с другой – размывает границы идейно-политических взглядов и усиливает долю индифферентности к участию в политической жизни страны, происходит снижение уровней политической идентичности (гражданской, идеологической) и укрепляется локальная, связанная с самоопределением (возрастная, гендерная и «Я»-идентичность). Однако начиная с 2014 года ситуация кардинально меняется и происходит обратный процесс и в иерархии социально-политических идентичностей, и в ценностной консолидации[2].

К числу макрофакторов политической ресоциализации новых граждан отнесем институциональный фактор. Система институтов политической ресоциализации будет описана ниже. Здесь же отметим важное условие институционального влияния, о котором пишут исследователи в контексте социокультурной интеграции, однако применимое и в нынешней ситуации: признание многообразия культурных кодов, что обеспечит конструирование гражданской идентичности на фоне социальной и этнической солидарности; гарантия прав этнических групп и их политическое представительство, которое будет способствовать сохранению самобытности и внимания к культурным особенностям отдельных этнических общностей в процессе принятия политических решений; распределение между субъектами ресоциализации экономических, политических, социальных и нравственных ресурсов с целью исключения их несоразмерности и снижения конфликтного потенциала[3]. Данные

[1] Бродовская Е. В. Влияние посткоммунистической… 2012.

[2] Михайленок О. М. и др. Вызовы современного развития и проблема консолидации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-sovremennogo-razvitiya-i-problema-konsolidatsii-rossiyskogo-obschestva (дата обращения: 24.09.2025).

[3] Попов М. Е. Социокультурная интеграция… 2015.

параметры интеграции этнических групп в единое социокультурное пространство, предложенные автором, необходимо учитывать и в условиях современного расширения политического пространства РФ, когда представители новых регионов, обладающие самобытностью и уникальными культурными чертами, обусловленными региональной и мировоззренческой спецификой, усваивают новые ценностно-культурные особенности, кардинально не отличающиеся от приобретенных ранее, однако требующие постепенного приобщения к их особенностям.

Несомненно, важными обстоятельствами, которые следует отнести к макрофакторам, являются социально-экономическое состояние и современное развитие новых субъектов, а также имеющийся исторический опыт существования и развития в рамках российской цивилизации. В контексте расширения политического пространства современной России активный период военных действий обуславливает отличия ресоциализационных процессов в четырех новых регионах от Республики Крым и города Севастополя. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 году обусловило своевременный переход к приобщению граждан, а также политических и социально-экономических структур к особенностям российской действительности. Так, учитывая этническую, культурную, нормативно-ценностную близость и наличие связующего духовного компонента, процесс интеграции Крыма в состав России стал органичным, находящим огромную поддержку среди большинства населения и субъектов публичной власти. Социально-экономические явления, в частности участившиеся санкции, обуславливавшие трудности переходного периода, не помешали формированию позитивной картины восприятия воссоединения субъекта с РФ[1]. Таким образом, факторы социально-экономического развития регионов, а также культурной, этнической и ценностно-нормативной близости также воздействуют на ресоциализационные процессы и успешность вхождения новых граждан в пространство РФ.

[1] Костяев С. С., Юшков И. В. Особенности интеграции… 2015.

Цивилизационно-ценностное единство, в том числе общий язык и российская языковая политика, также является значимым макрофактором процессов политической ресоциализации новых граждан. По результатам опроса О. В. Кульбачевской, 80 % опрошенных в Крыму назвали родным русский язык, в то время как 16 % отметили, что используют два языка[1], что подтверждает степень адаптивности граждан к российским реалиям благодаря сформированным знаниям государствообразующего языка и подчеркивает значимость когнитивного аспекта социальной интеграции.

Исходя из представленных и описанных факторов, обуславливающих характер ресоциализации в регионах, вошедших в состав РФ в 2014 и 2022 годах, можно заключить следующее. Дифференциация ценностных оснований и столкновение разных мировоззренческих, идейно-политических, социокультурных представлений и установок оказывают влияние на внутри- и внешнеполитические процессы, в частности возникновение необходимости в ресоциализации как механизме переосмысления сложившихся в обществе аксиологических, когнитивных и поведенческих аспектов. При этом важно учитывать факторы межкультурной коммуникации, этнического и конфессионального взаимодействия, региональные особенности, влияние информационной среды и характер восприятия происходящих социально-политических процессов. Также необходимыми условиями, обеспечивающими процесс ресоциализации, являются гибкость социально-экономической сферы, создающей благоприятные условия для интеграции новых граждан, а также особенности человеческого капитала (анализ трудового, интеллектуального, физического, творческого потенциала граждан, что определяет их адаптивность к условиям среды), который формируется посредством развития сферы образования, здравоохранения, проведением кадровой, молодежной и иной отраслевой политики как результата деятельности государственных и общественных институтов. Таким образом, симбиоз неинституциональных и

[1] Кульбачевская О. В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 114–115.

институциональных условий среды обуславливает степень успешности или противоречивости политической ресоциализации.

Совокупный вектор трансформации всех сфер общественной жизни определяет влияние факторов макроуровня на процесс политической ресоциализации новых граждан России.

Мезофакторы политической ресоциализации новых граждан России – это совокупное влияние системы социальных институтов, участвующих в политической ресоциализации (семьи, государства, в нем отдельно – системы образования, субъектов публичной политики), которая определяет позицию человека в социуме и форматы социальных и социально-политических взаимодействий. В процессе трансформации политического пространства России эта система претерпевает существенную институциональную и ценностную трансформацию, что, в свою очередь, ведет к существенной перестройке всей системы социальных отношений.

Наиболее важным в этой системе факторов определим фактор политики идентичности. М. К. Горшков указывает на обширное исследовательское поле изучения трансформационных социально-политических процессов в современной России, повлиявших на изменения в структуре идентичности, ценностной системы и самовосприятия граждан в новых социальных реалиях. По мнению М. К. Горшкова, именно в российском обществе выявлено большое расхождение в осознании цивилизационного, геополитического, экономического, культурно-ценностного пути развития государства и общества на фоне «мировоззренческих революций», в результате которых у жителей России происходила кардинальная перестройка нравственных ориентиров, взглядов, знаний и моделей поведения в период постсоветской трансформации. В современном обществе существует запрос на «обновленную самоидентификацию», фундаментальным компонентом которой выступают политика идентичности и важный ее аспект – гражданское воспитание, которые способствуют приобщению всех граждан, в том числе и новых, к реалиям российского государства, его национальным приоритетам и ключевым

нравственным ориентирам[1]. Таким образом, ценностная дифференциация служит одним из ключевых факторов возникновения ресоциализации, что влечет за собой конструирование новых уровней идентичности, границы которых размываются, и результатом становится неустойчивость взглядов и существование разных мировоззренческих установок.

Политика идентичности как системная деятельность в отношении всех граждан страны, и в отдельности – особое ее направление в отношении новых граждан, выступает важным фактором политической ресоциализации, обеспечивающим формирование единой ценностной основы гражданской идентичности. Исследователи отмечают, что динамика социокультурных изменений в контексте масштабных геополитических трансформаций должна опираться на поддержание ценностей справедливости, гражданской солидарности, равенства, многообразия культур и консолидации, что создает основу для укрепления идентичности на разных уровнях и гармонизирует участие граждан в общественно-политической жизни[2]. Л.М. Дробижева[3] и С.Ю. Иванова[4], размышляя над особенностями поиска социальных и культурно-исторических доминант российского общества в первые десятилетия XXI века, выделяли идею цивилизационного развития России. Интегрирующим смыслом, по мнению авторов, обладают ценности патриотического воспитания, следование национальным приоритетам, а также отведение особой роли природно-территориальному и историко-культурному образу государства. Таким образом, социокультурная динамика выстраивается на новой модели российского государства – формирование культурно-исторического ядра и наращивание

[1] Горшков М. К. Модернизационный потенциал идентичности // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник. М.: Новый хронограф, 2013. С. 3–21.

[2] Попов М. Е. Социокультурная интеграция… 2015.

[3] Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

[4] Иванова С. Ю. Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерения // Вестник ВЭГУ. 2012. № 2 (58). С. 22–28.

представлений о единстве национальных интересов как механизме конструирования гражданской идентичности[1].

Устойчивость процесса политической и социокультурной интеграции в контексте ресоциализации обеспечивается выстраиванием тесных ценностно-символических связей. При этом интегрируемые общности зачастую являют себя лишь частью гражданской целостности, сохраняя культурно-историческую автономию и приобретая в то же время надэтнический характер мышления. Таким образом, сохранение социокультурных черт общности и ее интеграция в общегражданское пространство позволяют сочетаться разным уровням идентичности: локальной, региональной, этнической, культурной, религиозной и общегражданской[2]. К факторам укрепления социокультурной интеграции относят историческую память, саморефлексию текущих ценностей и поведенческих особенностей и прогнозирование состояния общества и его аксиологических оснований в будущем (модусы прошлого, настоящего и будущего). Эффективным критерием отслеживания социокультурной динамики должна быть нормативно-ценностная оценка результатов вхождения граждан в новую среду на основе приобретенных взглядов, жизненных ориентиров и сформированных моделей поведения. Положительная динамика интеграции способна противостоять нарастающим ценностным угрозам и рискам в системе конструирования общегражданской и региональной идентичности[3].

В целом внутренняя политика государства является одним из важнейших факторов, которые обеспечивают успешную политическую ресоциализацию новых граждан России. В этом контексте исследователи отмечают значимость действий государства по профилактике социальной напряженности, выявление причин социальной напряженности (проблемы безработицы, низкого уровня жизни, оплаты труда, уровня развития образования и культуры, негативной информационной повестки, вопрос миграции и этнической конфликтогенности и

[1] Иванова, С. Ю. Современная российская…2012.
[2] Попова С. В. Социокультурная адаптация… 2020.
[3] Попов М. Е. Социокультурная интеграция…2015.

др.), поскольку дифференциация в оценке данных показателей может свидетельствовать о социальной дезинтеграции и неудовлетворенности проводимой государством политикой и работой по профилактике выявленных рисков[1].

Одним из рисков в процессе социокультурной интеграции является социальная дифференциация на «своих» и «чужих», которая создает границы в восприятии представителей других социальных групп и обуславливает противоречивость этнополитического и политического взаимодействия[2]. Так, неоднозначный характер социальной адаптации населения вызван, с одной стороны, взаимодействием представителей разных этнокультурных групп и обменом культурными особенностями, а с другой – конструированием рамок в восприятии ценностей и образа жизни отдельных общностей.

В контексте анализа факторов, способствующих социокультурной интеграции и определяющих эффективность политической ресоциализации, важно отметить выявленные исследователями индикаторы успешности указанных процессов: высокий уровень одобрения общественных ценностей и норм; доверие политическим институтам и акторам; идентификация себя в качестве граждан государства; положительное восприятие культурного многообразия и отсутствие выраженной межэтнической и межконфессиональной дистанции; конструируемый образ будущего; сохранение исторического наследия. При этом значение имеет согласованность интересов органов власти и самого общества в системе организации социокультурного взаимодействия и обмена; отмечено, что социокультурная интеграция должна быть направлена на установление ценностно-политического единения мультикультурного сообщества[3].

Трансформация информационного пространства новых регионов является важной составляющей системы мезофакторов политической ресоциализации

---

[1] Авксентьев В. А., Шульга М. М. Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 34–42.

[2] Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПБ.: Питер, 2005. 461 с.

[3] Баранов А. В. Социокультурная интеграция… 2023.

новых граждан. А.Ю. Домбровская и В.А. Лукушин представили результаты собственного исследования, проведенного с использованием методики когнитивного картирования цифровой информации, размещенной в пространственных границах ЛНР и ДНР, с целью определения контекстуального наполнения публикуемых материалов. Определено, что ключевой информационный поток принадлежит лидерам общественных мнений новых регионов, которые активно вовлекают население в интеграционные процессы на основе экономического (35,3 %), духовного (24 %), политического (22,5 %) и военного (18,2 %) контекста, что отражает приоритетные тематические направления, вызывающие интерес и особенно влияющие на конструирование сознания «новых» граждан. В рамках данных контекстуальных областей преобладает идея образа сильного государства, обладающего суверенитетом, незыблемостью единства народов и национальных интересов, а также присутствует проблема формирования позитивного образа будущего. При этом модель достижения мира выстраивается на основе убеждений о победе и военном превосходстве[1]. Исходя из данных, можно сделать вывод о существовании единой нравственной аксиологической основы, определяющей благоприятный характер протекания процесса ресоциализации в новых регионах РФ.

Несомненно, ресурсное обеспечение новых регионов также является значимым фактором, который определяет масштаб успешной интеграции новых граждан в социокультурное пространство России. М.Л. Галас отмечает, что условием повышения лояльности жителей Крыма к процессу воссоединения с Россией и критерием последующего развития региона стала оптимизация экономических и духовных связей с остальными субъектами. На успешное приспособление жителей к российской действительности повлияли факторы расширения институциональной, материальной, ресурсной поддержки Крыма и

[1] Домбровская А. Ю., Лукушин В. А. Цифровой контент… 2023.

развитие человеческого капитала (формирование кадровых ресурсов, научных, образовательных, общественных организаций и движений).

Совокупный вектор трансформации этой системы социальных коммуникаций определяет влияние факторов мезоуровня на процесс политической ресоциализации новых граждан России. Микрофакторы политической ресоциализации новых граждан России – это совокупное влияние ближнего окружения: семьи, широких родственных связей, друзей, знакомых, сверстников, коллег – на процесс трансформации политической картины мира и гражданской идентичности. В процессе трансформации политического пространства России и Украины зачастую происходит деформация на уровне личностных, внутрисемейных коммуникаций, разрываются отношения с друзьями, коллегами; или наоборот – на этом (микроуровне) человек получает поддержку своим решениям и действиям.

Главным фактором политической ресоциализации на микроуровне является смещение вектора социальных коммуникаций в ближайшее окружение. Нестабильность и кризисное состояние институциональной и ценностной среды приводят к интенсификации социальных отношений – индивид становится погруженным в родственные, дружеские связи, все больше интегрируется в референтные группы (национальные, религиозные), которые компенсируют нестабильную социокультурную и политическую среду и создают ощущение безопасности. Данный пример ресоциализации является пассивным, при котором индивид выстраивает защиту от внешних условий среды или вовсе избегает погружения в происходящие трансформации. В обратном случае индивид может восполнять нехватку стабильности и устойчивости в процессе активности, реализуя стратегию индивидуального достижения и укрепления социальной солидарности в процессе совместной деятельности[1]. Так, подчеркиваются факторы влияния институциональной и ценностной среды на состояние индивида в процессе ресоциализации, когда стратегией адаптации к

[1] Бродовская Е. В. Влияние посткоммунистической… 2012.

новой среде может стать как пассивная (защита), так и активная (действие) позиция.

Совокупный вектор трансформации этой системы коммуникаций определяет влияние факторов микроуровня на процесс политической ресоциализации новых граждан России.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что успешная политическая ресоциализация новых граждан России представляет собой сложный, многоуровневый процесс, эффективность которого определяется синергией факторов глобального, национального, институционального и личностного порядка. Ключевым условием выступает формирование гибкой и инклюзивной модели интеграции, которая, с одной стороны, опирается на прочное цивилизационно-ценностное ядро, общий исторический опыт и консолидирующую политику идентичности, а с другой — учитывает региональную специфику, обеспечивает ресурсную поддержку и создает условия для активного включения граждан в социально-ориентированные практики. Дальнейшая устойчивость этого процесса будет зависеть от способности государства и общества гармонизировать общегражданскую идентичность с этнокультурным многообразием, одновременно нивелируя риски социальной дезинтеграции и внешнего деструктивного воздействия. Анализ факторов, структурированных по мега-, макро-, мезо- и микроуровням, позволяет выявить ключевые условия и риски, определяющие успешность адаптации новых граждан к реалиям российского государства и формирование устойчивой гражданской идентичности.

2.2 Социокультурная динамика современного российского общества в условиях расширения политического пространства

В условиях расширения политического пространства Российской Федерации, воссоединения Крыма и включения в состав РФ новых субъектов на фоне продолжающейся специальной военной операции России на Украине

социокультурная динамика российского общества является важной частью контекста для анализа процессов политической социализации и политической ресоциализации граждан и приобретает особую научную и практическую значимость. Анализ трансформации идентичности, ценностных ориентаций и интеграционных траекторий населения этих регионов позволяет выявить не только текущие тенденции становления общероссийской гражданской идентичности, но и фундаментальные противоречия, обусловленные сложным переплетением исторического наследия, геополитического давления и внутренней социально-политической трансформации. Данный раздел посвящен комплексному осмыслению этих процессов через призму современных эмпирических исследований, отражающих как успехи в консолидации общества на основе традиционных ценностей, так и сохраняющиеся вызовы, связанные с региональной спецификой, возрастными различиями и воздействием внешних факторов.

Интерес к изучению социокультурных процессов в условиях современных геополитических трансформаций нашел отражение в трудах Н.А. Ильиновой, С.А. Сетовой, А.Ю. Шадже[1], А.В. Баранова, М.В. Донцовой, В.А. Чигрина[2], Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, А.В. Синякова[3], В.А. Лукушина[4], А.А. Азарова[5], В.А. Авксентьева, М.М. Шульги[6] и других ученых.

---

[1] Шадже А. Ю., Ильинова Н. А., Сетова С. А. Патриотизм как фактор социокультурной интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 3. С. 188–197.

[2] Баранов А. В., Донцова М. В., Чигрин В. А. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодежью Кубани и Крыма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 5. С. 41–51.

[3] Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Студенческая молодежь Крыма и Севастополя о межнациональных и межрелигиозных отношениях на полуострове: результаты кластерного анализа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. №2. С. 30–41.

[4] Лукушин В. А. Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства // Общественные науки и современность. 2023. № 3. С. 68–82.

[5] Бродовская Е. В., Азаров А. А. Мультиагентное имитационное моделирование процессов социокультурной интеграции жителей ЛНР и ДНР // Власть. 2023. № 6. С. 49–53.

[6] Авксентьев В. А., Шульга М. М. Ставрополье многонациональное… 2013.

Геополитическое противостояние, частями которого являются внутриполитический украинский кризис и последовавшие за ним события, связанные с воссоединением Крыма с Россией, специальной военной операцией России на Украине, повлияло на степень интенсивности геополитических угроз для российского общества и привело в итоге к переосмыслению ценностей, политических взглядов и жизненных ориентиров и мироощущения, в том числе гражданской идентичности всех граждан России, а также населения тех субъектов, которые входили в состав России в 2014 и 2022 гг. В контексте интеграции новых субъектов в состав Российской Федерации исследования процессов трансформации идентичности приобретают особую актуальность.

Исследователи фиксируют влияние украинского кризиса на пересмотр коллективных представлений о российской идентичности, показывая, что внешний вызов становится катализатором внутренней трансформации[1], трансформации системы идентичностей в контексте других компонентов субъективного пространства политики, в том числе подчеркивая дуальность идентификационных структур и их связь с восприятием государственности[2].

Усложняющаяся социокультурная среда и многоуровневые процессы ее трансформации определяют многовекторность социокультурных и политических процессов в условиях расширения политического пространства[3], об этом говорит опыт не только России, но и других государств на постсоветском пространстве[4].

---

[1] Фадеева Л. А., Плотников Д. С. Украинский фактор трансформации российской идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, Вып. 4. С. 506–519.

[2] Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.

[3] Клименко Е. В. Интеграция и различия. О гражданской нации в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 131–143.

[4] Семененко И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78.

Вектор трансформации российской гражданской идентичности в ситуации геополитического противостояния является, пожалуй, определяющим в характеристике социокультурной динамики России[1].

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) регулярно проводит исследования, посвященные российской идентичности, ее динамике и ключевым характеристикам, в которых отмечается тенденция роста общероссийской гражданской идентичности, что связано с растущим чувством ответственности за судьбу страны и приверженностью базовым традиционным российским ценностям. Руководитель ВЦИОМ отмечает, что динамика российской идентичности характеризуется двумя доминирующими тенденциями: формированием нового, наднационального (цивилизационного) уровня в ее структуре и одновременно актуализацией локальных, региональных и партикулярных оснований идентичности, а ключевыми ценностными опорами, формирующими идентичность, респонденты чаще всего называют культуру, духовность, историческую память, чувство справедливости и традиционные ценности[2].

Актуальные всероссийские исследования[3] показывают, что российская идентичность находится в динамическом состоянии, в котором государственная политика и общественные настроения активно взаимодействуют, формируя комплексное и многоуровневое самосознание граждан.

---

[1] Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115.

[2] Федоров В. Идентичность россиян. По материалам количественных исследований // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/identichnost-rossijan (дата обращения: 20.10.2025).

[3] О национальной гордости великороссов-2024 // ВЦИОМ: официальный сайт. 3 июня 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov-2024# (дата обращения: 20.10.2025); Пути России: культура, духовность, патриотизм // ВЦИОМ: официальный сайт. 23 сентября 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puti-rossii-kultura-dukhovnost-patriotizm# (дата обращения: 20.10.2025); У российских — собственная гордость! // ВЦИОМ: официальный сайт. 1 сентября 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/u-rossiiskikh-sobstvennaja-gordost# (дата обращения: 20.10.2025).

Исследователи отмечают, что гражданская идентичность и патриотизм конструируются и используются в публичном поле, что напрямую связано с инструментами политической социализации и ресоциализации[1], в том числе в разных когортах молодежи[2], в том числе – молодежи новых регионов РФ[3].

Последующее изменение границ РФ продемонстрировало активизацию научно-исследовательского потенциала в области изучения трансформации социально-политических представлений жителей России и выявления динамики социокультурной интеграции представителей новых субъектов.

А.В. Баранов подчеркивает связь начала специальной военной операции в 2022 году с выбором нового ценностно-идеологического пути развития российского общества, который проходил длительный этап становления. В современных реалиях социокультурное объединение граждан зависит от выстраиваемой государством политики идентичности, которая опирается на трансляцию символов гордости и формирования образа России на международной арене в качестве гаранта сохранения традиционных ценностей[4]. Представляется целесообразным рассмотреть социокультурную динамику в контексте расширения политического пространства РФ, которое последовало на фоне воссоединения Республики Крым с Россией и послужило началу становления принципиально новой вехи в истории цивилизационного развития нашего государства.

Результаты эмпирического исследования, проведенного в период с августа по октябрь 2018 года А.В. Барановым совместно с М.В. Донцовой и В.А. Чигриным[5], отразили динамику ориентаций и представлений в системе

---

[1] Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121.

[2] Стасюк Е. В. Особенности самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 218–230.

[3] Самаркина И. В., Башмаков И. С., Колозов Д. П., Кузьменко Н. П. Образ будущего как компонент субъективного пространства политики: концептуальная модель и опыт ее апробации // Полис. Политические исследования. 2024. № 5. С. 66–81.

[4] Баранов А. В. Социокультурная интеграция… 2023.

[5] Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Ориентации и установки… 2018.

межэтнических и поликонфессиональных отношений представителей молодого поколения Республики Крым и Краснодарского края. По данным исследования, иерархия уровней идентичности у молодежи Крыма и Кубани неоднородна: респонденты в Крыму отличаются высокой степенью региональной принадлежности, определяя себя как «крымчане» (26,9 %), представители глобальной идентичности (20,1 %), граждане России (17,9 %), представители конкретного этноса (14,2 %) и определенной конфессии (6,7 %). Локальная идентичность при этом составила совсем небольшую долю – 5,2 %, а южнороссийская идентичность (на уровне макрорегиона) – 4,5 %. Результаты продемонстрировали среднюю степень значимости общероссийской гражданской идентичности в общей системе идентичностей молодежи Крыма, в то время как опрошенные на Кубани преимущественно определяют себя гражданами России (34 %); глобальная идентичность жителей Кубани также заняла второе место (28,2 %), и самый низкий процент относится к локальному (5,4 %) и конфессиональному (2,7 %) уровню[1]. Подобная ситуация продемонстрировала необходимость укрепления гражданской идентичности и подсветила нарастание глобальных, космополитических взглядов, что подчеркивает размывание границ идентичности в системе социокультурных и политических трансформаций.

Межнациональная дистанция наблюдалась в Крыму, что фиксировалось в ходе анализа данных по шкале Э. Богардуса: в отношении русских дистанция составила 2,08 балла, в отношении украинцев – 2, 30 балла, крымских татар – 3,53 баллов, армян – 4,23 балла; в отношении представителей различных религий были получены следующие значения дистанции: христиане – 2,64 балла и мусульмане – 3,70 балла. Частота абсолютной неприемлемости в отношении крымских татар составила наивысший показатель в 7,7 %, к армянам – 6,2 %, к русским – 1,5 % и к украинцам – 0,8 %. В отношении конфессий к представителям христианства неприемлемость составила 3,8 %, к мусульманам

[1] Там же.

– 8,5 %. Таким образом, была выявлена отчужденность от представителей ислама и этнических общностей, в большинстве от крымских татар, несмотря на то, что они являются исторически сложившимся этносом на территории полуострова. Личный опыт возникновения конфликтных ситуаций на религиозной или национальной почве отметили 22,4 % респондентов (и 52,6 % опрошенных среди крымских татар), в том числе случаи с дискриминацией подчеркнули 7,5 % от всех респондентов (9 % из них – крымские татары), бытовые ссоры – 10,4 %; среди тех, кто вынужденно покинул дома на фоне конфликтов, оказались 5,2 % опрошенных (10,5 из них – крымские татары)[1].

Как отмечают авторы исследования, опросы ВЦИОМ[2] и фонда «Общественное мнение»[3], проводившиеся в 2015–2016 годах, иллюстрировали те же результаты, где отчетливо прослеживалось восприятие крымских татар в качестве «иных», отличающихся от большинства славянского населения Крыма, более успешно прошедшего этап социально-культурного сближения.

В данной связи можно сделать вывод о том, что динамика социокультурных настроений в Крыму складывалась весьма асимметрично. Часть консолидированного населения полуострова отличилась более устойчивыми взглядами и невысокой степенью межэтнической и межконфессиональной отдаленности. Это подчеркивает умеренно позитивный результат социокультурной интеграции и в то же время указывает на значимость формирования позитивного образа крымских татар как этнической общности, наиболее подверженной негативному восприятию в глазах опрошенной молодежи.

Согласно данным проведенного в 2018 году Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской и А.В. Синяковым массового опроса, нацеленного на

---

[1] Баранов А. В., Донцова М. В., Чигрин В. А. Ориентации и установки… 2018.

[2] Крым и Севастополь: о жизни после воссоединения с Россией // ВЦИОМ: официальный сайт. 2016. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782 (дата обращения: 20.10.2025).

[3] Опрос в Крыму: ситуация и протестные настроения в регионе // Фонд «Общественное мнение»: официальный сайт. 2016. URL: http://fom.ru/Nastroeniya/13113 (дата обращения: 20.10.2025).

выявление промежуточных результатов и барьеров в процессе социокультурной интеграции студенческой молодежи Крыма в пространство РФ, были сформулированы группы кластеров, характеризующих степень восприятия межэтнических и конфессиональных рисков. Так, более трети респондентов входят в группу, которая не придает значения этническим или религиозным признакам в системе восприятия окружающих, а также не наделяет значимостью и избегает межэтнические и межконфессиональные конфликты; от данной группы была получена средняя оценка государственной межнациональной политики, а высокая частота ответов «затрудняюсь» может быть обусловлена отсутствием вовлеченности в межэтнические процессы взаимодействия. Вторая группа опрошенных позитивно оценила межнациональные и межрелигиозные отношения в Крыму, определяя многонациональный характер государства в качестве его преимущества; в данной группе отмечается одобрение проводимой государством политики в отношении сближения народов РФ и неприемлемость межнациональной розни, в частности ее пропаганды в информационном пространстве. Третий кластер сформировался на основе обеспокоенности состоянием межэтнических отношений в республике и выдвижения удовлетворительной оценки государственной национальной политики; выявлена значимость религиозного и этнического признака в восприятии окружающих и потребность в предотвращении межнациональных конфликтов; определено, что данную группу составляют преимущественно крымские татары, которые сталкивались с признаками дискриминации и являются более дистанцированными по этническому признаку[1]. Данные результаты подтверждают предыдущие выводы о состоянии межэтнической напряженности в отношении крымских татар, а также о существовании трех обособленных групп, имеющих разный взгляд на реализуемые государством меры в отношении урегулирования межнационального и межконфессионального взаимодействия на

[1] Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Студенческая молодежь Крыма… 2018.

основе единой ценностной основы и принципов солидарности, гуманизма и единства народов РФ.

Когнитивные маркеры гражданской идентичности жителей Крыма описывала в своей работе Н.А. Сенченко, отмечая сформированность по состоянию на 2020 год следующих показателей: знание государственной символики – 29,4 %, представления о национально-исторических символических маркерах – 22,2 %, наличие активной гражданской позиции (социально-политическое участие) – 23,6 %, ассоциации о принадлежности к государству на основе гражданства РФ – 8,8 %, оценка нравственных качеств – 16 %. Так, когнитивный аспект социокультурной интеграции отражают преимущественно знания государственной символики, что определяет достаточно широкую степень наглядно-образного восприятия компонентов идентичности. Аксиологический компонент идентичности составили следующие ценности: законопослушность (42 %), компетентность (20,9 %), чувство гордости (20 %), патриотизм (20 %), вера в государство (20 %), духовность (13,6 %), чувство долга (13,5 %), что демонстрирует превалирующее значение духовно-нравственных и политических ценностей. Однако существуют показатели, указывающие на необходимость укрепления гражданской идентичности и обеспечение условий для культурной и социально-экономической интеграции граждан: желание «вырваться из клетки» отметили 28,6 %, необходимость мира – 28,5 %, ожидание лучшего будущего – 14,3 %, чувство беспомощности – 16,7 %, незащищенности – 13,5 %[1]. В результате противоречия возникали в системе личностного уровня восприятия происходящих процессов, в то время как фундамент ответов составили общечеловеческие и политические ценности. Демонстрируется запрос на формирование позитивного образа будущего, что также важно учитывать при выстраивании политики идентичности в регионе.

А.В. Верещагина на основе проведенных в 2023 году фокус-групповых дискуссий также охарактеризовала представления жителей республики Крым о

[1] Сенченко Н. А. Когнитивные маркеры гражданской идентичности жителей Крыма // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 1 (69). С. 30–35.

процессах социокультурной интеграции в пространство РФ (часть респондентов при этом являются жителями ЛНР и ДНР, что представляет особый интерес для сравнения). Определено, что доминантой в социокультурной адаптации послужили традиционные ценности, в особенности патриотическое воспитание; выявлено, что у респондентов существует четкое осознание проблем и противоречий, возникающих в системе социально-политических преобразований (задачи по укреплению гражданской идентичности, поиск интеграционного потенциала, готовность коллективно противостоять внешним вызовам). При этом мозаичность взглядов на успешность интеграции в социально-политические реалии России прослеживается у представителей различных возрастных когорт. Так, основой консолидации общества, по мнению старшего поколения, являются коллективные, общегражданские ценностные ориентиры (гордость за свою страну, патриотизм, гражданственность), что является важным и для молодых граждан, однако они также демонстрируют необходимость в ощущении стабильности и уверенности в завтрашнем дне как фундамента самореализации. Среди опрошенных разных возрастных категорий наблюдается стремление к взаимопомощи, однако молодежь активнее выражает ее посредством социальных сетей, будучи активно погруженной в практики информационного взаимодействия. Оценка респондентами всех опрошенных групп решения о принятии в состав РФ четырех новых регионов характеризуется справедливой и положительной, но в то же время представители молодого поколения не считают уровень сплоченности граждан России достаточно высоким[1]. Следовательно, модель ресоциализации крымского населения основывалась на традиционной концепции интеграции, фундамент которой составляют духовно-нравственные ценности. В настоящее время наблюдается положительная тенденция в восприятии жителями Крыма новых граждан, а также предлагается объективная оценка барьеров, возникающих в процессе их

[1] Верещагина А. В. Представления жителей Крыма об интеграционных процессах в Российском обществе (по материалам фокус-групп) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 6. С. 159–172.

интеграции, что демонстрирует осознанность в определении рисков социокультурного процесса.

Особенности социокультурной динамики на территориях, вошедших в состав РФ в 2022 году, определяются культурно-этнической и языковой идентичностью, что также влияет на формирование политических взглядов, отмечает А.В. Баранов[1].

По мнению И.С. Башмакова, условием, способствующим прочной интеграции и формированию единого социокультурного пространства, является образовательная, молодежная и культурная политика, которая реализовывалась в регионах с 2014 года и была ориентирована на российскую модель. Система гражданского и патриотического просвещения также опиралась на фундаментальные символы РФ с использованием русского языка и программ российской подготовки. Характеристика социокультурной динамики в Херсонской и Запорожской областях принципиально отличается, поскольку до 2022 года в субъектах сохранялась украинская система образования и информационная среда, что способствовало активной вовлеченности населения в украинское пространство публичной политики, транслирующей антироссийскую позицию[2].

Формирование единого социокультурного сознания новых граждан опирается на проведение политики идентичности и конструирование позитивного взгляда на будущее в составе Российской Федерации. В этой связи руководитель Федерального агентства по делам национальностей И.В. Баринов утверждает, что приоритетным направлением деятельности в новых регионах является в настоящий момент укрепление гражданской идентичности, что

[1] Баранов А. В. Русское население Юга и Востока Украины: идентичность и политические предпочтения (1992–2014 гг.) // История. Электронный научный журнал. 2022. Т. 13, Вып. 2 (112). URL: https://history.jes.su/s207987840019930-2-1/ (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Башмаков И. С. Гражданская идентичность… 2024. С. 347–350.

становится возможным благодаря трансляции достоверных исторических знаний и утверждению принципов межнационального согласия[1].

Масштабные социологические опросы, проведенные в период с 2009 по 2022 год на территории Донбасса (ДНР), позволяют охарактеризовать состояние социокультурной динамики и тенденции самоидентификации населения региона. В период с 2014 по 2022 год наблюдается сокращение доли тех, кто определяет себя украинцем (40 %/19,7 %), при этом значительно выросла доля идентифицирующих себя русскими (32,6 %/70,1 %), что характеризует динамику самовосприятия граждан. Интересно размышление авторов о том, что маркер «русские» стал иметь не просто значение народов, которые ранее проживали в СССР или имеют такой этнический признак, а определяется как «сторонник общерусского единства», представитель русской культуры и носитель русского; термин «украинец» воспринимается в качестве противника русской идеи на фоне украинского конфликта. Так, можно отчетливо наблюдать политизацию в системе толкования данных понятий. Тем не менее доля молодого населения с 18 по 25 лет по состоянию на 2016 год в ДНР определяла себя в первую очередь как украинцев (47 %), в то время как русскими себя считала меньшая часть (44 %). В других возрастных категориях отмечается обратная тенденция, где большинство опрошенных определяют себя как русские, в особенности граждане возрастной категории 56–65 лет (62 %). Безусловно, самоидентификация молодого поколения может объясняться восприимчивостью к информационной пропаганде, а также влиянием образовательной, социокультурной модели, существовавшей при Украине, на сознание молодых граждан[2].

В ЛНР, по данным на 2016 год, более трети респондентов молодого возраста также определяли себя украинцами, однако большая часть опрошенных

---

[1] Игорь Баринов: в новых регионах России нужно укрепить общероссийскую гражданскую идентичность. 2023. URL: https://tumentoday.ru/2023/06/08/igor_barinov_v_novykh_regionakh_rossii_nuzhno_ukrepit_obshcherossiyskuyu_grazhdanskuyu_identichnost/ (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Черкашин К. В. Теркулов В. И., Тамерьян Т. Ю. Этническая самоидентификация жителей Донбасса // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 113–128.

– русскими (максимальное значение составило 63 % у категории от 26 до 35 лет). Удивление вызывает самоопределение представителей возрастной категории 76 и более лет, большинство которых (53 %) считает себя украинцами, что может быть обусловлено устоявшимися культурными особенностями. Выявлено, что среди опрошенных преобладает региональный аспект идентичности. На вопрос о том, кем себя идентифицируют респонденты, в большинстве были получены ответы: «Жителем Донбасса» (51 % в ДНР и 36 % в ЛНР), «Жителем Луганщины» (18 %)[1]. Данные результаты ярко отразили степень сформированности регионального единства жителей на основе социокультурных особенностей и специфики Донбасса, имеющего свои маркеры идентичности (трудовой край, богатство ресурсами, дружба народов).

В 2022 году большая часть всех опрошенных категорий населения определила себя в качестве русских (минимальное значение у молодежи от 18 до 35 лет – 52,8 %, максимальное у граждан 66–75 лет – 68,4 %). Авторы отмечают, что самоидентификация по этническому признаку оказалась тесно связана с материальным положением опрошенных. Так, чем менее состоятельным называл себя респондент, тем больше он относил себя к русским, и наоборот – более состоятельные, по собственным оценкам, граждане в большей степени считали себя украинцами, что вызывает затруднения в интерпретации, но наводит на мысль о существовании в финансово независимой среде либеральных взглядов, в то время как экономическая несостоятельность может являться поводом для культурного сближения и социально-ориентированной позиции[2]. Таким образом, результаты массовых опросов жителей Донбасса на протяжении разных временных периодов демонстрируют преобладание региональной идентичности и самоидентификации граждан в качестве русских. При этом отметим, что понятие этнического самоопределения оказалось весьма политизированным, поскольку быть «русским» стало большим, чем являться выходцем из РФ или

[1] Черкашин К. В., Теркулов, В. И., Тамерьян Т. Ю. Этническая самоидентификация… 2023.

[2] Там же.

великоросом. В данной связи речь идет о русской идее и общегражданских ценностях, стремлении к социокультурному единству и укреплению гражданственности.

Динамика социокультурной реинтеграции жителей ДНР и ЛНР в современных геополитических условиях находит отражение в публикациях Е.В. Бродовской и А.Ю. Домбровской. В работе «Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ЛНР: Результаты социологического исследования в 2023 году» представлен анализ ценностных представлений жителей Донбасса и их соотношение с традиционными ценностями граждан РФ, а также оценка уровня гражданской идентичности и политических взглядов. Авторы подчеркивают, что интенсивность боевых действий является препятствием для успешной ресоциализации, но при этом усиление ценностно-идеологической основы внутренней политики России положительно воздействует на социокультурный процесс. Таким образом, дифференциация жизненных ориентиров, стратегий поведения, взглядов и установок новых граждан вызвана протекающими глубинными трансформациями в социально-политической, нравственной, культурно-исторической основах жизни[1].

Новые граждане выражают удовлетворенность выбранным курсом, ориентированным на укрепление единства, территориальной целостности и суверенитета (42,4 %), а также поддержание традиционализма (35,9 %); при этом значительное большинство жителей ЛНР (75,5 %) наделяет Россию статусом мировой державы (65,1 % – ДНР). Высокая степень уверенности респондентов наблюдается в следующих показателях: многонациональность и принцип единства народов является преимуществом государства (69,6 %), борьба за отстаивание национальных приоритетов проявляется в характере нашего народа (48,7 %); государство противодействует колониальной мировой системе (22,6 %). Примечательно, что опрошенные выступают за сохранение и трансляцию

[1] Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ЛНР: Результаты социологического исследования в 2023 году // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, № 6. С. 88–102.

последующим поколениям культурного достояния и традиций (57 %), а также считают РФ независимым и ресурсным государством (55,9 %)[1]. В целом наблюдается позитивный образ восприятия новыми гражданами направлений развития России и традиционной ценностной основы государства, что демонстрирует поддержку существующих тенденций социально-политического устройства и способствует положительной социокультурной интеграции. Можно определить, что одной из траекторий социокультурного сближения выступает крен в сторону традиционных ценностей и выстраивания образа России как мощного государства.

Исследователями выявлено, что жители ЛНР и ДНР отдают предпочтение ценностям патриотизма и чувству любви к Родине, определяя большой спектр нравственных категорий, которые это демонстрируют: бережное отношение к традициям народов России (67,9 %), чувство гордости за подвиги предков (63 %), сохранение родного языка (50,2 %), соблюдение законности и правопорядка (41,6 %), справедливость и защита нуждающихся (35,4 %), ощущение сопричастности к родной культуре (34,9 %), защита Родины каждым гражданином с помощью имеющихся у него сил (31,4 %); отмечены и весьма формальные признаки – иметь гражданство РФ (22,2 %), служить в армии (9,6 %)[2]. Таким образом, в представлениях о патриотизме доминирует аксиологический компонент, подтверждающий сложившееся единство убеждений и представлений об истории и российской культуре, многонациональном характере государства и ценности родного языка; выделяется среди прочих и деятельностный компонент, который основан на форматах участия в жизни общества и государства.

Следует подчеркнуть выраженное желание новых граждан знакомиться с памятными местами, среди которых отмечены космодром «Восточный» (60,3 %), Олимпийский парк (47,5 %), музей Бородинской битвы (44,4 %), остров Русский и вантовые мосты во Владивостоке (43,8 %), место крещения князя Владимира (42,5 %), Мамаев Курган (38 %), а также Крымский мост, музеи, мемориалы,

[1] Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. Ценностные ориентации… 2023.
[2] Там же.

архитектурные и природные объекты в других городах и субъектах России[1]; так, достаточно выражен и когнитивный компонент социокультурной интеграции.

При этом результаты масштабного опроса отразили ситуацию, при которой наглядно выражен разрыв во взглядах молодого поколения (до 19 лет) и старшего: молодые люди склонны в большей степени, чем взрослые, отождествлять РФ как региональную державу (27,8 % /5,6 %); молодежь отдает предпочтение либеральным ценностям (20,4 %); чуть более четверти молодых респондентов считает целесообразным приоритет сохранения территориальной целостности и суверенитета (27,1 %); отмечается низкая доля опрошенной молодежи, определяющей Россию гарантом антиколониализма (6,2 %) и считающей необходимой службу в армии (2,7 %); высока доля признания наиболее ценными прав и свобод граждан в соотношении с другими ценностными ориентирами (60,9 %); интересно, что ценность единства народов в молодежной среде также значительно ниже, чем среди старшей когорты (34 % / 45,4 %), что указывает на недостаточную приобщенность молодых граждан к транслируемым институтом государства и поддерживаемым обществом ценностям[2]. Это может быть вызвано условиями первичной социализации, которая проходила у молодых граждан вне системы российского воспитания и образования, а также влиянием информационной среды, в результате чего образовался ценностный вакуум.

Таким образом, ярко прослеживается тенденция развития либеральных настроений в молодежной среде, что подтверждается ценностью расширения прав и свобод, снижением приоритета службы в армии и уменьшением значимости национальных интересов (сохранение суверенитета и территории, разрушение однополярного мира). В то же время представители старших групп опрошенных оказывают поддержку государственным приоритетам и отличаются приверженностью традиционным основам российского общества.

---

[1] Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. Ценностные ориентации… 2023.

[2] Там же.

Ценностная траектория сближения народов Донбасса с жителями России в будущем зависит, согласно результатам, от совершенствования следующих показателей: противостояние искажению исторических фактов (44,6 %), укрепление межнационального взаимодействия и согласия (43,8 %), противоборство националистическим движениям и неонацизму (43,6 %), противодействие формам экстремизма и терроризма (37,2 %), сокращение негативного информационного воздействия (35,8 %). Выявлено, что жители ЛНР в большей степени, чем ДНР, нацелены на создание единого образовательного и воспитательного поля (59,8 % /47,3 %). Интересно подчеркнуть, что, согласно общим результатам, жители ЛНР также в большей степени считают, что вернулись на историческую Родину (52,1 % против 42,1 % в ДНР), а также в целом демонстрируют позитивную социокультурную динамику, высокую степень сформированности гражданской идентичности, позитивную оценку реинтеграции и ценности духовно-нравственного развития общества. При этом луганчане выражают запрос на создание единого пространства для просвещения и культурно-воспитательного обмена, что подчеркивает положительные траектории развития региона в составе РФ[1].

Наиболее вероятностные траектории интеграции новых жителей в пространство РФ и сопровождающие данный процесс риски описывали Е.В. Бродовская и А.А. Азаров. На основе методики мультиагентного моделирования авторы сгенерировали предположительные модели социально-политической адаптации новых жителей РФ; в результате Е.В. Бродовская и А.А. Азаров пришли к выводу о том, что открытость государственной информационной повестки и последовательные социально-экономические преобразования будут способствовать повышению уровня доверия со стороны населения в новых и близлежащих регионах, а также сформируют позитивную картину реинтеграции субъектов в пространство РФ в глазах молодого населения. Стоит отметить, что предложенные и интерпретированные авторами

[1] Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. Ценностные ориентации… 2023.

позитивные сценарии предполагают активную вовлеченность государства в реализацию социальных программ и политической повестки, а также интенсивную работу с новыми гражданами РФ, в частности с молодежью, с целью формирования позитивного восприятия протекающих реинтеграционных процессов. Риски могут быть связаны в первую очередь с тенденцией сокращения открытой государственной информационной повестки, обеспечивающей связь с населением и доверие к органам власти, а также с возможной интенсификацией военных действий, что осложнит процесс ресоциализации и обострит посттравматический опыт новых граждан[1].

О процессах протекания социокультурной интеграции в Херсонской и Запорожской областях, по мнению С.С. Ботова, могут свидетельствовать универсальные программы, в том числе и единый концепт формирования политики идентичности и исторической памяти, на который опираются новые регионы. Однако перспектива проведения репрезентативных исследований в данных субъектах остается под вопросом по причине активных боевых действий и отсутствия возможности задействовать отдельные муниципалитеты и областные центры для организации научно-исследовательской деятельности[2].

Таким образом, опыт современных исследований процессов реинтеграции в контексте расширения политического пространства РФ указывает на умеренно позитивные тенденции социокультурных процессов и необходимость изучения социокультурной динамики в молодежной среде, которая демонстрирует отличные от старшего поколения результаты.

Выявлено, что траектории социокультурной динамики в ДНР и ЛНР как регионе, показавшем успешный опыт реинтеграции, также нуждаются в изучении, поскольку результаты актуальных исследований отражают черты обособленности в ценностном профиле жителей региона.

---

[1] Бродовская Е. В., Азаров А. А. Мультиагентное имитационное… 2023.

[2] Ботов С. С. Идентификация и интеграция: формирование гражданской идентичности молодежи в новых регионах России (ЛДНР, Запорожская и Херсонская области) // Развитие гражданской идентичности молодежи: инструменты, тренды и перспективы. Челябинск, 2024. С. 30–36.

К ключевым траекториям формирования и укрепления социокультурных оснований интеграции новых регионов можно отнести следующее: доминирование региональной и тенденция укрепления общероссийской гражданской идентичности; поддержка традиционных ценностей российского общества старшим поколением и проявление либеральных настроений среди молодежи; отождествление себя с «русскими» как представителями русского единства и носителями русской идеи; стремление к достижению межэтнического согласия; сочетание аксиологического, когнитивного и деятельностного компонентов идентичности и социокультурной интеграции при превалирующем значении ценностных оснований; стремление расширить представления о России, ее культурно-исторических ценностях; запрос на формирование позитивного образа будущего своего региона и всей России; присутствие космополитических представлений и размывания границ идентичности; риски деструктивного информационного воздействия; выстраивание образа российского государства как мощной державы, гаранта сохранения миропорядка и поддержания духовности.

Недостаток публикаций, опирающихся на актуальные эмпирические данные о состоянии социокультурной динамики в Херсонской и Запорожской областях, затрудняет анализ социокультурных процессов в новых регионах, поскольку данные субъекты отличаются своей спецификой и проходят активный этап ресоциализации, который осложняется стремительным переходом от украинской ценностно-идеологической модели к новой российской действительности.

Таким образом, социокультурная динамика современного российского общества в условиях расширения политического пространства выступает ключевым фактором, определяющим процессы политической социализации и ресоциализации. Усиление общероссийской гражданской идентичности, опирающейся на традиционные ценности, историческую память и символику, создаёт консолидирующую основу для интеграции новых субъектов. Однако этот процесс характеризуется внутренней сложностью и противоречивостью: наряду

с успешным усвоением федеральных норм и ценностей, особенно среди старшего поколения и в ЛНР, сохраняются значительные вызовы, связанные с региональной спецификой, межэтнической дистанцированностью (как в Крыму), а также распространением либеральных и космополитических установок среди молодёжи, чья первичная социализация проходила в иной информационно-ценностной среде. Таким образом, эффективная политическая ресоциализация требует целенаправленной государственной политики, сочетающей укрепление ценностно-идеологических оснований с гибкими механизмами адаптации к социокультурным особенностям разных групп и регионов, что в конечном итоге определяет устойчивость и консолидацию общероссийского политического пространства.

2.3 Система институтов политической ресоциализации новых граждан современной России

Как мы отмечали в теоретической главе исследования, процесс политической ресоциализации новых граждан России имеет институциональную структуру, то есть разворачивается в системе институтов политической ресоциализации, каждый из которых имеет свой статус, функции и особенности.

Цель данного раздела – описать структуру институтов политической ресоциализации новых граждан России, определить функции и особенности каждого из них.

Предварительно отметим ряд теоретических замечаний, важных для анализа и классификации институтов политической ресоциализации. Следуя логике классификации институтов политической социализации, о которой мы писали в теоретической главе исследования, институты политической ресоциализации мы также будем маркировать с точки зрения выполнения или невыполнения ими собственно политических функций (политические и неполитические институты политической ресоциализации); с точки зрения встроенности в систему социализации и ресоциализации (традиционные и новые

институты политической ресоциализации); по критерию – наличие характера социального взаимодействия, предполагающего наличие значимых для результата политической ресоциализации межличностных отношений или отсутствие таковых (институты первичной и вторичной политической ресоциализации); по направленности социализирующего воздействия (институты вертикальной и горизонтальной политической ресоциализации); по степени институционального и организационного регулирования (институты формальной и неформальной политической ресоциализации), по степени организационного и содержательного регулирования (институты целенаправленной и стихийной политической ресоциализации).

Ресоциализация как процесс, протекающий в условиях кардинальных трансформаций, проявляется, с одной стороны, в способах обновления знаний, переоценки существовавших представлений, ценностей, политических взглядов, а с другой – в институциональном закреплении новой ценностной системы, которая служит отправной точкой для формирования гражданской идентичности и политической субъектности личности.

Концепт политической социализации и ресоциализации как повторного этапа конструирования политической картины мира позволяет рассматривать данные процессы в качестве формирующихся стихийно (посредством самостоятельного выбора траекторий политического участия, закрепления политических убеждений) и целенаправленно (передача ценностных ориентиров, норм и моделей политического поведения от институциональной системы к индивиду).

В данной связи речь идет о вертикальных и горизонтальных моделях политической социализации, которые могут быть применены к ресоциализационным процессам, представляя личность в качестве субъекта или объекта политических отношений и вхождения в политическое пространство.

Вертикальная модель предполагает целенаправленный и контролируемый процесс, направляемый институтами государства и другими участниками публичной политики, участвующими в процессе политической ресоциализации;

государственные и социальные институты транслируют систему ценностей, нормы и одобряемые поведенческие установки, обозначая ценностно-политическое поле, в котором трансформируется политическая картина мира и политическое сознание личности и конструируются модели ее политического поведения.

Горизонтальная модель ресоциализации представляет собой формулу «субъект-субъектных» отношений, в которых личность, ее политические представления, мотивации, убеждения и поведенческие стратегии являются предметом изучения и обсуждения в процессах горизонтальной коммуникации с равностатусными агентами политической ресоциализации. В данной ситуации ресоциализация будет проявляться в реакции индивида на изменения в институциональной среде, затрагивая при этом когнитивные, эмоциональные, аксиологические и инструментальные аспекты политической картины мира субъекта[1].

Сочетание различных форматов вертикального и горизонтального воздействия определяет в конечном счете эффективность политической ресоциализации. Вертикальные механизмы политической ресоциализации акцентируют внимание на деятельности институциональной системы, направленной на формирование у граждан желаемых (с точки зрения стабильности политической системы) моделей политического поведения, ориентированных на существующую нормативно-ценностную основу общества. Политические и общественные институты в этой системе занимают разные позиции. Отметим мнение А. И. Щербинина о том, что оптимизация деятельности системы общественных институтов в начале XXI века находилась на начальной стадии развития[2], однако современная геополитическая и внутриполитическая ситуация в России стала фактором, который это положение

[1] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.

[2] Щербинин А. И. Политическое образование: учебное пособие. М.: Весь Мир, 2005. 283 с.

существенно изменил. В этой связи целесообразно рассмотреть ключевые институты политической ресоциализации новых граждан России.

Семья как институт политической ресоциализации. Традиционно в политической науке большой интерес вызывают исследования влияния семьи на процесс формирования политических установок и передачи ценностных ориентиров (М.К. Дженнингс, Р. Ниеми[1]); роль института семьи в выстраивании позиции личности к различным властным фигурам (лидерам) исследовали Р. Хесс, Дж. Торней[2], Д. Истон, Дж. Деннис[3]. В советской традиции семья наделялась функцией идейно-политического воспитания[4] на основе личного авторитета, непосредственного общения, в современной российской политической науке семья также рассматривается как ключевой институт политической социализации[5].

Традиционно делается акцент на роли родителей как агентов политической социализации, обеспечивающих первичное формирование отношения подрастающего поколения к институциональной и функциональной подсистеме политической системы (отношение к власти и принятым политическим решениям), демонстрирующих модели политического поведения, которые воспринимает следующие поколения (дети, внуки). Исследователи отмечают, что интерес молодежи к политике может быть вызван степенью вовлеченности родителей в политические процессы[6].

В трансформационные периоды развития российского общества и в условиях системных преобразований результаты опросов отражали представления различных поколений россиян о доминирующем факторе влияния семьи на их жизнь и мировоззрение. Е.Б. Шестопал отмечает, что система семейного воспитания является превалирующим механизмом формирования

---

[1] Jennings M. K., Niemi R. G. Generations and politics… 1981.
[2] Hess R. D., Torney J. V. The Development of Political… 1967. P. 288.
[3] Easton D., Dennis. J. Children in the Political... 1969. P. 440.
[4] Смирнов В. И. Идейно-политическое воспитание… 1986.
[5] Тарасова Е. Г. Семья как агент… 2018.
[6] Костюкевич В. Ф. Семья в качестве примера… 2013.

политических представлений и способов восприятия протекающих политических явлений на постсоветском пространстве. Однако трансформация института семьи указывает на то, что сами родители также нуждаются в адаптации к меняющимся социально-политическим условиям[1]. Профессиональная принадлежность родителей, их социально-экономические ресурсы и уровень социально-психологического взаимодействия обуславливают характер социализации и особенности политических предпочтений детей[2].

И.В. Денисова, описывая влияние семьи на политическое становление молодого поколения, подчеркивает, что кризисное состояние семейного института (разводы, низкая рождаемость, неполные семьи) влечет за собой опасность развития девиации молодежи ввиду недостаточности процесса социализации детей, которые по необходимости обращаются к другим институтам политической социализации, к стихийным каналам политической информации и лишаются возможности «легитимного включения в общество» и в политическую сферу[3].

В то же время, по данным некоторых эмпирических исследований[4] 53 % родителей считают необходимым транслировать первичные знания и представления о политике в детстве; формирование патриотизма и гражданственности в качестве функции семьи определили лишь 7 % взрослых респондентов, и лишь 4 % высказались о том, что семья должна воспитывать в ребенке уважение к представителям другой национальности и конфессии. Данные результаты исследования продемонстрировали некоторые пробелы в реализации задач, направленных на укрепление гражданской культуры молодежи и ее политической позиции, в частности, в отношении граждан «иной» национальной и религиозной принадлежности, что является особенно важным в

[1] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.
[2] Селезнева А. В., Зиненко В. Е. Формирование политических ценностей… 2021.
[3] Денисова И. В. Трансформация семьи как института… 2011.
[4] Нигматуллина Т. А. Институт семьи как один из факторов политической социализации детей и молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 1 (91). С. 43–49.

современных условиях развития многонационального и поликультурного российского общества.

Е.Б. Шестопал подчеркивает недостаток эмпирического наполнения в изучении семьи как института политической ресоциализации, поскольку на данный момент отсутствуют подтвержденные данные о характере перемен в структуре внутрисемейной и политической социализации[1]. Несомненно, семья выступает, с одной стороны, ключевым традиционным институтом формирования политической картины мира, является референтной группой для ее членов.

Исследования процессов политической ресоциализации в постсоветское время показали, что 79,2 % респондентов указывали семью в качестве доминирующего агента политической ресоциализации и 49 % определяли таковыми друзей[2], то есть те институты, которые обеспечивают, с одной стороны, непосредственное влияние на убеждения людей, а с другой стороны, предоставляют безопасное пространство для формирования и выражения политической позиции в условиях глобальных перемен, а также компенсируют состояние неустойчивости перед нарастающими вызовами.

Эксперты и участники серии глубинных интервью в новых субъектах РФ подтверждают важность семьи в процессах политической ресоциализации. Говоря о традиционных и первичных институтах ресоциализации, эксперты единогласно отводят главенствующую роль семейному воспитанию гражданина: «По Указу Президента…семья составляет очень большую часть, это очень важно, семейные традиции» (участник глубинного интервью из ДНР); «главный пример – это личный пример… и самый сильный образ для подражания – тот человек, который воспитывает» (участник глубинного интервью, Херсонская область); «Мы всегда обсуждаем <с детьми> политические темы…старые фильмы военные смотрим, у нас семейный просмотр, обсуждаем, аналогию

[1] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008. С. 91–92.

[2] Там же.

проводим» (участник глубинного интервью, Республика Крым); «Единственный способ эффективный, как приобщать ребенка к политике, это в семье объяснять ребенку» (участник глубинного интервью, Херсонская область), – отмечается эффективность семейных практик при конструировании политической картины мира ребенка.

В условиях расширения политического пространства семья осуществляет важную функцию обеспечения эмоциональной, психологической безопасности, в особенности в ситуациях вооруженного противостояния, поэтому в контексте исследования новых граждан России ее необходимо рассматривать, с одной стороны, как институт политической социализации детей и молодежи, с другой стороны, как институт политической ресоциализации практически всех поколений, составляющих семейное сообщество.

Таким образом, в контексте политической ресоциализации новых граждан России мы рассматриваем семью как неполитический, традиционный институт первичной, горизонтальной, неформальной, стихийной ресоциализации, выполняющий в процессе политической ресоциализации функции психологической поддержки, адаптации и передачи полученного опыта.

Государство как институт политической ресоциализации. В условиях глобальных перемен институт государства использует интеграционные ресурсы в целях создания условий для социокультурной адаптации и политической ресоциализации новых граждан России. В данной связи особое значение имеет поиск консолидирующего потенциала и ценностно-идеологического ядра, на основе которого государство в качестве ключевого института ресоциализации будет обеспечивать успешность данного процесса.

Нормативную основу институциональной модели ресоциализации составляют правовые акты федерального, регионального и местного уровня. Положения, закрепляющие на государственном уровне единую ценностно-идеологическую основу, изложены в Указе Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и

укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1], который закрепляет ключевые ценностные ориентиры, такие как историческая преемственность, патриотизм, гражданственность и иные как общечеловеческие, так и политические ценности российского общества, в соответствии с которыми проводится процесс социокультурной интеграции в пространство РФ и ресоциализации новых граждан.

В Постановлении Правительства Донецкой Народной Республики «Об утверждении республиканской программы патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы»[2] заложены основы включения молодежи в социально-политическое пространство РФ. В документе содержится анализ противоречий в динамике патриотического воспитания детей и молодежи региона: слабый уровень интереса молодежи к деятельности общественных объединений, несовершенство межотраслевой коммуникации в области проведения патриотического просвещения, недостаточность материально-технической базы, отсутствие организованного мониторинга активности детей и молодежи, недостаточный уровень подготовки кадрового состава к проведению мероприятий военно-патриотической направленности и другое. На основе анализа промежуточного состояния патриотического воспитания детей и молодежи региона были сформулированы и закреплены приоритетные задачи в целях улучшения существовавших показателей: совершенствование нормативно-правовых актов, подготовки специалистов, вовлечение молодых ученых в сферу методической разработанности патриотического воспитания, разработка и внедрение современных программ и

---

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Об утверждении республиканской программы патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы: Постановление Правительства ДНР № 22-3 от 30 апреля 2020 г // Правительство Донецкой Народной Республики: официальный сайт. URL: https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-30-aprelya-2020-goda-№-22-3-ob-utverzhdenii-respublikanskoj-programmy-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-doneczkoj-narodnoj/ (дата обращения: 20.10.2025).

учебной литературы, соответствующей актуальным направлениям работы с молодежью в рамках института образования, а также создание условий для интенсивного включения молодого населения в практики решения социально-экономических, культурных, правовых и иных проблем в регионе на основе гражданской солидарности и иных духовно-нравственных ценностях.

Тем самым принятые органами власти ДНР меры способствовали закреплению основ взаимодействия и культурно-исторической, общественно-политической, патриотической работы с молодым поколением, результатом чего стала активизация государственного и регионального регулирования комплексного развития молодежной политики, о чем свидетельствует подписанное в 2023 году Постановление Правительства ДНР, задачами которого являются формирование эффективных механизмов участия молодежи в организациях и движениях, улучшение условий жизни и доступа к информационным ресурсам, популяризация волонтерской деятельности, повышение уровня образования и социально-экономического развития, а также социальная реабилитация молодого населения, пострадавшего от военного конфликта[1].

Важным направлением деятельности государства в процессах политической ресоциализации является реализация политики формирования гражданской идентичности. О необходимости такой политики исследователи говорили давно. В частности, М.К. Горшков, описывая модернизационные процессы и реконструкцию социальной системы в первые десятилетия XXI века, связывает путь формирования гражданской идентичности и консолидации с созданием государственного проекта, призванного предотвращать «застойные» явления в структуре и уровнях идентичности, а также стимулировать поиск

[1] Об утверждении программы «Комплексное развитие молодежной политики в Донецкой Народной Республике»: Постановление Правительства Донецкой Народной Республики № 113-14 от 25.12.2023 г // Донецкая Народная Республика: официальный сайт. URL: http://npa.dnronline.su/2024-01-12/postanovlenie-pravitelstva-dnr-113-14-ot-25-12-2023-g-ob-utverzhdenii-programmy-kompleksnoe-razvitie-molodezhnoj-politiki-v-donetskoj-narodnoj-respublike.html (дата обращения: 20.10.2025).

новых путей сохранения и укрепления идентичности с помощью единой системы государственной политики[1]. Тем самым подчеркивается роль государственного закрепления политики идентичности, политики исторической памяти и символической политики в формировании практик, нацеленных на консолидацию граждан.

В контексте реализации государственной молодежной политики в отношении молодежи новых регионов и ее адаптации и ресоциализации особую роль выполняют практики горизонтальной коммуникации молодежи в рамках реализуемой политики. Опыт интеграции крымской молодежи показал, что особое значение имело включение молодежи в следующие практики: участие в фестивалях, конкурсах, научных конференциях, экологических акциях, что отражало стремление к поддержанию и передаче нравственных ценностей, традиций, а также необходимость выстраивания связей между поколениями и социальными группами, в особенности этническими, что характерно для региональной специфики Крыма[2].

Важным аспектом обеспечения эффективности процессов политической ресоциализации через институты государственной власти являются кадровые практики. Опыт интеграции Крыма в состав России показал, что особое значение имел политический и социокультурный обмен, протекавший в рамках проведения конференций, симпозиумов, выставок и иных объединяющих программ с представителями других субъектов РФ, что обеспечивало преодоление когнитивно-ценностных проблем в рамках ресоциализации. Рекрутирование и ротация кадров, по мнению авторов, гарантируют присутствие в Крыму профессиональных управленцев и в то же время насыщают пространство России работниками из Крыма, что способствует наращиванию кадрового потенциала в регионах[3].

---

[1] Горшков М. К. Модернизационный потенциал… 2013.
[2] Шефель С. В., Захарова В. А. Реализация концепции… 2022.
[3] Костяев С. С., Юшков И. В. Особенности интеграции… 2015.

Важной функцией государства как института политической ресоциализации является ресурсное обеспечение новых субъектов и создание условий для безопасной и комфортной жизни новых граждан России. Эта функция реализуется в многочисленных практиках ресурсного обеспечения новых территорий и их населения. В первую очередь это касается развития человеческого капитала интегрированных регионов, в частности, раскрытия трудового потенциала, являющегося приоритетным показателем социально-экономического развития. Автор описывает практики актуализации инструментов и механизмов совершенствования социально-экономической сферы в Крыму с помощью отслеживания динамики ИЧР в регионе, где в период с 2015 по 2019 год наблюдался видимый среднегодовой прирост показателей. Положительные тенденции основаны в первую очередь на укреплении профессиональных навыков жителей и повышении их квалификации, что не обходится без развития здравоохранения, социальной защиты населения, совершенствования инновационного развития, обеспечения благоприятных условий трудовой деятельности и создания рабочих мест. По мнению автора, предложенные технологии качественного преобразования человеческого потенциала в Республике Крым могут послужить примером для новых регионов, в которых стадия адаптации к новым условиям жизни является крайне значимой как для общественного блага, так и для стратегических интересов государства[1].

В проведенном эмпирическом исследовании определена результативность системного и последовательного влияния института семьи и школы, образования, культуры на успешность ресоциализационных процессов: «дальше направить этого ребенка и отшлифовать то, что он получил в семье, должно общество, начиная с детского сада и в школе, и в высших учебных заведениях, в массовой культуре» (участник глубинного интервью, Херсонская область);

[1] Лютикова Е. Ю. Раскрытие социального потенциала новых территорий Российской Федерации // Теоретические и прикладные аспекты информационно-аналитического обеспечения инновационной экономики: Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей, Курск, 26 апреля 2023 года. Курск: Курский государственный университет, 2023. С. 64–70.

«появилась дисциплина «Основы российской государственности»…нужная и системная работа, и она приносит плоды» (эксперт, ДНР); «самое главное – это образование…семья играет основополагающую роль, всё формируется в семье… и православие стоит в основе ценности нашего государства» (эксперт, ДНР). Опрошенные эксперты и участники интервью подчеркивают роль традиционных для российской истории институтов социализации, в том числе и религии как ядра нравственных ориентиров.

В проведенном эмпирическом исследовании в контексте определения влияния федеральных институтов власти на политическую ресоциализацию новых граждан РФ была зафиксирована точка зрения о превалирующем значении института государства. В системе политической социализации и ресоциализации новых жителей преобладают персонифицированные представления о политической системе, связанные с фигурой Президента РФ: «Я благодарна Владимиру Владимировичу, что он это начал. Мы очень надеемся на нашу скорейшую победу» (участник глубинного интервью, Республика Крым); «первый фактор – личность президента и действия государства, власти» (эксперт, Севастополь); «первым делом – наш Президент, он не оставил нас в беде… через эти действия мы доверяем Правительству России» (участник глубинного интервью, ЛНР); «во времена жизни в Украине Владимир Владимирович все равно рассматривался в каком-то ключе как свой президент» (участник глубинного интервью, Республика Крым).

Демонстрируется доверие к представителям публичной политики на федеральном и региональном уровнях: «90 % <депутатов> остались на своих местах, это говорит о сильной о сплоченной команде, я доверяю им» (участник глубинного интервью, ЛНР); «Я поразилась тем, что в Москве письмо Президенту работает. Эта служба <Приемная Президента РФ> работает» (участник глубинного интервью, Республика Крым).

При этом эксперты отмечают снижение степени влияния местных органов власти: «у нас есть местное министерство образования… но мы федерального подчинения теперь, можем и не очень прислушиваться к тому, что говорит

местное министерство» (эксперт, ДНР); «У вас другая правовая культура; у нас местное самоуправление с 2014 года отсутствовало в классическом понимании… это упирается в бюрократизм; мы хотим быть такими же, мы часть большой страны». Экспертом отмечается противоречивость интеграции в правовое поле России, а также недостаточная развитость органов местного самоуправления; подчеркивается стремление стать частью единого пространства России. Также можно проследить, как эксперт активно использует местоимения «мы» и «вы», что демонстрирует попытку развести понятия регионов и «большой России», указывая на незавершенность процесса интеграции.

Таким образом, государство в системе институтов политической ресоциализации является политическим, традиционным институтом вторичной, вертикальной, формальной, целенаправленной ресоциализации, выполняющим функции обеспечения стабильности политической системы, социально-политической адаптации, регулирования политического поведения, функций мобилизации и контроля. В силу специфики выполняемых функций систему образования (школу, систему профессионального образования, дополнительного профессионального образования) следует рассматривать как отдельный институт политической ресоциализации.

Система образования как институт политической ресоциализации. В системе политической социализации школа углубляет сформированные в семье представления и закрепляет политические установки в контексте реализации образовательной политики и транслируемых на государственном уровне ценностно-идеологических доктрин[1], система образования выполняет функцию гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи, развивает включенность в практики социально-политического участия, формирует правовую и политическую культуру, чувства патриотизма и гражданского долга[2]. Именно через систему образования государство осуществляет функцию

[1] Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Формирование политических ценностей… 2021.
[2] Селезнева А. В. Политические представления… 2012.

целенаправленной политической социализации, формирует гражданское сознание молодого поколения «в заданном идеологическом векторе»[1].

Оценивая социализирующий потенциал системы образования, необходимо учитывать, что политическая социализация молодежи протекает в условиях противоречивой эволюции института образования, находящегося под влиянием внутри- и внешнеполитических трансформаций. Реформы системы образования (в особенности – профессионального), обусловленные влиянием геополитических и внутриполитических процессов, до недавнего времени определяли во многом стихийный характер формирования политического сознания молодежи, что привело к инертности и дистанцированности молодого поколения от политической системы и не удовлетворяло интерес молодежи к обсуждению протекающих социально-политических процессов[2]. Унификация образовательных стандартов, формализм и недостаток профессиональных компетенций преподавательского состава создают препятствия в системе приобщения молодых граждан к политической сфере жизни и формирования гражданской позиции молодежи в трансформационные периоды[3].

Опыт осмысления процессов политической ресоциализации в постсоветское время на основе проведенной серии интервью с учителями позволил сформулировать следующие выводы о ключевых агентах политической социализации и ресоциализации, по мнению респондентов: государство и Министерство образования; государство совместно со школой; школа, где главным актором является учитель и его способы трансляции политического знания. Большинство учителей при этом наделяли школу функцией формирования основ политических взглядов и политического поведения[4].

Интересно, что помимо развития политической грамотности, укрепления патриотизма и усиления политической компетенции молодежи эксперты также

---

[1] Асеева Т. А. Роль государства в политической социализации граждан современной России // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2. С. 215–220.

[2] Силантьева В. А., Гамидова Н. В. Вузовское образование… 2015.

[3] Селезнева А. В., Азарнова А. А. «Рождение гражданина»… 2020.

[4] Шестопал Е.Б., Зверев А.Л., Селезнева А.В. Политическая социализация… 2008.

выделяют в качестве приоритетной задачи учителей формирование личности, которая способна к социально-политической адаптации. При этом превалирующая доля учителей, сопровождающих молодое поколение на этапе ресоциализации, в ходе исследования указала на факт протекания ресоциализации лично у каждого из них, что обусловлено переоценкой сформированных ранее представлений и усвоением новых мировоззренческих представлений. Выявлено, что в более старшем возрасте ресоциализация протекает сложнее, поскольку учителя в данном случае оказываются не подготовленными к передаче молодому поколению демократических ценностей, так как период их формирования приходился на советское время[1].

Нормативные основы образовательной политики в новых субъектах РФ изложены в Федеральном законе «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере образования и науки» в контексте принятия в состав РФ новых территорий[2]. Положения Федерального закона регламентируют институциональные способы реализации образовательной политики в регионах с целью обеспечения единого научного и образовательного пространства в данных субъектах, что повышает возможность успешной социокультурной и политической интеграции новых граждан.

Согласно Постановлению Совета министров Республики Крым от 29 марта 2023 года № 241 «Об утверждении Государственной программы развития образования в Республике Крым» формально утверждены положения для создания условий, обеспечивающих повышение качества образования в регионе, среди которых можно выделить развитие русского языка, национального и

---

[1] Там же.

[2] Об особенностях правового регулирования отношений в сфере образования и науки связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №19-ФЗ от 17.02.2023 (последняя редакция) // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302170006 (дата обращения: 20.10.2025).

поликультурного образования, предоставление равных возможностей получения образования в связи с многонациональным и поликонфессиональным характером народа Российской Федерации[1], что также способствует положительной социокультурной динамике в регионе.

Анализ нормативных актов позволяет сделать вывод о существовании единой правовой базы, обеспечивающей координацию процесса ресоциализации и социокультурной интеграции в новых регионах РФ со стороны органов государственной власти. Высокая степень правовой разработанности способствует выстраиванию эффективной политики, направленной на укрепление гражданской идентичности молодежи новых субъектов РФ и формирование единой системы знаний и политических представлений о государстве. Отмечается присутствие термина «реабилитация» в рассмотренных нормативных документах Донецкой Народной Республики, однако изложенные меры по реабилитации адресованы молодежи, получившей травмирующий опыт в связи с военным конфликтом. Данная формулировка видится нам достаточно ограниченной, поскольку теоретические работы и их эмпирическое наполнение отражают ситуацию, при которой различные половозрастные и социальные категории населения нуждаются в поддержке на этапе политической ресоциализации, в частности, сами агенты данного процесса. В результате рекомендуется обсуждение и разработка единой системы, которая предлагала бы точечные меры для различных категорий населения на этапе их сопровождения в контексте политической ресоциализации.

Респонденты в нашем исследовании указывают на противоречивость в системе формирования политических представлений у учащейся молодежи, которая возникает ввиду несоответствия транслируемой политической позиции в семье и в школе: «Я спорила недавно с некоторыми родителями, я же являюсь классным руководителем…некоторые родители звонили: «Что вы поднимаете

[1] Об утверждении Государственной программы развития образования в Республике Крым: Постановление Совета министров Республики Крым № 241 от 29 марта 2023 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: официальный сайт. URL: https://docs.cntd.ru/document/406610060 (дата обращения: 20.10.2025).

политику? Школа вне политики». Я говорю: «Вы не понимаете, это история. Дети должны знать, что вокруг происходит, вы должны с ними общаться. Вы не будете общаться – я буду с ними общаться» (участник глубинного интервью, Республика Крым), – прослеживается влияние отдельных агентов – учителей, наставников, преподавателей, чье мнение является авторитетным для молодого гражданина; следует отметить некоторую долю недоверия к субъектам, транслирующим политические ценности: «те люди, которые работают в образовательной сфере, они проходят курсы переподготовки, но с ними должны работать профессионалы, которые должны определить, насколько человек не является «ждуном»… и проверить их личные дела» (эксперт, ЛНР).

Таким образом, школа является центральным механизмом обеспечения процессов политической социализации и ресоциализации, однако смысловое наполнение данных процессов находится в зоне ответственности каждого отдельного учителя, транслирующего конкретные политические ценности. Учителя как агенты политической социализации также испытывают психологические, профессиональные и личностные трудности в условиях социально-политических перемен, что требует выстраивания четкой концепции мероприятий, направленных на создание условий для успешной ресоциализации педагогов.

В контексте исследования политической ресоциализации новых граждан России в условиях расширения политического пространства система образования выступает неполитическим, традиционным институтом вторичной, вертикальной, формальной, целенаправленной ресоциализации, выполняющим функции формирования установок политической культуры, политического создания, формирования субъектности, формирования гражданской идентичности, социально-политической адаптации, мобилизации и мотивации политического участия.

Общественно-политические организации как институты политической ресоциализации. Не только органы государственной власти выполняют задачи политической ресоциализации, другие формальные институты и неформальные

сообщества также являются частью иерархической структуры социально-политических объектов (институтов, акторов), которые оказывают влияние на конструирование политических установок, представлений и способов восприятия политической системы граждан[1]. Это важно в процессе политической ресоциализации, поскольку система публичных акторов, участников системы публичной политики является гарантом реализации прав и свобод, политических предпочтений граждан, успех интеграции зависит от степени совершенствования и открытости социально-политических институтов и одновременно от социально-экономического развития, выстраивание прочных связей с новой политической средой обеспечивается возможностями реализации ценностей, которые предоставляет политическая система[2].

Институт политических партий традиционно дает возможность реализации гражданского потенциала через участие в политической жизни, а также способствует поиску схожих взглядов и идей, что позволяет расширять систему взаимодействия и включаться в управление делами государства от лица партийного объединения[3]. Однако существенную роль в новых регионах РФ в этом процесс играют общественные и общественно-политические организации.

Опыт новых регионов подтверждает этот тезис. Молодежные организации и движения добровольческой направленности на Донбассе являются инструментом гражданского и патриотического воспитания общества, что формирует ощущение сопричастности к общему делу, чувство уважения к истории и культуре России; импульсом к широкому развитию волонтерской деятельности послужил геополитический кризис, за которым последовало начало СВО. Вызовы современности побуждают молодых граждан от лица своих организованных движений актуализировать человеческий потенциал с целью борьбы с нарастающими ценностными вызовами и помощи новым жителям РФ. При этом СМИ выполняют эффективную информационную работу по

---

[1] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.
[2] Чудинова И. М. Социально-политические ценности… 2003.
[3] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.

проведению рекламной кампании добровольческих направлений, что важно для активизации гражданского общества в контексте ресоциализации[1].

Анализируя институциональное влияние на процессы ресоциализации и реинтеграции в контексте расширения политического пространства РФ, следует отметить влияние общественных институтов и движений, деятельность которых особенно актуализировалась после начала специальной военной операции.

Сфера влияния некоммерческих организаций и общественно-политических объединений, способствующих выстраиванию диалога между субъектами публичной власти и представителями гражданского общества, а также активно взаимодействующих с молодежью новых регионов в рамках военно-патриотического и историко-культурного направлений, распространяется как в новых регионах, так и на территории остальной части России.

Опыт интеграции Республики Крым и Севастополя в период с 2014 года показал, что усилия НКО в регионе оказывают положительное влияние как на социальное развитие, так и на формирование политической позиции прежде всего молодого поколения. Исследователи отмечают, что НКО своевременно и в полном объеме реагируют на нарастающие вызовы и риски, а также отвечают на запросы населения и отличаются эффективной работой с представителями молодого поколения, формируя при этом политическую позицию и способствуя сохранению исторического наследия[2].

По мнению экспертов общественных структур ЛНР (Н. Приймак, член Общественной палаты ЛНР и директор ресурсного центра поддержки некоммерческих организаций в регионе), НКО в современных реалиях

---

[1] Китраль С. О. Волонтерство в период СВО на Донбассе как тема материалов регионального телевидения: жанровые и стилистические черты // Журналистика, массовые коммуникации и медиа: взгляд молодых исследователей: материалы научно-практической конференции, Белгород, 12–14 апреля 2023 года. Белгород: Изд-во «Космос», 2023. С. 54–60.

[2] Бугаков И. А., Поляков М. Б. Анализ форм государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на новых территориях Российской Федерации (на примере Донецкой Народной Республики, Республики Крым, Луганской Народной Республики, Запорожской, Херсонской областей, города федерального значения Севастополя) // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11(124). С. 136–144.

выполняет задачи развития культурных и гражданских инициатив, реализации социально ориентированных проектов и обладает интегрирующим потенциалом[1]. Активизация деятельности некоммерческих организаций и общественных движений способствует включению граждан в конструктивные формы социально-политической, добровольческой, историко-культурной и иной деятельности, закрепляя при этом духовно-нравственные основы российского общества и формируя у новых граждан устойчивую политическую позицию.

Развитая структура НКО как агентов ресоциализации, реализующих молодежные и другие социально значимые проекты и стратегии политики идентичности и исторической памяти в РФ, позволяет актуализировать гражданский и социокультурный потенциал новых граждан, мотивировать и мобилизовывать новых граждан к конвенциональным формам общественного участия, формировать их образ будущего и способствовать адаптации в социально-политическое пространство РФ.

По мнению экспертов в нашем исследовании, в контексте современного развития России, и в особенности на новых территориях, актуализировался институт общественных организаций и движений, который проводит регулярную и эффективную работу преимущественно с молодежью: «общественные организации активно работают» (эксперт, ДНР; «у нас очень активная молодежь и много разных организаций общественных. Самая крупная – Молодая Республика» (эксперт, ДНР); «молодёжка Общероссийского Народного Фронта занимается через волонтёрские различные акции» (эксперт, Республика Крым); «у нас молодежь вовлечена во все, начиная от «Движения первых», «Молодая гвардия», различные общественные организации» (эксперт, ЛНР); «Существует Молодежный Парламент, «Лидеры России» активно привлекают ребят, строят кадровую политику… организация «Молодежь за мир», «Народный Фронт» (эксперт, ЛНР). Отмечена работа профсоюзных организаций: «Институт

[1] Эксперты обсудили тренды развития НКО в новых субъектах России // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора: официальный сайт. 2024. URL: https://grans.hse.ru/news/944849628.html (дата обращения: 20.10.2025).

профсоюзов, они работают с большим кругом людей» (эксперт, ЛНР). Было высказано и недоверие к некоммерческим общественным организациям, что указывает на внутренние опасения граждан: «те же самые НКОшки, они вторичны, к ним все равно есть определенная доля недоверия…они некоторое время назад вели двойную игру…хотя во время независимости с 2014 по 2020 год помогали активно обществу» (эксперт, ДНР).

В Крыму значимым институтом в процессе интеграции, адаптации и политической ресоциализации граждан также стали существующие в республике и по всей России национальные диаспоры, которые обеспечивают выстраивание эффективного межэтнического диалога, содействуют социокультурной интеграции, выступая при этом за сохранение культурной самобытности представителей этносов; в целях формирования гражданской идентичности и укрепления единства народов РФ национально-культурные автономии положительно влияют на ресоциализационный потенциал[1].

Исследователи практик интеграции новых территорий России отмечают также большой ресурсный потенциал института городов-побратимов в процессах интеграции и политической ресоциализации, отмечая их роль в активизации гражданского диалога и сотрудничества, развития в направлениях политико-социального, экономического, культурного межрегионального взаимодействия. Своевременный обмен опытом и знаниями между региональными сообществами происходит в рамках цифровизации, являющейся пространством выражения гражданских инициатив и площадкой для коммуникации между общественно-политическими движениями, этническими группами и в целом гражданами России. Соглашения между городами-побратимами направлены на укрепление сотрудничества в сфере расширения патриотического, культурно-исторического и социально-экономического развития, совершенствование систем образования и молодёжной политики, что способствует эффективному взаимодействию с молодежью и ее

[1] Галас М. Л. Проблемы политической и социальной адаптации крымчан к жизни в составе Российской Федерации // Власть. 2017. № 5. С. 108–116.

последовательному вовлечению в конструктивные формы гражданской активности[1].

Таким образом, развитие межрегионального сотрудничества, в основу которого легли ценности солидарности, взаимопомощи, гуманизма и гражданского участия, повлияло на «сглаживание» барьеров, возникающих в ходе социокультурной интеграции жителей новых субъектов и процесса ресоциализации. Консолидированность регионов и народов Российской Федерации основывается на аксиологическом аспекте, который служит механизмом выстраивания действенной культурной, социальной, экономической, образовательной политики в регионах. Историческая память, формирование благоприятной цифровой среды, интенсивность гражданских инициатив и выстраивание позитивного образа будущего обуславливают успешный процесс интеграции в пространство РФ и принципиально новый уровень сближения граждан страны, что необходимо в условиях укрепления общероссийской гражданской идентичности[2].

Таким образом, общественно-политические организации представляют собой политический, традиционный институт вторичной, горизонтальной, формальной, стихийной ресоциализации, который для всех поколенческих групп выполняет целый ряд функций: обеспечивает политическую стабильность, интегрируя новых граждан в существующие политические институты и процессы; формирует гражданскую субъектность; формирует понимание механики политических процессов в новой политической системе, таким образом, выполняет функцию формирования политического сознания новых граждан; в активной конвенциональной деятельности способствует адаптации к российской политической реальности, помогает освоиться в системе политических отношений и взаимодействовать с другими участниками политического процесса; выполняет мобилизационную функцию (новые

[1] Волкова А. В., Кулакова Т. А. Движение городов-побратимов в управлении региональной политикой: опыт новых территорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 581–600.

[2] Там же.

граждане, усваивая социально-политические нормы, ценности и навыки, становятся способными к активному участию в жизни общества и решению общих задач); способствует формированию у новых граждан системы мотивов, потребностей и ценностей, которые определяют их поведение в политической системе и направляют его социально-политическую активность.

СМИ как институт политической ресоциализации новых граждан России. Важную роль в системе политической ресоциализации в условиях современного развития российского общества играют средства массовой информации, являющиеся институтом формирования политического сознания граждан.

Эта роль определяемся тем, что СМИ не только формируют политическую повестку, но и предоставляют основу для конструирования позитивного или негативного восприятия политических лидеров, событий и явлений[1]. Традиционно считается, что телевидение оказывает большее воздействие на представителей старшего поколения, тогда как социальные сети формируют политические воззрения молодежи. В трансформационные периоды общественного развития наблюдается нестабильность и неустойчивость системы социально-политических ориентиров граждан, в особенности молодого поколения, которое оказывается наиболее восприимчивым к формированию радикальных взглядов. В данной связи институт информации обостряет процессы диверсификации, глобализации, культурного и этнического размежевания, а также активизирует дегуманизацию взглядов[2]. Таким образом, противоречивость политической повестки в СМИ образует барьеры и риски в контексте политической ресоциализации, в особенности молодежи.

В этом контексте важно отметить результаты исследования роли СМИ в процессах политической ресоциализации в постсоветской России[3]. Тогда большая часть респондентов отказалась признавать доминирующее значение СМИ в контексте политической ресоциализации; исследователи отмечали, что

---

[1] Немцева А. В., Гуляев И. И. СМИ и процесс… 2021.

[2] Там же.

[3] Шестопал Е. Б., Зверев А. Л., Селезнева А. В. Политическая социализация… 2008.

гармонизация процесса усвоения политических знаний и ценностей возможна при однородности информационной повестки, транслируемой институтами школы и СМИ, поскольку дифференцированность преподносимого материала способствует искажению политической картины мира и создает противоречия в процессе политической ресоциализации молодого поколения.

Информационный контекст политической ресоциализации в нынешней ситуации существенно отличается. Исследователи цифрового пространства новых регионов (ЛНР и ДНР) подчеркивают, что, согласно полученным результатам, в контенте информационного пространства этих регионов транслируются ценности семьи и безопасности; определено наличие травматичного опыта, который предопределяет психологические затруднения в процессе восприятия интеграционного периода и ресоциализации. Зафиксировано превалирующее значение демократических ценностей (равенство, права и свободы, суверенитет, гражданский мир и согласие); традиционные духовно-нравственные ценности также занимают значительную долю (патриотизм, семья, созидательный труд, гуманизм, милосердие, моральное здоровье и приоритет духовных принципов). Исследователи подчеркивают, что благоприятная информационная среда является основой для коммуникации жителей новых территорий и остальной части России, а также фундаментом социокультурного обмена и трансляции приоритетных ценностей российского общества. Эксперты подчеркивают, что выстраивание единой безопасной цифровой платформы, которая позволит погружать новых граждан в социально-политическое пространство страны, будет способствовать противостоянию с нарастающими угрозами информационной безопасности и обеспечит защиту от негативного эмоционально-психологического воздействия[1].

Некоторыми экспертами в нашем исследовании замечается снижение эффективности традиционных институтов в системе политической социализации и ресоциализации и отмечается актуализация практического

[1] Домбровская А.Ю. Технологии цифровых коммуникаций… 2023.

вовлечения молодежи в конструктивные формы гражданской активности, что сопровождается также значительным влиянием СМИ: «у нас сейчас 80 % молодежи задействовано во всех мероприятиях…только 20 % доверяют Интернету и СМИ. Остальные ребята доверяют тому, что они видят и слышат от своих родителей, одноклассников, наставников» (эксперт, ЛНР); «основными полюсами влияния на идентичность является образовательное пространство и сетевая культура…семья, ну, смотря какая семья…» (эксперт, Республика Крым) – демонстрируется интенсивность влияния сетевого пространства на политические взгляды молодежи.

Средства массовой информации, в представлениях ряда экспертов и респондентов, являются значимым институтом в контексте конструирования политических убеждений молодого поколения, в частности, региональные СМИ: «Если телевидение взять, у нас есть местные каналы, и новости региональные…программы, куда приглашают представителей общественности, ученых, деятелей культуры» (эксперт, ДНР); «Медиацентр имени Гаспринского, если мы говорим про Крым, они занимаются печатной продукцией…и публикуются в электронном варианте. СМИ… Для нас такими важными структурами являются Миллет, крымскотатарский канал, там есть и детские передачи…направлены на формирование общегражданской идентичности, всячески положительный опыт взаимодействия с Россией представлен» (эксперт, Севастополь) – экспертом подчеркивается положительная роль региональных СМИ в контексте сглаживания межконфессиональных отношений, связанных с представителями крымско-татарского и русского населения в Республике Крым.

В результате были описаны институты и агенты политической социализации, которые можно систематизировать по признаку «традиционные» (первичные, горизонтальные) и социально-политические (вторичные, вертикальные). К традиционным можно отнести систему ближайшего окружения индивида, непосредственно влияющего на политические ценности и установки личности: семья, друзья, сверстники. По мнению исследователей, семья по-прежнему является референтной группой и ключевым агентом политической

социализации и ресоциализации, однако кризис института семьи демонстрирует ресоциализационные процессы в самой ее структуре, что создает противоречия в процессе передачи ценностного и поведенческого опыта молодому поколению. Отмечается, что в период кардинальных политических изменений у индивида возникает необходимость в выстраивании тесных связей с первичными агентами, что компенсирует неустойчивость политических взглядов.

Таким образом, СМИ являются политическим традиционным институтом вторичной, вертикальной, формальной, стихийной ресоциализации, выполняющим функции информирования / дезинформации, а также функцию мобилизации к общественному или политическому участию.

Проведенный анализ системы институтов политической ресоциализации новых граждан современной России позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, процесс политической ресоциализации новых граждан России обладает сложной, многоуровневой институциональной структурой, где каждый институт занимает определенное место и выполняет специфические функции. Классификация институтов по ряду критериев – выполнению политических функций (политические/неполитические), встроенности в систему (традиционные/новые), характеру социального взаимодействия (первичные/вторичные), направленности воздействия (вертикальные/горизонтальные) и степени регулирования (формальные/неформальные, целенаправленные/стихийные) – демонстрирует комплексный и многогранный характер данного процесса.

Во-вторых, эмпирические данные подтверждают, что ключевыми институтами, формирующими институциональный каркас политической ресоциализации в новых субъектах РФ, выступают:

1. Семья, которая, будучи неполитическим, традиционным институтом первичной, горизонтальной, неформальной и стихийной ресоциализации, выполняет фундаментальные функции психологической поддержки, адаптации и трансляции ценностного опыта, оставаясь референтной группой в условиях трансформаций.

2. Государство, выступающее в качестве политического, традиционного института вторичной, вертикальной, формальной и целенаправленной ресоциализации. Через нормативно-правовое регулирование, формирование ценностно-идеологического ядра, ресурсное обеспечение и кадровые практики государство обеспечивает стабильность политической системы, социально-политическую адаптацию и регулирование политического поведения.

3. Система образования, являющаяся неполитическим, традиционным институтом вторичной, вертикальной, формальной и целенаправленной ресоциализации. Она выполняет критически важные функции формирования политической культуры, гражданской идентичности и субъектности, выступая ключевым механизмом реализации государственной образовательной политики в «заданном идеологическом векторе».

4. Общественно-политические организации и движения (включая НКО, волонтерские и молодежные движения), которые представляют собой политический, традиционный институт вторичной, горизонтальной, формальной и стихийной ресоциализации. Их роль заключается в интеграции новых граждан в политические процессы, формировании гражданской субъектности, мобилизации и предоставлении каналов для конвенционального участия.

5. Средства массовой информации, функционирующие как политический, традиционный институт вторичной, вертикальной, формальной и стихийной ресоциализации. СМИ не только формируют политическую повестку и образы политических лидеров, но и выполняют функции информирования (и дезинформации), а также мобилизации к общественно-политическому участию, при этом их влияние остается противоречивым.

В-третьих, эффективность политической ресоциализации новых граждан определяется синергетическим эффектом от сочетания вертикальных (целенаправленно регулируемых государством) и горизонтальных (основанных на равноправном субъект-субъектном взаимодействии) моделей воздействия. Эмпирические исследования демонстрируют превалирующее значение первичных, горизонтальных институтов, таких как семья и ближайшее

окружение, для формирования устойчивых политических представлений и компенсации состояния неустойчивости в периоды кардинальных трансформаций.

Таким образом, успешная политическая ресоциализация новых граждан России в условиях расширения политического пространства представляет собой результат сложного взаимодействия традиционных и новых, политических и неполитических, формальных и неформальных институтов, интегрированных в единую систему, нацеленную на формирование общероссийской гражданской идентичности и адаптацию к российской политической реальности.

3 МОДЕЛИ И БАРЬЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ГРАЖДАН РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РФ)

3.1 Модели политической ресоциализации новых граждан России

В контексте интеграции новых субъектов в политико-правовое поле Российской Федерации особую актуальность приобретает изучение процессов политической ресоциализации и адаптации их жителей, которые сопровождаются глубокой трансформацией ценностных ориентаций, когнитивных установок и эмоционально-психологического восприятия новой реальности. Анализ динамики формирования политической картины мира у новых граждан позволяет выявить не только модели и барьеры их интеграции, но и специфику перестройки идентификационных структур в условиях масштабирования общего социокультурного и ценностно-информационного пространства России.

Результаты ресоциализации жителей Крыма как региона, продемонстрировавшего опыт успешного воссоединения с РФ, нашли отражение в результатах опросов общественного мнения. Так, в 2015 году, согласно данным ФОМ, 84 % жителей Крыма и 78 % – Севастополя положительно высказались о промежуточном социально-экономическом состоянии в регионе в рамках реинтеграции, и более 60 % опрошенных отметили улучшение ситуации в регионе[1]. Данная ситуация иллюстрирует положительное восприятие перемен и социально-экономических условий в системе адаптации к российским реалиям.

По данным опроса ВЦИОМ, в 2016 году 94 % крымчан согласились с временными трудностями в перебоях с энергоснабжением, которые сопровождали бы их ввиду несогласия с подписанием контракта о поставках

[1] Большинство жителей Крыма довольны положением дел в регионе // РБК: официальный сайт. 2015. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5554476c9a794782b3182c54 (дата обращения: 20.10.2025).

электроэнергии с украинской стороны на их условиях[1]. В этой связи следует отметить рационализм жителей Крыма на этапе ресоциализации, их готовность к проблемам социально-экономического и энергетического характера, что подчеркивало ожидание населением позитивных перемен в будущем в составе Российской Федерации.

А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, А.Б. Понамарев в работе «Саморегуляция политической жизни крымской молодежи» раскрывают результаты проведенного эмпирического исследования, посвященного выявлению степени электоральной активности студенческой молодежи, а также критериев их политического выбора, мотивации и поведения на фоне их социально-политического, экономического, психологического восприятия событий в Крыму в 2014 году и процесса ресоциализации. По данным проведенного анкетного опроса, зафиксировано отсутствие существенных различий между восприятием событий в системе общероссийских и региональных взглядов молодого поколения. Однако следует отметить, что удовлетворенность положением дел в Республике Крым превалировала у молодежи полуострова по сравнению с респондентами из других регионов РФ (10,4 % / 4,8 %), что характеризует более оптимистичный взгляд крымчан на реинтеграцию, чем у молодежи остальной части России[2].

Изучение взглядов студенческой молодежи, согласно данным анкетных опросов, проведенных А.А. Ирхиным, Л.П. Нелиной, О.В. Ярмак[3], отразило средние показатели состояния гражданской идентичности крымской молодежи на фоне воссоединения с РФ. Гражданами РФ определяли себя 48,3 % респондентов, жителями Крыма – 40,3 %, жителями города или села – 20 %, представителями определенной религии – 10,6 %, людьми своей национальности

---

[1] Крым: проблема поставок электроэнергии и пути решения // ВЦИОМ: официальный сайт. 2016. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krym-problema-postavok-elektroenergii-i-puti-resheniya (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Дятлов А. В., Ковалев В. В., Понамарев А. Б. Саморегуляция политической жизни крымской молодежи // Вестник ЮРГТУ 2020. № 5. С. 53–64.

[3] Нелина Л. П., Ярмак О. В., Ирхин А. А. Исторический компонент государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи республики Крым и Севастополя // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72), №1. С. 116–127.

– 9,7 %. По предположениям О.В. Кульбачевской[1], результаты исследования которой продемонстрировали более высокий процент признания общероссийской идентичности (67 %) и двойной (российской и региональной) идентичности (20 %). Подобные выводы могут объясняться разной степенью включенности молодого населения в социально-политические практики, что требует внимания и проработки в контексте формирования их активной гражданской позиции и политической субъектности как результата процесса ресоциализации.

Содержательный анализ результатов ресоциализационных процессов невозможен без особого внимания к новым субъектам РФ, жители которых в настоящий момент проходят этап адаптации к новым реалиям и стадию ценностной, когнитивной, эмоционально-психологической перестройки, в результате чего внимание научного сообщества и государства сосредоточено на изучении трансформации взглядов, представлений и жизненных ориентиров новых граждан, в частности, их политической картины мира и осознания себя в качестве субъекта социально-политических отношений.

Согласно результатам исследования А.Ю. Домбровской и В.А. Лукушина, содержательный анализ информационного контента в социальных медиа ЛНР и ДНР продемонстрировал небольшие, но весьма значимые расхождения в карте ценностных ориентиров российского общества и регионального сообщества на фоне воссоединения республик с РФ. Так, особенности формирования региональной идентичности в новых субъектах содержат преобладание фундаментальных ценностей (безопасность, достаток, комфорт), что обусловлено посттравматическим опытом новых граждан и стремлением к созданию условий для обеспечения личной безопасности; приоритет ценности личной жизни и индивидуализма в сопоставлении с национальными идеями и общественными интересами; неполноту признания ценности сохранения статуса мировой державы; критическое восприятие актуального этапа развития регионов

[1] Кульбачевская О. В. Этносоциальная ситуация… 2019.

сквозь призму социально-экономических и бытовых проблем. Данные выводы могут послужить основой для дальнейшего глубинного изучения ресоциализационных процессов в новых регионах, а также опорным материалом для деятельности органов власти, включенных в обеспечение условий для успешной интеграции новых граждан РФ и формирование единого ценностно-информационного пространства[1].

В условиях масштабирования пространства РФ и установления диалога между регионами все больший интерес обретает выявление и отслеживание динамики оценки взаимного восприятия населения Донбасса и жителей других субъектов России. В этой связи в 2015 году на фоне событий в Крыму Социологический центр «Особый статус» проводил опрос с выборкой 5900 респондентов, где 40 % жителей ДНР высказали желание войти в состав Российской Федерации, а 18 % отметили потребность в создании союзного государства в лице РФ и ДНР, 17 % выступили за независимость и лишь 11 % – за возврат в состав Украины[2]. По данным исследования за 2018 год, проведенного в Донецке, 89,1 % опрошенных хотели стать гражданами РФ и получить документ о гражданстве[3]. Согласно украинскому порталу «Зеркало недели», в 2019 году 64,3 % жителей ДНР и ЛНР также желали воссоединения с Россией, а 18,5 – с Украиной[4]. Данные показатели подтвердились результатами опроса, проведенного в 2020 году западными исследователями, где интеграцию в РФ отмечало в большей мере молодое население Донбасса и этнические русские[5]. В

[1] Домбровская А. Ю., Лукушин В. А. Цифровой контент… 2023.

[2] Более 40 % жителей ДНР высказались за присоединение к России – соцопрос // Донецкое агентство новостей: официальный сайт. URL: http://dan-news.info/obschestvo/bolee-40- zhitelej-dnr-vyskazalis-za-prisoedinenie-k-rossii-socopros.html (дата обращения: 20.10.2025).

[3] Опрос: сколько жителей ДНР хотят получить гражданство России // Русская весна: сетевое издание: официальный сайт. URL: http://rusvesna.su/news/1547791128 (дата обращения: 20.10.2025).

[4] Мардан С. Результаты опроса жителей Донбасса повергли Киев в шок // РИА-Новости: официальный сайт. URL: https://ria.ru/20191112/1560806939.html (дата обращения: 20.10.2025).

[5] O'Loughlin J., Sasse G., Toal G., Bakke K. M. A New Survey of the Ukraine-Russia Conflict Finds Deeply Divided Views in the Contested Donbas Region. Many in the Breakaway Territory See a Future with Russia // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/

2022 году ВЦИОМ проводил телефонный опрос, в результате чего были опрошены 1600 человек. Выяснилось, что 73 % поддерживают признание независимости двух республик и меньшинство – 16 % – не поддерживают принятое Президентом РФ В. В. Путиным решение[1]. В результате все представленные как зарубежными, так и отечественными исследовательскими центрами данные отражают позитивное восприятие гражданами РФ воссоединения с ДНР и ЛНР, основываясь на принципе единства народов РФ и стремлении к консолидации в условиях нарастающих вызовов и угроз, что подчеркивает успешность процесса ресоциализации новых граждан РФ.

На основании анализа транскриптов глубинных интервью определены три основные траектории изменения политической картины мира новых граждан России: возвращение в свою страну (моя страна – СССР/ Россия), принятие новой страны (моя страна – Украина/ Россия), политическая адаптация (моя страна СССР/Россия осталась прежней), две из которых отражают изменения ядра политической картины мира – представлений о своей стране, то есть описывают происходившие и / или происходящие процессы политической ресоциализации; а последняя является примером адаптации политической картины мира в разных политических системах, не затрагивающей ядро политической картины мира. Основные параметры описанных траекторий отражены в таблице 1.

---

politics/2021/02/12/new-survey-ukraine-russia-conflict-finds-deeply-divided-views-contested-donbasregion/ (дата обращения: 20.10.2025).

[1] Признание Донбасса: данные первого опроса // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/priznanie-donbassa-dannye-pervogo-oprosa (дата обращения: 20.10.2025).

Таблица 1. Траектории политической ресоциализации новых граждан России

Критерий	Цикличная ресоциализация	Линейная ресоциализация	Политическая адаптация (без ресоциализации)
Ключевая характеристика	Возвращение к ценностям первичной социализации (СССР)	Принятие новой страны (России) как своей	Устойчивость ядра политической картины мира (Россия/СССР как ценностная преемница)
Поколение (пример)	Рождённые в 1960–70-х гг.	Рождённые в 1980–90-х гг.	Разные поколения (как 1960–70-х, так и 1980–90-х гг.)
«Своя страна» в детстве	СССР	Украина	СССР / Россия (как его преемница)
Ключевое событие-катализатор	Распад СССР (1991) – «Оранжевая революция» (2004) – 2014 – СВО (2022)	События 2014 года (Евромайдан, начало конфликта)	Распад СССР (1991) как незаконный акт, не изменивший их идентичности
Стабильность ядра политической картины мира	Высокая (возврат к исходным установкам)	Неустойчивая, в процессе трансформации	Очень высокая (ядро не претерпело изменений)
Эмоциональный контекст смены гражданства	«Долгожданное возвращение домой», радость	Противоречивый: от облегчения до сожаления и растерянности	Позитивный, но как формальность, юридическое закрепление существующей идентичности

Траекторию цикличной политической ресоциализации (возвращение в *свою* страну) демонстрируют информанты, период первичной социализации которых приходился на последние десятилетия существования советской политической системы (1960-е – 1980-е гг.): «Родилась я, и молодость моя прошла в Советском Союзе, а потом у нас родилась независимая Украина» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Первичная политическая социализация представителей этого поколения проходила в «счастливом советском детстве», в семье, в которой оба работающих родителя являются несомненными авторитетами для детей, с активным участием старшего поколения бабушек и дедушек: «Главным авторитетом в семье был дед, он не состоял в партии, но его слово и его правила в семье были законом… Он никогда нам, внукам, не рассказывал о войне, хотя мы очень просили… Говорил: я прошел всю войну, вернулся раненый с осколком в легком, и я это сделал для того, чтобы вы не знали, что такое война… его ценности были – порядок в семье, не нарушать заповеди и не нарушать законы… а когда говорили (в анекдотах, например) «хохол», «кацап» –- он всегда злился и говорил, что есть нормальные слова «украинец», «русский»…» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Советская школа заложила базовые представления о политической системе: «Школа была советская, поэтому о политике в ней говорили и на истории, и на английском языке… были политинформации – такие пятиминутки о важных политических событиях» (женщина, 1967 г.р., Антрацит, ЛНР); «В школе политика была неотъемлемой частью, я, наверное, и сейчас помню всех генеральных секретарей» (женщина, 1972 г.р., Донецк) – и формировала устойчивые представления об истории страны и ее ценностях: «Мы с 5 класса ездили по всему Союзу: Ярославль, Москва, Ленинград, Рига, Севастополь как награда за наши достижения, по всей большой нашей стране ездили» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Представители этого поколения были активными участниками советских детских и юношеских общественно-политических организаций (октябрята, пионеры, комсомольцы) и, как правило, демонстрировали активную субъектную общественную позицию в юности (председатель пионерской организации, комсорг, староста): «Конечно, в моем детстве были октябрята, пионеры, комсомольцы. Я была председателем пионерской и комсомольской организации в школе» (женщина, 1967 г.р., Антрацит, ЛНР).

Своей страной (Родиной) в детстве представители этого поколения считают Советский Союз: «Родилась я в РСФСР, в Пермском крае, своей Родиной

считаю СССР, все 15 республик» (женщина, 1972 г.р., Донецк), а свою жизненную траекторию большинство из них описывает как возвращение в СССР, на основе одной из главных для этих людей ценности – интернационализма, равенства, уважения культуры каждого народа: «У нас в школе национальный вопрос не стоял. Я не знала этого, я была комсоргом, мы сдавали статистические данные, где указывали национальность, но это было на бумаге, и я только оттуда узнала, что в нашем классе 42 ученика тринадцати национальностей» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Ключевым политическим событием, повлекшим за собой изменения в политической картине мира, представители этого поколения считают 1991 год – распад СССР, который информанты по-разному в тот момент рефлексировали, но во взрослом возрасте однозначно оценивают негативно: «Я хорошо помню этот момент, это было одно из моих первых голосований. Я была в числе тех, кто голосовал против распада СССР… Они таким острым лезвием резали по живому, когда одна семья, одно государство вдруг стали разными, по разные стороны границы» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Политическая адаптация (а для некоторых – политическая ресоциализация) в новой политической системе, политической системе Украины, для информантов происходила практически безболезненно до начала 2000-х, однако политические события после оранжевой революции 2004 года значительно повлияли на изменения политической картины мира информантов: «У нас в семье мама – украинка, папа – донской казак, а я теперь замужем за болгарином, что делать дочери, у которой в крови как минимум три национальности? Поэтому мы встали на сторону русской волны, против национализма. А когда начались военные действия Украины против нас, помогали тем, кто был на передовой» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Представители этого поколения не планировали смену гражданства в юношеском возрасте. В зависимости от региона проживания они изменили гражданство в 2014 (получив паспорт ДНР или ЛНР) или позже: «Мы думали, что это все далеко и нас не особо касается, пока все было в Киеве… Но потом

розовые очки были сняты» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР). Решение о смене гражданства для всех участников исследования было обдуманным и добровольным.

Эмоциональный контекст смены гражданства характеризуется позитивными эмоциями, участники исследования характеризуют эту траекторию как «долгожданное возвращение домой»: «Изменение гражданства в 2019 году было фактом, закрепившим выбор, который сделали гораздо раньше. А все несогласные с этим выбором уехали в Украину или Европу сразу в 2014» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

В зависимости от места проживания (западная или центральная часть Украины) других членов семьи участники исследования отмечают наличие конфликта в семье после начала СВО: «Есть родственники и были друзья в Харькове и в других городах, западнее… Когда Украина начала против нас АТО – звонили, писали нам, жалели нас. А когда Россия стала нас защищать и досталось Харькову и Сумам, почему-то мы стали предателями» (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Нынешняя политическая картина мира представителей этого поколения содержит достаточно системные знания о политике, политической системе России, высокий уровнень доверия к самой системе и ключевым политическим фигурам, ценностными доминантами являются мир, патриотизм, развитие и стабильность, демонстрируется ярко выраженная субъектная позиция: «Сейчас без политики, без своего взгляда и своего участия никак нельзя, просто невозможно» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Своей страной в настоящее время представители этого поколения считают Россию (как реинкарнацию СССР): «в реку два раза не войти и Советский Союз больше не наступит, конечно… но теперь есть уверенность в защищенности, которая была тогда в СССР и будет теперь в России» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР). Пространственный аспект восприятия своей страны можно описать как «закономерное собирание ранее незаконно уничтоженной страны».

Таким образом, на протяжении жизненной траектории этого поколения выявлены как минимум три этапа существенных изменений политической картины мира, касающихся содержания идентитарного ядра (представлений о Родине, власти, государстве): постсоветский (после 1991 года): «Гласность и перестройка нас всех шокировала» (женщина, 1972 г.р., Донецк), этап «оранжевых» трансформаций (2010-е гг.), современный (в зависимости от региона проживания – 2014, 2022): «Я ухитрилась быть гражданином четырех государств, не сходя с места. Я счастлива, что теперь я в России» (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Эту траекторию трансформации политической картины мира мы определяем как цикличную политическую ресоциализацию, в результате которой происходило неоднократное изменение представлений о своей стране, власти и государстве, в процессе которого нынешняя конструкция ядра политической картины мира устойчива, характеризуется возвращением к представлениям о своей стране, власти и государстве, сформированным на первичном этапе политической социализации с рефлексией актуального политического контекста.

Траекторию линейной политической ресоциализации (принятие *другой* страны как *своей*) демонстрируют информанты, первичная политическая социализация которых пришлась на 1990-е гг. Свое детство информанты описывают как «сложное», «счастливое, но непростое», отмечая прежде всего экономические трудности, которые пришлось преодолевать их родителям для того, чтобы обеспечить достойный уровень жизни своим детям: «Родители всегда очень много работали, чтобы у нас что-то было, чтобы нас выучить… У меня какие-то нехорошие воспоминания о 1990-х, я не видела в стране ничего перспективного…» (женщина, 1986 г.р., Мариуполь); «Это был не самый легкий период для государства и для нашей семьи, я помню моменты, когда не хватало денег в семье на продукты, детям на игрушки» (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Родительскую семью информанты описывают как традиционную, в которой родители пользуются несомненным авторитетом, а в воспитании детей

активную роль играли бабушки и дедушки (за редким исключением), которые культивировали в семье ценности труда, интернационализма, уважения к своей родине и к культурам других национальностей, миру и справедливости: «Детство было самое лучшее, родители дали мне все, что могли дать своему ребенку: любовь, теплоту, заботу… были и остаются большим авторитетом, друзьями и примерами в жизни… Прабабушка говорила мне: «внучечка, главное – чтобы не было войны!», а я думала – ну какая война в моей стране, откуда? А вот как все обернулось! Теперь мы своим детям желаем того же – чтобы не было войны» (женщина, 1995 г.р., Луганск).

В отличие от описанной выше модели политической ресоциализации для информантов, рожденных в 1990-х, школа не воспринимается как институт, осуществляющий функции целенаправленной политической социализации: «Мое детство прошло в условиях распада того, что было создано ранее, в период какой-то пустоты, когда старое уже было разрушено, а новое не было создано» (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Информанты отмечают отсутствие детских или юношеских общественно-политических организаций, их место в системе политической социализации занимают политически нейтральные общественные активности, инициированные системой образования: «Политических организаций в школе не было, мы состояли в школьной организации «Дети будущего», мы там пели, танцевали, сценки разыгрывали» (женщина, 1995 г.р., Луганск). Активный политический дебют у представителей этого поколения состоялся в юношеском, студенческом возрасте либо по политическим (выступали в поддержку партий и кандидатов, которые отстаивали интересы жителей Восточной Украины), либо по прагматическим (возможность заработать в избирательных кампаниях) соображениям: «Мне хотелось новый телефон, мне было 18 лет. Из этих побуждений я согласилась – раздавала листовки, так многие зарабатывали. Было весело. Жили в палатке, как приключение было» (женщина, 1995 г.р., Луганск); «Я была активно вовлечена в мероприятия по развитию гражданского общества в Украине, много ездила по регионам, на конференции. Но к 2013 году стала

понимать, к чему ведет это обучение, и перестала в этом участвовать» (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Информанты этого поколения новых граждан России в детстве своей страной (Родиной) считали Украину: «Своей страной в детстве считала Украину, точнее – Крым, он ведь был автономной республикой при Украине. Я до сих пор люблю украинский язык, для меня это язык милозвучный, на нем говорят мои бабушка и дедушка, на нем прошло все мое детство» (женщина, 1992 г.р., Крым); «В детстве я жила в Украине, ее считала своей страной, но ближе – мой поселок, Луганская область – это моя Родина. Когда все началось (в 2014) было страшно и хотелось убежать куда-то. Но тут у меня все: родители, бабушки, дедушки, тети, дяди, родители мужа, дом, любимая работа… не смогла бросить и уехать» (женщина, 1995 г.р., Луганск).

Присутствует рефлексия, разделение в ядре политической картины мира «страны» и «политиков, которые ее разрушили»: «Есть чувство горечи о том, что случилось с украинским государством, в котором прошло мое детство и юность. Мне казалось, что оно должно вместе со мной расти и цвести, а не случилось. Печально наблюдать за тем, что происходит, но у меня нет отрицательного отношения к Украине, есть отрицательное отношение к ее политикам, которые довели страну до такого состояния» (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Часть из них рассматривали и даже активно готовились к смене гражданства и выезду из страны в Европу: «Я поступила на факультет филологии, знала английский, болгарский, четко готовила себя к тому, что уеду в Европу, как многие мои ровесники…хотела поменять страну… но потом во взрослом возрасте все устаканилось, полюбила человека, вышла замуж, родился ребенок, от политики как-то отстранилась. Просто знали, что в Киеве что-то происходит, но думали, что наш Президент Янукович со всем справится, у него армия, силовые структуры… но потом все пошло не так» (женщина, 1986 г.р., Мариуполь).

События первого десятилетия 2000-х информанты считают поворотной точкой в изменении политической картины мира. Например, уход Януковича

считают своего рода предательством, после которого доверие к власти (ядро политической картины мира) было разрушено: «Но перевернуло наше мировоззрение полностью, когда он (Янукович) ушел из власти резко и вообще покинул страну, а потом – 9 Мая в Мариуполе, когда расстреляли нашу мирную демонстрацию, это повергло всех в шок, и тогда мы задумались о смене страны… мы понимали, что если мы сейчас не встанем, не подымемся, то произойдет что-то страшное, так и случилось» (женщина, 1986 г.р., Мариуполь).

Ключевыми событиями, которые спровоцировали значимые изменения в уже сформированной политической картине мира, большинство информантов этого поколения новых граждан считают события 2014 года, которые в той или иной степени коснулись каждого из них: «Мы уехали, когда первые бомбы упали в Мариуполе, когда мы поняли, что наша страна (Украина) решила нас убить. Как можно оставаться в стране, в которой твоя армия, твои солдаты, которые вроде тебя должны защищать – убивают тебя и твоих близких? За то, что ты говоришь на своем родном языке и помнишь историю и подвиги своих предков? Когда Крым забрали без единого выстрела, мы так радовались и ждали, что нас тоже вот так заберут, раз мы Украине не нужны…» (женщина, 1986 г.р., Мариуполь); «Я сидела в подвале и молилась, папа с мужем были на работе, а над головой летели ракеты, грады и было очень страшно. Это было 8 августа, а 10 у меня день рождения… я рыдала и думала, что не доживу, и не понимала, в чем же мы виноваты, почему они решили нас убить?» (женщина, 1995 г.р., Луганск).

В зависимости от региона проживания представители этой траектории изменили гражданство в 2014 (Крым) или в 2022 (Херсон, Запорожская область). Решение о смене гражданства для всех участников исследования было обдуманным и добровольным, вместе с тем во многом прагматичным: «Мы решили присоединиться к России, чтобы появился свет в конце туннеля…чтобы были полностью защищены… Своя страна должна давать защиту» (женщина, 1995 г.р., Луганск); «Я осталась здесь, на этой стороне, не только физически (на этой территории), но и в плане своего сознания. Я выбрала для себя эти ценности, эти ориентиры» (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР); «решение сменить

гражданство было принято в 2014 году, когда украинская власть решила нас обтянуть колючей проволокой и сказала, что мы никчемные алкоголики, а дети наши должны сидеть в подвалах» (женщина, 1989 г.р., ЛНР).

Эмоциональный контекст смены гражданства для представителей этого поколения описывается довольно противоречивой палитрой чувств: от сожаления об утрате Родины, которая не оправдала надежд, до облегчения и радости. Такая же противоречивая картина рефлексии собственной жизненной траектории: от «возвращения в СССР» (о котором знают по рассказам родителей), «вступления в Россию» до «уехали из страны, в которой нет будущего для наших детей» и состояния, которое говорит об активной фазе ресоциализации: «растерянность от того, что не знаешь, куда двигаться дальше, на что ориентироваться, потому что нет безопасного расстояния, нет ощущения, что все хорошо» (женщина, 1986 г.р., Мариуполь).

Практически все информанты, представляющие это поколение, отмечают ситуацию ценностного разлома внутри семьи, связанного с полярными оценками и восприятием ситуации СВО и присоединения новых территорий к РФ, а также принятием ими российского гражданства: «До этого (СВО) в нашей семье разногласий не было, у меня есть родственники и на Западной Украине, и в Харькове. Но после 2022 года они нас стали винить в том, что случилось» (женщина, 1995 г.р., Луганск); «Российский паспорт я смогла получить только в 2019 году, потому что мой бывший муж был против и не давал доверенности на ребенка, без которой это сделать было невозможно и для меня, и для сына» (женщина, 1989 г.р., ЛНР).

Нынешняя политическая картина мира представителей этого поколения весьма противоречива: часть информантов имеют системные знания о политике, политической системе России и высокий уровень доверия к самой системе и ключевым политическим фигурам, вместе с тем другая часть демонстрирует весьма фрагментарные представления о политике, политической системе России, отсутствие доверия к системе власти и отсутствие какой-либо субъектной гражданской позиции.

Ценностные доминанты политической картины мира представителей этого поколения – свобода, демократия, права человека, материальный достаток и справедливость.

Своей страной в настоящее время представители этого поколения считают Россию, как правило, подчеркивая собственную региональную идентичность (Крым, например): «У нас, у крымчан, нет такого представления, что мы чьи-то вообще. Мы сами – автономная республика. Были раньше под Украиной, а теперь – мы с Россией. Но мы как жили, так и продолжаем жить, только в другом государстве. А Родина и своя страна для меня – Крым» (женщина, 1992 г.р., Крым).

Если в предыдущей модели пространственное восприятие своей страны характеризуется как «собирание ранее разломанного государства», то представители этого поколения, наоборот, говорят о «разломе Украины». В любом случае, во всех моделях происходит пространственное переконструирование представлений о своей стране (ядра политической картины мира).

Таким образом, на протяжении пока непродолжительной жизненной траектории этого поколения ключевым политическим событием, ставшим катализатором процессов политической ресоциализации, стали события 2014 года, связанные с ущемлением прав русскоязычного населения регионов Восточной Украины и началом СВО. Для части информантов этого поколения процесс политической ресоциализации еще не завершен: «Я считаю, что человек, который умеет изменить свою позицию, – это мудрый, грамотный человек, потому что, если ты не меняешься, когда все вокруг меняется…» (женщина, 1989 г.р., Луганск).

Эту траекторию трансформации политической картины мира мы определяем как линейную политическую ресоциализацию, в результате которой произошло значимое изменение представлений о своей стране, власти и государстве, а сложившуюся нынешнюю конструкцию ядра политической картины мира можно охарактеризовать как неустойчивую, характеризующуюся

кардинальной трансформацией представлений о своей стране, власти и государстве, сформированных на первичном этапе политической социализации с рефлексией актуального политического контекста.

Траекторию политической адаптации без политической ресоциализации демонстрируют информанты, представляющие разные поколения, – как старшее (1960–1970-х гг. рождения), так и более молодое поколение (1980–1990-х гг. рождения), и в этой связи интересно определить факторы, обусловившие устойчивость политической картины мира.

Сформированные в период первичной политической социализации представления о своей стране (СССР или России как его ценностной преемнице) не изменились, а происходившие политические трансформации они описывают как: «С развалом Советского Союза у меня не было ни секунды моей жизни, в которой я бы отсек свою историю и принял то, что с этого момента Украина – наше ВСЕ… В 1991 году нас совершенно мошенническим способом поставили перед фактом о том, что мы теперь жители и граждане другой страны, а мы гражданства своего не меняли… В Украине тех, кто перешел после начала СВО на сторону Российской Федерации, стали называть предателями Украины… Да я не мог ее предать никаким техническим способом, поскольку я ее не принимал. Моя страна осталась там, в 1991 году, а ее преемницей стала Россия» (мужчина, 1970 г.р., Херсон), и «мы все эти годы жили на территории не нашего государства, но имели, по странности, его паспорт» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

Участники исследования с сожалением описывают события, связанные с распадом СССР, которые потребовали впоследствии от них больших усилий для того, чтобы сохранить без критических изменений свои политические представления: «Когда в 1991 году мы полунасильственным путем были переданы Украине, у меня было ощущение, что что-то пошло не так. Но я не мог тогда понять, что и насколько. То есть я понимал, что мы чего-то серьезного лишились, хотя еще по инерции у нас оставались прозрачные границы внутри бывшего Советского Союза. Но при этом мы уже ощущали, как подняли головы националисты всех мастей … Было ощущение какой-то пустоты, потери… когда

ты стараешься не думать, не чувствовать, потому что, если анализировать, понимаешь, что перспективы никакой нет» (мужчина, 1970 г.р., Херсон).

Информанты описывают свое детство как счастливое, заложившее основные человеческие и политические ценности на всю оставшуюся жизнь: «Детство любого советского ребенка было счастливым… Если это была нормальная советская семья, то у нас было счастливое детство. Мы знали друг друга, мы жили какой-то многонациональной семьей… не было поводов для социального расслоения, каких-то конфликтов на этой почве…и самое главное – детство было построено на прямом общении между старшим и младшим поколением, мы крутились вокруг своих родителей, нам было все интересно… если родители брали тебя на работу, это был праздник, побыть у мамы на почте или посмотреть, как отец работает за токарным станком… Так формировались ценности, в ближнем окружении… В моем детстве было четко понятно, что, выходя на улицу, надо уважать своих товарищей, нельзя грубить, обижать, потому что просто дадут в морду, так мы учились взвешивать свои слова и отвечать за свои поступки…» (мужчина, 1970 г.р., Херсон), и «Детство наше было абсолютно связано с политическим строем нашей страны и с общественным строем нашей страны» (мужчина, 1970 г.р., Херсон).

Родители и другие старшие члены семьи были в детстве авторитетом: «Мой отец – это человек, который дал мне своей жизнью, своим образом мышления тот стержень, который есть во мне сейчас» (мужчина, 1970 г.р., Херсон), и именно они были значимыми агентами формирования таких представлений о своей стране (даже у поколения, которое Советский Союз не застало): «большое влияние оказали бабушки и дедушки, которые рассказывали и очень сильно погружали в эпоху Советского Союза, где никогда не выделяли какие-то республики как хорошие или плохие и не выделяли какой-то язык как хороший или плохой… Мы разные – и в этом наша сила, вот о чем они нам рассказывали… Конечно, это кардинально отличалось от ценностей, которые стали потом транслироваться украинскими властями…» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

У информантов, которые демонстрируют эту траекторию политической адаптации вне зависимости от возраста, был важный опыт передачи ценностей и традиций предыдущих поколений в школьном возрасте: «Мы делали много интересных проектов в городе… Мы помогали ветеранам, в то время были живы еще много ветеранов, за каждым классом был закреплен ветеран. И герои наши – шахтеры, поэтому мы тоже помогали им и чествовали ветеранов шахтерского дела. Мальчишки косили траву, готовили дрова на зиму, топили печи. Девчонки помогали с уборкой в комнатах, готовили еду» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

Важным объединяющим фактором все информанты отмечают принадлежность к единому социокультурному, языковому пространству: «Мы взаимосвязаны, у нас был общий русский язык. Никого не плющило и не корежило от того, что мы говорим на этом языке, как плющит и корежит некоторых сейчас в Украине… А ведь самое забавное, что даже те самые радикальные украинские националисты, приходя домой, переходят на русский язык…» (мужчина, 1970 г.р., Херсон). Информанты рефлексируют попытки политической социализации молодежи в рамках постсоветской Украины: «После 2005 года оранжевая революция стала заходить в школы. Как я уже сейчас понимаю, много чего пытались внедрить в школах, меняя учебные планы, увеличивая количество часов украинского языка, хотя у нас вообще русскоговорящий город и практически никто на украинском не говорит, это и стало причиной событий, которые впоследствии произошли…Эта украинизация «через колено» происходила…» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

Информанты, демонстрирующие эту траекторию политической адаптации, демонстрируют активную и сознательную поведенческую модель в юношеском возрасте: «Я помню, к нам приходили в вуз представители всех политических сил: и голубых Януковича, и оранжевых. И те, и другие предлагали студентам апельсины, деньги, плюшки разные, просто чтобы мы вышли на митинги и постояли. Для нас это было смешно и дико, никто не соглашался. Но потом мне многие рассказывали, что для студентов это была просто форма заработка» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

Неудачные попытки политической социализации в политической системе Украины информанты связывают с значимыми ценностными несовпадениями: «Я помню, на первом курсе на истории в 2005/2006 учебном году мы изучали на украинском языке книгу Кучмы «Украина не Россия». Она тогда очень активно пропагандировалась среди молодежи, там была идея о том, что украинцы уникальны, имеют какие-то особые качества, и поэтому никак не являемся частью России. Дичь какая-то, в нашей среде это именно так воспринималось…» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

Среди факторов, которые обусловили устойчивость политической картины мира к попыткам ее изменить в политической системе Украины, информанты относят: авторитетное влияние семьи (нескольких старших поколений), которое проявлялось в том числе в том, что в семье обсуждались темы, связанные с политикой; сформированная еще в детстве активная субъектная позиция в общественно-политической жизни, лидерская включенность в общественные проекты в детстве и юношеском возрасте; влияние значимых институтов политической (служба в Советской Армии) и профессиональной (журналистская деятельность; педагогическая деятельность) социализации.

Эти факторы сформировали устойчивую политическую картину мира и послужили препятствием для всех попыток украинской политической системы трансформировать сознание молодых граждан, сформировали способность к критическому восприятию происходящих политических событий: «Я слышал, что зависть – чувство раба. Рабом я никогда не был и не буду, но именно это чувство я испытывал, глядя на то, в какую пропасть скатываемся мы в Украине, а точнее – нас скатывает руководство страны, которое ведет страну на погибель…При этом я наблюдал, что происходит в России, и понимал, что такого в России никогда не будет, потому что ни страна, ни ее лидер не позволят скатиться в рабство… Вот этому завидовал» (мужчина, 1970 г.р., Херсон); «С российским гражданством у меня связаны такие чувства как радость и гордость от того, что – гражданин большой, великой, сильной страны с глубокими

историческими корнями, которая ведет боевые действия, но за свою территорию, за своих людей» (мужчина, 1970 г.р., Херсон).

Несмотря на разные поведенческие установки информантов во взрослом возрасте (политический деятель и нейтральный наблюдатель происходящих политических событий), когнитивные аспекты политической картины мира информантов можно охарактеризовать как глубокие и системные знания о политике, аффективные аспекты характеризуются высоким уровнем доверия к политическим институтам и политическим лидерам, признанием значимой роли как простых граждан, так и политических лидеров в политике, а ценностный спектр сконцентрирован на традиционных ценностях.

Смену гражданства (принятие российского гражданства) информанты оценивают эмоционально позитивно, но скорее, как формальность, которая закрепила юридически их представления о том, что они (вслед за старшим поколением их близких) являются «гражданами большой великой страны».

Эту траекторию изменения политической картины мира мы определяем как политическую адаптацию, в результате которой значимых изменений представлений о своей стране, власти и государстве не происходило, нынешняя конструкция ядра политической картины мира в настоящий момент устойчива, кардинальных трансформаций представлений о своей стране, власти и государстве, сформированных на первичном этапе политической социализации, не происходило, а поведенческие установки характеризуются рефлексией актуального политического контекста и субъектной политической позицией.

Субъективное пространство политики, то, что «происходит в головах у людей», является важной частью реальной политики. В настоящее время происходят важные трансформации этого пространства (и субъективного, и реального), понимание которых крайне необходимо, чтобы процесс трансформации и институциализации был относительно управляемым.

В рамках нашего исследования когорты взрослых выявлены три наблюдаемые сегодня траектории трансформации политической картины мира, две их которых – цикличная и линейная ресоциализация – отражают

существенные изменения в политических представлениях и установках относительно политической системы; а одна является примером трансформации представлений, не затрагивающих идентитарное ядро политической картины мира. Следует отметить, что описанные траектории только в основных контурах и не исчерпывающе определяют направления трансформации политической картины мира людей, которые волею судьбы оказались в разломах политического и социокультурного пространства. В поле российских исследователей попали только те информанты, которые пожелали участвовать в исследовании (соответственно, не попали информанты – носители неконвенциональных относительно России проукраинских установок). Продолжение исследований в этом направлении позволит более детально описать их спектр и дифференциацию.

Вместе с тем проблематика политической ресоциализации и политической адаптации граждан касается не только взрослых и старшей молодежи новых территорий России, а выходит за пределы присоединенных территорий, поскольку развернувшиеся после 2014 (а в особенности – после 2022 года) события, в которые вовлечены многие российские семьи, являются значимым (зачастую травматичным) фактором, влияющим на изменения установок относительно политической системы во взрослом возрасте.

Исследование демонстрирует, что процесс политической ресоциализации в новых субъектах РФ является разнонаправленным и неоднородным. Если для одной части новых граждан он представляет собой возврат к исходной идентичности, а для другой – лишь юридическое оформление давней принадлежности, то для третьей – это сложный, зачастую незавершённый и травматичный процесс ломки прежних представлений.

Успешность и глубина интеграции новых территорий в правовое и ценностное поле России будут напрямую зависеть от учёта выявленных моделей. Это требует дифференцированного подхода как в государственной политике (например, в программах адаптации и образовательных инициативах), так и в дальнейших научных изысканиях, которые должны быть продолжены для более

детального изучения спектра политических идентичностей и факторов, влияющих на их трансформацию.

3.2 Барьеры политической ресоциализации новых граждан России и перспективы их преодоления

Для определения основных барьеров на пути политической ресоциализации новых граждан России был проведен анализ вторичных данных, отражающих опыт осмысления процессов социокультурной и политической интеграции новых субъектов РФ, а также систематизированы результаты экспертного опроса, проведенного в рамках выполнения государственного задания, в котором автор участвовала как один из исполнителей.

Следует отметить, что в первую очередь осмыслен опыт реинтеграции Республики Крым в российское политическое пространство. Учеными исследованы трудности и барьеры, возникавшие в процессе политической ресоциализации крымской молодежи – социально-демографической когорты, которая оказалась наиболее подвержена деструктивному влиянию информационной среды и, как следствие, восприимчивости к формированию антироссийской позиции. Согласно данным эмпирических исследований, проведенных А.В. Дятловым, В.В. Ковалевым и А.Б. Понамаревым, крымская молодежь на старте интеграционных процессов была обеспокоена обострением социально-экономических проблем в связи с вхождением в РФ, в частности, ростом цен и состоянием развития инфраструктуры (транспорт, ЖКХ, строительство дорог), в то время как вопросы, связанные с культурным развитием, образованием, безопасностью и криминогенностью, оказались менее значимыми в оценке молодежи, что демонстрирует их уверенность в перечисленных показателях. Также у 41 % опрошенных отмечались абсентеистские взгляды, обусловленные недоверием к политическим лидерам (14,88 %), неуверенностью в объективном подсчете голосов (16,96 %), приверженностью к определенным политическим и религиозным воззрениям

(8,93 %), что отражало неопределенность политических взглядов и неустойчивое положение молодежи в условиях политической интеграции. При этом, несмотря на отмеченные барьеры, с которыми столкнулась молодежь, их совокупная оценка вхождения Крыма в состав РФ оказалась позитивной, основанной на стремлении к самоорганизации в рамках изменений социально-политической среды, а также на понимании и поиске новых возможностей, которые предоставляет новое государство для развития различных категорий населения[1].

А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, А.Б. Понамарев отмечают, что на фоне интеграции полуострова в состав РФ в 2014 году наблюдалась существенная дистанция между молодым населением Крыма и государственными институтами. Системные меры федеральной поддержки, политика патриотического и гражданского воспитания, политика улучшения социально-экономических условий жизни и активного вовлечения молодежи в образовательный процесс с помощью организации упрощенной системы приема в российские вузы, что реализуется регионами в настоящий момент[2], позволили качественно изменить эту ситуацию. Исследователи также отмечают, что барьером в процессе ресоциализации может являться отсутствие диалога между молодым поколением и акторами публичной политики, а также снижение доверия молодого населения к принимаемым политическим решениям, которые могут быть вызваны деструктивным влиянием информационной среды.

Осмысливая процессы интеграции граждан Республики Крым, выделим отдельно этноконфессиональные отношения. Картографию сведений о состоянии межконфессиональной напряженности в Крыму после воссоединения с Россией представлял А.Н. Яковлев, отмечая повышенную зону конфликтогенности в степной и предгорной местности полуострова[3]. Он

---

[1] Дятлов А. В., Ковалев В. В., Понамарев А. Б. Саморегуляция политической жизни… 2020.

[2] Там же.

[3] Ковалев А. Н. Картографическое изучение динамики этноконфессиональных противоречий в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16), № 3. С. 316–318.

отмечает, что подобная асимметрия обусловлена многонациональными, поликонфессиональными и мультикультурными особенностями региона, что существенно влияет в процессах политической интеграции на дифференциацию взглядов населения, в том числе на систему идентичностей.

Эту точку зрения поддерживает исследователь процессов социокультурной интеграции новых субъектов РФ А.В. Баранов. По мнению ученого, украинский кризис повлиял на трансформации российской идентичности и изменения в ценностных ориентациях, в особенности в Крыму и Донбассе, которые являются «перекрестными геополитическими полями конкуренции России и Запада». Согласно результатам исследования, в выборку которого среди прочих вошли студенты Севастопольского государственного университета, опрошенные в возрасте от 16 до 35 лет в Крыму и Севастополе позитивно воспринимают представителей этнических общностей. Однако отсутствие конфликтных ситуаций с русским населением наблюдается у 76,5 %, с украинским – 60,6 % и с крымскими татарами – 41,3 %, что демонстрирует неравномерность процессов интеграции молодежи полуострова в систему межнационального диалога и снижение положительной динамики восприятия представителей определенных народов[1]. В этой связи важным является обеспечение межэтнического взаимодействия на основе ценностей уважения, гуманизма, милосердия и единства народов РФ, что сократит конфликтогенный потенциал в новых регионах.

Обобщая обозначенные исследователями барьеры и риски, возникающие в процессе политической ресоциализации в Республике Крым и исторических территориях РФ, следует выделить ключевые: информационные (деструктивное влияние информационной среды); когнитивно-ценностные (мировоззренческие, проявляющиеся в контексте межэтнического, межконфессионального, социокультурного взаимодействия); идеологические (абсентеизм; недоверие к органам власти); институциональные (усилия органов власти в организации

[1] Баранов А. В. Социокультурная интеграция… 2023.

открытого диалога с гражданами и формировании информационной повестки); социально-экономические (оснащенность инфраструктурой, материально-техническими ресурсами и социальной поддержкой). Своевременная реакция органов государственной и региональной власти, а также системы местного самоуправления и мониторинг общественных настроений позволят минимизировать данные риски. Представленные данные на примере опыта реинтеграции Республики Крым позволят совершенствовать инструменты и практики работы с населением в контексте ресоциализации новых граждан РФ.

А.Ю. Домбровская на основе проведенного эмпирического исследования в ДНР и ЛНР дает следующие рекомендации, направленные на смягчение внешних эффектов в процессе интеграции новых граждан, что обеспечит эффективные результаты ресоциализации. Федеральным органам власти следует оформить и продвигать информационные ресурсы, которые освещали бы единую систему проводимых в ЛНР и ДНР мероприятий образовательной и социально-политической направленности, что позволит активно вовлекать обучающихся в практики, формирующие гражданскую идентичность и сохранение историко-культурного достояния. Проблему кадрового голода предлагается решать с помощью организации курсов по повышению квалификации сотрудников образовательных организаций, транслирующих ценностные ориентиры в контексте направляемой государством образовательной политики. Следует привлекать коллег-экспертов из остальных регионов России к проведению регулярных вебинаров для специалистов из новых субъектов, а также популяризировать гранты и конкурсные механизмы с целью актуализации научно-исследовательской деятельности в новых регионах. Предложено расширять поле цифровых коммуникаций для развития туристических программ, реализуемых в целях историко-культурного просвещения молодежи из новых регионов, а также проводить мониторинг по отслеживанию состояния

проблем в рамках протекающей ресоциализации, этап которой для молодых жителей ДНР и ЛНР еще не завершен[1].

Все обозначенные меры, в представлениях А.Ю. Домбровской, будут решать задачу формирования у молодого поколения позитивного образа российского государства и определять степень интеграции в политические, социальные, образовательные практики, реализуемые на территории РФ в контексте укрепления общенациональной идентичности и повышения личностного, интеллектуального, творческого, профессионального потенциала граждан[2].

Предложенные автором рекомендации коснулись и регионального уровня власти в ЛНР и ДНР. Рекомендовано развитие интернет-ресурсов для обеспечения методического и административного сопровождения образовательных организаций двух республик в области формирования исторического сознания. Отмечается, что процесс ресоциализации обусловил противоречие в переходе от украинской образовательной модели к принципиально новой российской, ориентированной на историческое образование и просвещение. В этой связи рекомендуется поддержка в области преподавания дисциплины «Основы российской государственности», которую должны проводить «носители» политической науки и сознания для расширения знаний новых граждан о политической системе в РФ. Следует применять цифровые технологии в контексте организации исторических и политических клубов, а также проведения научно-исследовательской деятельности в области социально-гуманитарных дисциплин, в частности, развивать платформы, раскрывающие ценностный потенциал молодежи. Особую роль играет материально-техническое оснащение образовательного процесса и применение интерактивных технологий в рамках проведения занятий, что увеличит степень учебной мотивации, повысит уровень политической субъектности и создаст

[1] Домбровская А. Ю. Технологии цифровых коммуникаций… 2023.
[2] Там же.

возможность для «мягкой» ресоциализации молодежи в едином ценностном цифровом пространстве[1].

На основе проведенного эмпирического исследования нами определены основные барьеры, которые служат препятствиями в процессах политической ресоциализации новых граждан России: психологический барьер (барьер безопасности и неопределенности); социокультурные барьеры (барьер конкурирующей идентичности, барьер ценностного неприятия и барьер терминологической и концептуальной неопределенности), институционально-технологические (барьер незавершенной институциональной интеграции, информационно-идеологический барьер).

1. Психологический барьер связан с продолжающимся влиянием вооруженного конфликта, его можно охарактеризовать как барьер безопасности и неопределенности. В жизненном пространстве личности пока базовые физиологические потребности и потребности в безопасности личности не удовлетворены, процессы политической идентификации отходят на второй план. Неопределенность будущего и прямые угрозы жизни зачастую блокируют (и это служит значимым препятствием) социально-психологические процессы более высокого уровня. Эксперты прямо связывают риски с военной составляющей: «Первый риск связан с военным составляющей, войной как таковой. Пока идет война, это самый главный риск, конечно же» (эксперт, ДНР). Другой эксперт подтверждает: «С учетом активных боевых действий, которые сейчас ведутся, в принципе на теме специальной военные операции любят, скажем так, негативно воздействовать на население с точки зрения человеческих потерь, предположим, ущерба, который несет население, поэтому это вот такие скользкие моменты, которые в ближайшей перспективе могут задержать процессы формирования гражданской идентичности на территории ЛНР» (эксперт, ЛНР), «…видите, у нас сейчас очень довольно неопределённый такой момент связан с видением нашей спецоперации, я думаю, что здесь все во многом будет зависеть от решения этой

[1] Домбровская А. Ю. Технологии цифровых коммуникаций… 2023.

задачи, потому что наши крымчане очень чувствительны к таким вопросам» (эксперт, Крым).

2. Вторая группа барьеров – социокультурные барьеры. К ним следует отнести барьер конкурирующей идентичности, барьер ценностного неприятия и барьер терминологической и концептуальной неопределенности.

Барьер конкурирующей идентичности связан с укорененностью и устойчивостью иных (региональных, этнических, религиозных) идентичностей. Данный барьер является одним из самых сложных в преодолении, доминирование иных форм самоидентификации над общероссийской создает когнитивный и ценностный фильтр, через который воспринимаются все политические институты и нарративы. Эксперты отмечают риски, связанные с существованием (необходимостью преодоления в ряде случаев) другой идентичности у всего населения территории или региона или у значительной его части. Суть противоречия состоит в том, что такая идентичность чаще всего глубоко укоренена в сознании в силу длительного существования и естественного пути формирования. Данные экспертного опроса обнаруживают особую актуальность этой проблематики в Республике Крым. Для крымских татар этничность является первичным фактором, образующим их идентичность. При этом у старших поколений, как правило, доминирующим фактором выступает только этническая принадлежность, а у молодежи дополняется еще и вероисповеданием: «Однозначно, на первой позиции будет стоять крымский татарин, а потом уже гражданин федерации. А вот если мы берем молодежь крымско-татарскую, то здесь надо, наверное, вводить еще один такой фактор в классификацию: мусульманин, крымский татарин, гражданин Российской Федерации. Скорее всего, вот такая будет распределенность по самоидентификации» (эксперт, Крым).

Барьер ценностного неприятия обусловлен тем, что часть населения не разделяет ценности российской государственности. Этот барьер характеризует пассивное, но устойчивое неприятие новой политической системы частью населения. В отличие от открытого сопротивления, это выражается в отсутствии

стремления к интеграции, что делает данную группу резистентной к традиционным методам политической социализации и ресоциализации. Практически все опрошенные эксперты отмечают этот существенный риск и барьер, обусловленный тем, что часть населения новых территорий не разделяет ценностей новой (российской) государственности: «Есть люди, которые принять новую систему ценностей и полноценно интегрироваться в рамках общероссийской идентичности вообще не стремятся» (эксперт, Запорожская область). Эксперты отмечают наличие «ждунов» – людей, которые «ждут Украину до сих пор» (эксперт, ДНР) и демонстрируют «фактор комплементарного отношения к Украине» (эксперт, Крым): «Но там, говорят, ситуация чем ближе к Днепру, чем ближе туда, как бы направо от трассы, то тем больше там ждунов, соответственно и менталитет другой, ну и в плане того, что в открытую говорят, не скрываясь, что они ждут Украину до сих пор. «А вы нас должны содержать, оккупировали и должны содержать». Поэтому вот это зависит ещё территориально, но опять-таки, допустим, в Донбассе мы не разделяемся на «русские» и «украинцы», то есть у нас это не зависит от фамилии, такая более-менее русская идентичность» (эксперт, ДНР).

Кроме того, эксперты отмечают, что на территориях, подконтрольных Украине сегодня, которые могут быть освобождены российскими силами завтра, ведется мощная пропагандистская работа, направленная на подрыв пророссийской политической и идеологической ориентации. Соответственно, чем дольше эти земли будут оставаться украинскими, тем сложнее там будет обстановка с точки зрения формирования российской идентичности: «То есть территория ЛНР увеличилась. Одно дело, когда мы были с 2014-го года вот в нашем вакууме и здесь сделали выбор в 14-м году, сейчас нас значительно больше. У нас больше процентов людей, которые изначально не видели себя гражданами Российской Федерации. Вот что с ними делать и насколько они могут повлиять на ситуацию, которая сейчас у нас в республике, это большой вопрос» (эксперт, ЛНР).

Похожие риски отмечают эксперты из ДНР: «И на самом деле, мы ещё не выработали программы, а как вот работать с этим освобождённым населением? То есть, если мы пойдём дальше, там ещё хуже ситуация, то есть там они ещё эти два года пожили, с этим режимом, им там ещё сильнее мозги провентилировали» (эксперт, ДНР).

Некоторые эксперты также отмечают, что размытость ключевых понятий гражданской нации создает еще один социокультурный барьер – терминологической и концептуальной неопределенности. Отсутствие четкой, непротиворечивой и принимаемой обществом концепции, разграничивающей или отождествляющей понятия «русский» (этническое) и «россиянин» (гражданское), создает идеологический вакуум и затрудняет консолидацию многонационального народа вокруг общей идентичности. Эксперты указывают на эту проблему: «есть некоторое противоречие в представлении о русском народе, интегрирующем как этнических русских, так и другие народы». Он же констатирует терминологический дискомфорт: «Вот слово "россиянин" звучит как-то... я калмык по национальности, я россиянин, а ты русский-русский» (эксперт, ДНР).

Кроме того, этот барьер усиливается в контексте миграционных процессов прибытием в Россию иностранных граждан в целях трудоустройства и постоянного проживания на российской территории. В данном случае речь идет о мигрантах, которые с неуважением, по мнению одного из экспертов, относятся к законодательству, укладу жизни, обычаям и традиционным конфессиям страны (региона), в которую они переезжают. Согласно оценке, это, с одной стороны, порождает напряженность в российском обществе. С другой стороны – становится серьезным препятствием на пути формирования представления о российском народе как о многонациональном и одновременно едином, основанном на целостном культурном коде. Кроме того, поскольку регулирование миграционных потоков находится в ведении государства, падает уровень доверия к соответствующим государственным институтам и впоследствии может проецироваться на российскую государственность в целом.

Также и мнение о неспособности российского народа противостоять таким угрозам в целом является риском в формировании позитивной российской идентичности: «Ведь реально я проходила 6 лет, чтобы получить российское гражданство, я прошли все круги... Это при наличии того, что я закончила школу и университет при Советском Союзе. Но 6 лет я проходила все круги, как положено, со всеми бумагами, со всеми сдачами всего и всего. И все – потому что я была гражданкой Украины. Поэтому... А они (мигранты), не зная русского языка, получили российское гражданство. Двух слов связать не могут. Вот таким образом. И потом они рассказывают о том, что мы не можем их лишить российского гражданства» (эксперт, ДНР).

Действительно, на территории Народных Республик в течение длительного времени существовала своего рода не российская, но русская идентичность значительной части населения, которая во многом под влиянием агрессивных действий Украины в 2014–2021 годах трансформировалась в российскую. Также в меньшей мере здесь и в возрастающей степени вглубь вновь освобождаемых территорий в течение длительного времени формировались иная идентичность и иная система ценностей, в общем чуждая российской. Поэтому, для того чтобы сформировать не только внешнее принятие российской государственности, но и внутреннюю интеграцию в новую систему ценностей, также, возможно, потребуется немало времени, и решены такие проблемы будут, в среднесрочной перспективе. «Ну, главный риск, наверное, это то, что, так как длительное время чуждые идеи, чуждые идеалы формировались, быстро их уничтожить не получится. Все равно все это сказалось на сознании, и я, например, не знаю, как можно в краткосрочной перспективе деформацию этого сознания выправить…» (эксперт, ДНР).

«Украина достаточно активно формировала антироссийские взгляды. Очень системно разрабатывались как раз-таки механизмы по формированию антироссийских представлений, в том числе Институт национальной памяти Украины крайне активно работал с разными гражданами, с людьми разных возрастов и так далее» (эксперт, Севастополь).

3. Третья группа включает институционально-технологические барьеры (барьер незавершенной институциональной интеграции и информационно-идеологический барьер).

Существование барьера незавершенной институциональной интеграции обусловлено наличием разрыва между формальным и реальным встраиванием граждан в политическую систему. Социокультурная и политическая интеграция невозможна без полноценного функционирования политических институтов, их отсутствие или «невидимость» для населения лишает граждан каналов политического участия и артикуляции интересов, превращая их из субъектов политики в пассивных наблюдателей. Эксперты указывают на незавершенность процесса институционального строительства в новых субъектах: «пока всё ещё не завершённый процесс политического устройства, или даже политического встраивания, скажем так, Донбасса в политическую структуру РФ» (эксперт, ДНР). Экспертами подчеркивается проблема «недостаточной публичности... механизмов о том, как можно приобщиться к политической жизни... Непонятно, как туда попасть. А когда человек невключенный не может ни на что повлиять... он становится не гражданином, а жителем» (эксперт, ЛНР).

Существование информационно-идеологического барьера обусловлено продолжающимся внешним воздействием и наследием политической системы Украины. По мнению экспертов, этот барьер имеет два аспекта: исторический (длительное формирование чуждых ценностей) и актуальный (активная подрывная деятельность). Этот барьер обусловлен наличием альтернативного информационного поля, которое становится препятствием политической ресоциализации и формированию общероссийской гражданской идентичности. Эксперты отмечают, что, с одной стороны, «чуждые ценности формировались и существовали в сознании людей длительное время... мгновенное искоренение практически невозможно. … главный риск, наверное, это то, что, так как длительное время чуждые идеи, чуждые идеалы формировались, быстро их уничтожить не получится» (эксперт, ДНР). С другой стороны, имеет место

активное противодействие: «информационная война, война за умы и за сердца» (эксперт, ДНР), включая «провокации для раскола общества» (эксперт, Крым).

Основные типы и виды выявленных в результате исследования барьеров на пути политической ресоциализации новых граждан представлены в таблице 2.

Таблица 2. Барьеры на пути политической ресоциализации новых граждан РФ

Типы барьеров политической ресоциализации новых граждан РФ	Виды барьеров политической ресоциализации новых граждан РФ	Сущность и характеристика барьеров политической ресоциализации новых граждан РФ
1. Психологический	Барьер безопасности и неопределенности	Блокировка процессов гражданской идентификации из-за неудовлетворенности базовых потребностей (безопасность) и неопределенности будущего.
2. Социокультурные	Барьер конкурирующей идентичности	Доминирование региональных, этнических, религиозных идентичностей над общероссийской, создающее когнитивный и ценностный фильтр.
	Барьер ценностного неприятия	Пассивное, но устойчивое неприятие политической системы и отсутствие стремления к интеграции.
	Барьер терминологической и концептуальной неопределенности	Идеологический вакуум из-за отсутствия четкой концепции, разграничивающей «русский» (этническое) и «россиянин» (гражданское).
3. Институционально-технологические	Барьер незавершенной институциональной интеграции	Разрыв между формальным и реальным встраиванием в политическую систему; отсутствие или «невидимость» институтов, каналов участия.
	Информационно-идеологический барьер	Воздействие альтернативного информационного поля (историческое наследие и актуальная подрывная деятельность).

Выявленные барьеры носят комплексный и взаимосвязанный характер. Социокультурные барьеры формируют мировоззренческое ядро сопротивления процессам политической ресоциализации; институционально-технологические барьеры являются мощными внешними, а психологические барьеры – внутренними факторами, подпитывающими это сопротивление процессам политической ресоциализации. Более того, незавершенность институциональной интеграции лишает государство эффективных инструментов для преодоления этих барьеров, а социокультурные барьеры затрудняют формирование объединяющего ценностного каркаса. Преодоление этих препятствий требует дифференцированной стратегии, рассчитанной на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу.

Вместе с тем среди экспертов присутствует и такая позиция, согласно которой какие-либо риски и барьеры в процессе формирования общероссийской идентичности отсутствуют. Такая позиция формируется посредством сравнения действий так называемой украинской стороны и России. Если в первом случае упоминаются обстрелы, диверсии, лишение жизненнонеобходимых ресурсов, то Россию всегда ассоциируют с обеспечением безопасности и комфортных условий жизнедеятельности. По мнению эксперта, именно своими действиями Россия быстро завоевала доверие и поддержку среди основной массы населения, а значит, проблем с формированием и укреплением российской идентичности быть не должно: «И когда говорят-то, типа, да, вот, там ничего себе, Запорожская область. Говорю, ребята, у нас безопаснее, чем где-либо. То есть мы в парке ходим, гуляем. Какие риски? Люди настолько уже осознанно перешли в Россию, приняли гражданство. Мы все, когда получали паспорта, особенно мы в первых рядах, нам включали гимн России, нам давали клятву, и мы это зачитывали вслух, то есть мы же это делали осознанно, поэтому я рисков не вижу. Назад дороги нет» (эксперт, Запорожская область); «Я каких-то прям таких сильных рисков и барьеров не вижу. Если и дальше проводить политику в таком ключе, то в принципе, ну как бы да, то есть подкорректировать, то как бы таких совсем рисков там нет» (эксперт, Севастополь).

Прогнозирование потенциальных рисков и угроз необходимо в регионах, вошедших в 2022 году в состав Российской Федерации. Научные сотрудники Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Е.В. Бродовская и А.А. Азаров в работе «Мультиагентное имитационное моделирование процессов социокультурной интеграции жителей ЛНР и ДНР» представили результаты исследования, направленного на описание процессов реинтеграции и ресоциализации жителей новых субъектов РФ в социальное, ценностно-когнитивное, политическое пространство России. На основе методики мультиагентного моделирования были сформулированы и охарактеризованы предположительные сценарии социально-политической адаптации новых жителей РФ с учетом возможных последствий и рисков. Сценарии были сгенерированы и объединены в группы по принципу от наиболее вероятных к наименее вероятным в их реализации[1].

Первая группа сценариев предполагает сохранение актуальных тенденций в развитии регионов: увеличение процента безработных, строительство инфраструктуры, присутствие социальной напряженности на фоне военного конфликта, отсутствие преимущественно положительной информационной повестки; данный сценарий, с одной стороны, способствует укреплению доверия со стороны взрослого населения к проводимой государственной политике, с другой – масштабирование степени напряженности среди молодежи. Второй сценарий дополняет предыдущий расширением государственной информационной повестки, при которой открытость и прозрачность деятельности органов власти обеспечит ориентацию молодежи на «пророссийские» взгляды. Третья сценарная группа отличается возможностью снижения темпов боевых действий при сохранении активной трансляции государственной повестки, что будет способствовать повышению уровня доверия и лояльности со стороны населения в новых, а также близлежащих регионах, и сформирует позитивную картину реинтеграции субъектов в

[1] Бродовская Е. В., Азаров А. А. Мультиагентное имитационное… 2023.

пространство РФ в глазах молодого населения. Наконец, четвертая группа сценариев характеризуется исключительно негативной тенденцией роста интенсивности боевых действий и отсутствием открытой политической повестки, что приведет к падению уровня доверия населения в среднесрочной и долгосрочной перспективах, сформирует запрос на удовлетворение экзистенциальных потребностей и обеспечение защищенности граждан, на фоне чего молодежь станет включаться в радикальные формы социально-политической активности. Стоит отметить, что предложенные и интерпретированные авторами позитивные сценарии предполагают активную вовлеченность государства в реализацию социальных программ и политической повестки, а также интенсивную работу с новыми гражданами РФ, в частности, с молодежью, с целью формирования позитивного восприятия протекающих реинтеграционных процессов. Риски могут быть связаны в первую очередь с тенденцией сокращения открытой государственной информационной повестки, обеспечивающей связь с населением и доверие к органам власти, а также с возможной интенсификацией военных действий, что осложнит процесс ресоциализации и обострит посттравматический опыт новых граждан[1].

Обобщая мнения опрошенных нами экспертов, можно выделить следующие ключевые направления деятельности субъектов публичной политики по преодолению описанных выше барьеров политической ресоциализации новых граждан России. Процесс политической ресоциализации населения на новых территориях Российской Федерации сопряжен с рядом системных противоречий. Для их успешного преодоления требуется выработка комплексной стратегии, рассчитанной как на кратко-, так и на среднесрочную перспективу. Ключевая роль в данной стратегии отводится символической политике и политике памяти, реализуемым через институты образования и просвещения. В рамках данного подхода можно выделить несколько основных направлений.

[1] Бродовская Е.В., Азаров А.А. Мультиагентное имитационное… 2023.

1. Идеологическая и социально-экономическая работа с молодежью. Первостепенное значение имеет целенаправленная работа с молодежью, сочетающая информационно-идеологические компоненты с мерами социально-экономической поддержки. Это направление призвано сформировать лояльное ядро населения, идентифицирующее себя с российскими ценностями и государственностью.

2. Укрепление межнационального и межрегионального единства. Второе направление включает меры по консолидации полиэтничного общества и усилению связей с другими регионами России. Это достигается через реализацию специальных программ, направленных на минимизацию этнических противоречий, поддержку этнических общин, издание литературы на национальных языках параллельно с укреплением миграционного контроля. Важным аспектом является формирование позитивного исторического нарратива, как подчеркивает эксперт из Севастополя: «...работа... с политикой памяти и с символическими... практиками для того, чтобы Россия воспринималась как то государство, которое в принципе достаточно много сделало для того, чтобы Крым успешно развивался на протяжении разных исторических эпох» (эксперт, Севастополь).

3. Опора на пророссийски ориентированное ядро населения. Стратегия должна опираться на граждан, безоговорочно разделяющих ценности российской идентичности. Эта группа служит основным агентом ресоциализации и опорой для проведения государственной политики. Задача власти — не только поддерживать это ядро, но и расширять его. Как отмечает эксперт из Крыма: «Государство должно ориентироваться на... подавляющее большинство крымчан, которые любят Россию... И это ядро необходимо расширять... количество людей, комплементарно относящихся к России, необходимо расширять различными методами» (эксперт, Крым).

4. Противодействие внешним вызовам и обеспечение безопасности. Барьеры, обусловленные прямым противодействием Запада и Украины, требуют отдельной стратегии. Часть экспертов связывает их преодоление с успешным

завершением СВО: «Для этого нужна полная окончательная победа. Россия мощная, сильная, великая держава...» (Эксперт, ДНР). Однако послевоенный период может характеризоваться всплеском подрывной активности, что потребует отлаженной информационной политики и беспрецедентных мер по обеспечению гражданской безопасности.

5. Институциональная и социально-экономическая интеграция. Политико-административная интеграция должна неразрывно сопровождаться процессами политической ресоциализации населения, формированием институтов гражданского общества и увеличением представительства новых регионов в общероссийских органах власти. Экономическая интеграция, в свою очередь, видится менее продолжительным процессом, потенциально решаемым в краткосрочной перспективе при согласовании федеральных экономических институтов с региональной спецификой.

Таким образом, преодоление барьеров ресоциализации представляет собой многомерный процесс, сочетающий идеологические, социальные, экономические и политические меры, направленные на глубокую и всестороннюю интеграцию новых субъектов в правовое, экономическое и символическое пространство России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование было посвящено комплексному анализу процесса политической ресоциализации новых граждан в современной России, осуществленному в контексте расширения политического пространства страны. Актуальность работы обусловлена масштабными геополитическими и внутриполитическими трансформациями, которые привели к необходимости интеграции значительных групп населения с ранее сформированной иной политической картиной мира в российское социокультурное и политическое пространство. Социальная проблема, решаемая в исследовании, заключалась в необходимости формирования конвенциональных и конструктивных установок у новых граждан относительно политической системы России, а научная – в разработке объяснительной модели трансформации политической картины мира личности в трансформирующемся социуме.

В ходе работы была достигнута основная цель исследования – обоснована и апробирована объяснительная модель исследования политической ресоциализации в современной России, а также охарактеризовано ее состояние на основе эмпирических данных. Решение поставленных задач позволило получить ряд значимых научных результатов.

Прежде всего на основе анализа современных социально-политических и политико-психологических исследований был описан и систематизирован научный дискурс о политической ресоциализации. Выявлены ключевые дискурсивные поля и лакуны, что позволило выделить концептуальные предпосылки для интегративного подхода к анализу изучаемых процессов. Теоретико-методологической основой исследования выступили политико-психологический, идентитарный и пространственный подходы. Их интеграция позволила создать комплексную объяснительную модель, включающую содержательный, институциональный, технологический и контекстуальный компоненты. В авторской интерпретации политическая ресоциализация

определена как процесс изменения ядра (представлений о Родине, государстве и власти) и базовых компонентов политической картины мира (ключевые когнитивные, аффективные и поведенческие установки относительно политической системы), формирующихся в процессах первичной политической социализации под влиянием многоуровневой системы факторов и институтов.

Эмпирическое исследование позволило выявить и охарактеризовать состояние и траектории социокультурной динамики современного российского общества в условиях расширения политического пространства. Установлено, что данная динамика отличается многовекторностью и определяется сложным взаимодействием процессов социокультурной интеграции и поляризации. Выделены три основные траектории: политической социализации, политической ресоциализации и политической адаптации, которые формируются под влиянием факторов мега-, макро-, мезо- и микроуровней.

Важными результатами работы стали описание и систематизация институтов и агентов политической ресоциализации в современной России. Показано, что институциональная система имеет многоуровневую структуру, включающую как традиционные (семья, государство, образование, СМИ), так и современные институты (масс-медиа, НКО, институт городов-побратимов). Данная система функционирует на всех уровнях управления (федеральном, региональном, локальном) и коммуникации (публичном и личном), сочетая вертикальные и горизонтальные модели социализационного воздействия.

Центральным элементом эмпирической части исследования стала типологизация моделей политической ресоциализации новых граждан. На основе анализа глубинных интервью выявлены и описаны три эмпирические модели: цикличная политическая ресоциализация, которая характеризуется неоднократным изменением представлений, при котором устойчивая текущая конструкция ядра политической картины мира демонстрирует возврат к установкам первичной социализации, но с рефлексией актуального политического контекста; линейная политическая ресоциализация, которая предполагает значимое и кардинальное изменение ядра политической картины

мира, которое, однако, оценивается как неустойчивое; и, наконец, политическая адаптация без политической ресоциализации (нулевая ресоциализация), при которой значимых изменений ядра политической картины мира не происходит; устойчивость существующих представлений сочетается с адаптацией поведенческих установок к текущему политическому контексту.

Выявление барьеров, препятствующих успешной интеграции новых граждан, составило еще один значимый результат. Систематизированы четыре типа барьеров: социокультурные (различия в ценностях), институциональные (конфликт институтов, их неэффективность), агентные (противоречивое влияние агентов ресоциализации) и ситуативные (влияние текущей военной и социально-политической обстановки).

Таким образом, диссертационное исследование вносит существенный вклад в развитие политической науки, предлагая комплексную объяснительную модель и вводя в научный оборот значительный массив эмпирических данных о политико-психологических процессах в условиях трансформации политического пространства России. Полученные результаты имеют не только научно-теоретическое, но и практическое значение, открывая пути для совершенствования государственной политики в сфере интеграции новых граждан.

По итогам проведенного исследования сформулированы следующие практические рекомендации для органов государственной власти, субъектов публичной политики и образовательных учреждений, направленные на оптимизацию процессов политической ресоциализации и социокультурной интеграции новых граждан Российской Федерации.

В плане совершенствования институциональной и нормативной базы следует разработать и внедрить комплексные региональные программы социокультурной адаптации и политической ресоциализации, учитывающие специфику новых субъектов РФ (ДНР, ЛНР, Запорожская, Херсонская области, Крым). Эти программы должны быть основаны на единых ценностных основаниях, закрепленных в Указе Президента № 809, но иметь гибкие,

дифференцированные механизмы реализации; усилить координацию между федеральными, региональными и местными институтами, вовлеченными в процесс ресоциализации (органы власти, образовательные учреждения, НКО, СМИ), для минимизации институциональных барьеров и конфликтов социализирующего воздействия.

Следует также дифференцировать направления внутренней политики в зависимости от эмпирических моделей ресоциализации: для граждан с признаками линейной политической ресоциализации (неустойчивое ядро политической картины мира) разработать программы психолого-педагогической и информационной поддержки, направленные на закрепление позитивных установок по отношению к российской государственности, формирование устойчивой гражданской идентичности и критического мышления для противодействия деструктивному информационному влиянию; в работе с гражданами, демонстрирующими цикличную модель, акцент следует делать на укрепление и актуализацию тех позитивных представлений о России, которые сформировались на этапе первичной социализации, связывая их с современными политическими реалиями и достижениями страны; а в отношении группы нулевой ресоциализации (политическая адаптация) целесообразно сосредоточить усилия на вовлечении в практики гражданского участия и социальные проекты, что может способствовать постепенному пересмотру поведенческих установок и в долгосрочной перспективе – эволюции когнитивно-аффективного компонента политической картины мира.

Исследование также позволяет сделать вывод о необходимости оптимизации деятельности ключевых агентов и институтов политической социализации и политической ресоциализации: в системе образования следует внедрить в учебные планы школ и вузов новых регионов специализированные модули, направленные на формирование общероссийской гражданской идентичности, системное изучение истории России, ее политического устройства и традиционных ценностей, а также обеспечить повышение

квалификации педагогов в области политической психологии и методик гражданского воспитания.

В средствах массовой информации и цифровой среде новых регионов следует разрабатывать и продвигать целенаправленный информационный контент, адресованный новым гражданам, который бы способствовал позитивной ресоциализации, разъяснял основы российской политической системы и противодействовал дезинформации, активно использовать цифровые платформы и социальные сети для диалога с молодежью.

Органам государственной власти и другим институтам публичной политики необходимо поддерживать общественные инициативы и проекты, направленные на укрепление межпоколенческих связей, интеграцию семей новых граждан в местные сообщества, развивать институт наставничества и программы культурного обмена между всеми регионами России.

Для минимизации социокультурных барьеров необходимо развивать программы межкультурного диалога, краеведческой работы, совместные праздники и памятные мероприятия, подчеркивающие общность исторической судьбы.

Для снижения ситуативных барьеров, связанных с последствиями СВО, важно обеспечить доступность психологической помощи, развивать программы социальной поддержки и трудоустройства, формировать в публичном дискурсе образцы конструктивного преодоления трудностей и консолидации.

В контексте подготовки кадров важно включить в программы профессиональной подготовки и переподготовки государственных и муниципальных служащих, а также специалистов сферы образования и социальной работы модули, посвященные основам политической социализации и ресоциализации, психологии гражданской идентичности и технологиям работы с новыми гражданами в условиях трансформирующегося политического пространства.

Реализация данных рекомендаций будет способствовать повышению эффективности государственной политики по интеграции новых территорий,

формированию устойчивой общероссийской гражданской идентичности и укреплению социокультурного единства страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авксентьев, В.А. Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? / В.А. Авксентьев, М.М. Шульга // Социологические исследования. – 2013. – № 12. – С. 34–42.

2. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер; пер. с нем. А. Боковиков. – М.: Питер, 2003. – 248 с.

3. Алферов, Ю.А. Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных: монография / Ю.А. Алферов // Респ. Ин-т повышения квалификации работников МВД РФ. – Домодедово, 1994. – 205 с.

4. Антонян, Ю.М. Криминология / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2004. – 447с.

5. Асеева, Т.А. Роль государства в политической социализации граждан современной России / Т.А. Асеева // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 215–220.

6. Банных, Г.А. Профессиональная ресоциализация в условиях цифровизации: содержание и факторы успешности / Г.А. Банных, С.Н. Костина // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 2 (43). – С. 119–131.

7. Баранов, А.В. Русское население Юга и Востока Украины: идентичность и политические предпочтения (1992–2014 гг.) / А.В. Баранов // История. Электронный научный журнал. – 2022. – Т. 13. Вып. 2 (112). – Режим доступа: https://history.jes.su/s207987840019930-2-1/

8. Баранов, А.В. Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности / А.В. Баранов // Управленческое консультирование. – 2023. – № 1. – С. 10–23.

9. Баранов, А.В. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодежью Кубани и Крыма / А.В. Баранов, М.В. Донцова, В.А. Чигрин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – № 5. – С. 41–51.

10. Башмаков, И.С. Гражданская идентичность и образ будущего новых граждан России: факторы и перспективы формирования / И.С. Башмаков // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024.

11. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

12. Блумер, Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология / Г. Блумер. – М.: Издательство Московского университета, 1984.

13. Более 40 % жителей ДНР высказались за присоединение к России – соцопрос // Донецкое агентство новостей: официальный сайт. – Режим доступа: http://dan-news.info/obschestvo/bolee-40- zhitelej-dnr-vyskazalis-za-prisoedinenie-k-rossii-socopros.html

14. Большинство жителей Крыма довольны положением дел в регионе // РБК: официальный сайт. – 2015. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5554476c9a794782b3182c54

15. Ботов, С.С. Идентификация и интеграция: формирование гражданской идентичности молодежи в новых регионах России (ЛДНР, Запорожская и Херсонская области) / С.С. Ботов // Развитие гражданской идентичности молодежи: инструменты, тренды и перспективы. – Челябинск, 2024.

16. Бровкина, А.А. Ресоциализация осужденных как фактор сокращения рецидива преступлений / А.А. Бровкина // Вестник общественно-научной исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2013. – № 2. – С. 120–123.

17. Бродовская, Е.В. Влияние посткоммунистической трансформации системы идентичностей на процесс политической ресоциализации граждан: анализ базовых тенденций / Е.В. Бродовская // Ценности и смыслы. – 2012. – №. 5 (21). – С. 37–50.

18. Бродовская, Е.В. Мультиагентное имитационное моделирование процессов социокультурной интеграции жителей ЛНР и ДНР / Е.В. Бродовская, А.А. Азаров // Власть. – 2023. – № 6. – С. 49–53.

19. Бродовская, Е.В. Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ЛНР: Результаты социологического исследования в 2023 году / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 6. – С. 88–102.

20. Бродовская, Е.В. Студенческая молодежь Крыма и Севастополя о межнациональных и межрелигиозных отношениях на полуострове: результаты кластерного анализа / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, А.В. Синяков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – №2. – С. 30–41.

21. Бугаков, И.А. Анализ форм государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность на новых территориях Российской Федерации (на примере Донецкой Народной Республики, Республики Крым, Луганской Народной Республики, Запорожской, Херсонской областей, города федерального значения Севастополя) / И.А. Бугаков, М.Б. Поляков // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 11(124). – С. 136–144.

22. Быховская, И.М. Социализация и инкультурация личности: сравнительный анализ общественно значимых практик / И.М. Быховская, О.И. Горяинова // Культурология: имя собственное (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера). – М., 2021.

23. Верещагина, А.В. Представления жителей Крыма об интеграционных процессах в российском обществе (по материалам фокус-групп) / А.В. Верещагина // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 159–172.

24. Волкова, А.В. Движение городов-побратимов в управлении региональной политикой: опыт новых территорий / А.В. Волкова, Т.А. Кулакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 581–600.

25. Галас, М.Л. Проблемы политической и социальной адаптации крымчан к жизни в составе Российской Федерации / М.Л. Галас // Власть. – 2017. – № 5. – С. 108–116.

26. Гарр, Т.Р. Почему люди бунтуют / Т.Р. Гарр. – СПБ.: Питер, 2005. – 461 с.

27. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман; пер. с нем. А.Б. Глаголева; под ред. Ю.С. Медведева, Д.В. Скляднева. – СПб.: Фонд Университет, Владимир Даль, 2002. – 707 с.

28. Гидденс, Э. Модерн и самоидентичность / Э. Гидденс; реф. Е.В. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / под ред. Ю.А. Кимелева. Серия «Социология». – М.: ИНИОН РАН, 1995.

29. Гиддерс, Э. Социология / Э. Гиддерс. – М.: Едиториал УРСС., 1999.

30. Головин, Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации / Н.А. Головин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 288 с.

31. Горшков, М.К. Модернизационный потенциал идентичности / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник. – М.: Новый хронограф, 2013.

32. Громов, В.В. Социальные связи в процессе ресоциализации осужденных / В.В. Громов, А.С. Крылов // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы. – М., 1989.

33. Денисова, И.В. Трансформация семьи как института политической социализации в условиях реформирования российского общества / И.В. Денисова // Ориентированные фундаментальные и прикладные исследования – основа модернизации и инновационного развития архитектурно-

строительного и дорожно-транспортного комплексов России. – Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, 2011.

34. Денисова, И.В. Этапы политического развития личности (к проблеме ресоциализации в России) / И.В. Денисова // Труды Сибади. – Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, 1998.

35. Домбровская, А.Ю. Технологии цифровых коммуникаций для интеграции жителей ЛНР и ДНР в социокультурное пространство современной России / А.Ю. Домбровская // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 15–28.

36. Домбровская, А.Ю. Цифровой контент социокультурной интеграции ЛНР и ДНР: результаты когнитивного картирования / А.Ю. Домбровская, В.А. Лукушин // Власть. – 2023. – Т. 31, № 5. – С. 38–45.

37. Дробижева, Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества / Л.М. Дробижева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 4. – С. 7–22.

38. Дробижева, Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания / Л.М. Дробижева // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 100–115.

39. Дробижева, Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л.М. Дробижева. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.

40. Дробижева, Л.М. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России / Л.М. Дробижева, С.В. Рыжова // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 9–24.

41. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с франц. А. Б. Гофмана. – М.: Юрайт, 2019. – 308 с.

42. Дятлов, А.В. Саморегуляция политической жизни крымской молодежи / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, А.Б. Понамарев // Вестник ЮРГТУ – 2020. – № 5. – С. 53–64.

43. Евгеньева, Т.В. Роль исторической памяти в процессе политической социализации граждан России (политико-психологический анализ) / Т.В. Евгеньева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология – 2013. – № 3 (23). – С. 70–79.

44. Евгеньева, Т.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации / Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева // Полития. – 2017. – № 4 (87). – С. 48–64.

45. Еникеев, Е.М. О современном состоянии и перспективах развития юридической психологии / Е.М. Еникеев // Психологический журнал. – 1982. – № 3. – С. 108–120.

46. Еникеев, Е.М. Общая, социальная и юридическая психология / Е.М. Еникеев, О.Л. Кочетков. – М.: Юрид. Лит., 1997. – 447 с.

47. Ефанова, Е.В. К вопросу об агентах политической ресоциализации и их влиянии на политическую стабильность социума / Е.В. Ефанова // Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия. – М.: Институт социологии Российской академии наук, 2008. – 214 с.

48. Жулева, Ю.В. Теоретические аспекты ресоциализации несовершеннолетних осужденных / Ю.В. Жулева // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания: сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. – Рязань, 1999.

49. Зазнаев, О.И. Современная дискуссия о лучшей форме правления / О.И. Зазнаев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155, № 1. – С. 199–205.

50. Заславская, Т.И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса / Т.И. Заславская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 4. – С. 59–64.

51. Иванова, С.Ю. Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерения / С.Ю. Иванова // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 2 (58). – С. 22–28.

52. Игорь Баринов: в новых регионах России нужно укрепить общероссийскую гражданскую идентичность. – 2023. – Режим доступа: https://tumentoday.ru/2023/06/08/igor_barinov_v_novykh_regionakh_rossii_nuzhno_ukrepit_obshcherossiyskuyu_grazhdanskuyu_identichnost/

53. Исаева, Л.А. Ресоциализация осужденных к лишению свободы / Л.А. Исаева // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 145–149.

54. Каирбаев, Л.К. Проблемы ресоциализации осужденных / Л.К. Каирбаев // Материалы международной научно-практической конференции «Перспективные научные исследования» – 2010. – С. 41−46.

55. Китраль, С.О. Волонтерство в период СВО на Донбассе как тема материалов регионального телевидения: жанровые и стилистические черты / С.О. Китраль // Журналистика, массовые коммуникации и медиа: взгляд молодых исследователей: материалы научно-практической конференции, Белгород, 12–14 апреля 2023 года. – Белгород: Изд-во «Космос», 2023.

56. Клименко, Е.В. Интеграция и различия. О гражданской нации в России / Е.В. Клименко // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 131–143.

57. Ковалев, А.Н. Картографическое изучение динамики этноконфессиональных противоречий в Крыму / А.Н. Ковалев // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2020. – Т. 6 (16), № 3. – С. 316–318.

58. Ковалева, А.И. Ресоциализация / А.И. Ковалева, Н.А. Перинская // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 297–300.

59. Козловский, С.Н. Ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях / С.Н. Козловский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 1. – С. 122–128.

60. Костюкевич, В.Ф. Семья в качестве примера института политической социализации / В.Ф. Костюкевич // Социальная политика и социология. – 2013. – № 6-1. – С. 25–31.

61. Костяев, С.С. Особенности интеграции и адаптации Крыма в российскую социально-политическую систему / С.С. Костяев, И.В. Юшков // Вестник Финансового университета. – 2015. – № 4 (20). – С. 45–52.

62. Крайнова, Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: автореф. дис. … канд. юр. наук: 12.00.08 / Крайнова Надежда Александровна. – Владивосток, 2002. – 23 с.

63. Крым и Севастополь: о жизни после воссоединения с Россией // ВЦИОМ: официальный сайт. – 2016. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115782

64. Крым: проблема поставок электроэнергии и пути решения // ВЦИОМ: официальный сайт. – 2016. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krym-problema-postavok-elektroenergii-i-puti-resheniya

65. Кузнецов, П.С. Социологическая теория социальной адаптации: дис. … д-ра социол. наук: 22.00.04 / Павел Сергеевич Кузнецов. – Саратов, 2000. – 338 с.

66. Кузнецов, Ю.В. Правовая социализация молодежи как фактор развития гражданского общества / Ю.В. Кузнецов, И.Ю. Салмина // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. – 2010. – Т. 13. № 2. – С. 431–438.

67. Кульбачевская, О.В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму / О.В. Кульбачевская // Вестник антропологии. – 2019. – № 4 (48). – С. 114–115.

68. Лемищак, Е.М. Интеграционный подход к определению термина «ресоциализация» / Е.М. Лемищак // Балтийский гуманитарный журнал. – 2014. – № 2. – С. 24–27.

69. Лукушин, В.А. Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства / В.А. Лукушин // Общественные науки и современность. – 2023. – № 3. – С. 68–82.

70. Лютикова, Е.Ю. Раскрытие социального потенциала новых территорий Российской Федерации / Е.Ю. Лютикова // Теоретические и

прикладные аспекты информационно-аналитического обеспечения инновационной экономики: Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей, Курск, 26 апреля 2023 года. – Курск: Курский государственный университет, 2023.

71. Мардан, С. Результаты опроса жителей Донбасса повергли Киев в шок / С. Мардан // РИА-Новости: официальный сайт. – Режим доступа: https://ria.ru/20191112/1560806939.html

72. Мартынов, М.Ю. Патриотизм как политический дискурс в современной России / М.Ю. Мартынов, Л.А. Фадеева, А.И. Габеркорн // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 109–121.

73. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу; под общ. ред. Г.А. Балла и др. – М.: Смысл, 1999. – 423 с.

74. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.

75. Миклашевич, М. От пенитенциарной ресоциализации к ресоциализации постпенитенциарной / М. Миклашевич // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика. – СПб., 2017.

76. Милорава, А.Р. Проявление политической ресоциализации в Российской Федерации / А.Р. Милорава // Молодой ученый. – 2017. – № 14 (148). – С. 573–575.

77. Михайленок, О.М. и др. Вызовы современного развития и проблема консолидации российского общества / О.М. Михайленок и др. // Социально-гуманитарные знания. – 2015. № 4. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-sovremennogo-razvitiya-i-problema-konsolidatsii-rossiyskogo-obschestva

78. Морозов, С.И. Политические технологии и механизмы социализации/ресоциализации студенческой молодежи в условиях реализации национальной модели модернизации России / С.И. Морозов, Н.С. Черных // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 2 (22). – С. 132–139.

79. Нелина, Л.П. Исторический компонент государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи Республики Крым и Севастополя / Л.П. Нелина, О.В. Ярмак, А.А. Ирхин // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2020. – Т. 6 (72), №1. – С. 116–127.

80. Немцева, А.В. СМИ и процесс политической социализации российской молодежи / А.В. Немцева, И.И. Гуляев // Цифровая наука. – 2021. – № 6. – С. 90–94.

81. Нигматуллина, Т.А. Институт семьи как один из факторов политической социализации детей и молодежи / Т.А. Нигматуллина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 1 (91). – С. 43–49.

82. Нуриев, И.А. Ресоциализация и конструирование идентичности / И.А. Нуриев // Известия высших учебных заведений. – 2014. – Т. 5, № 3. – С. 202–205.

83. О национальной гордости великороссов-2024 // ВЦИОМ: официальный сайт. 3 июня 2024. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov-2024#

84. Об особенностях правового регулирования отношений в сфере образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №19-ФЗ от 17.02.2023 (последняя редакция) // Официальное опубликование правовых актов. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302170006

85. Об утверждении Государственной программы развития образования в Республике Крым: Постановление Совета министров Республики Крым № 241 от 29 марта 2023 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических

документов: официальный сайт. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/406610060

86. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019

87. Об утверждении программы «Комплексное развитие молодежной политики в Донецкой Народной Республике»: Постановление Правительства Донецкой Народной Республики № 113-14 от 25.12.2023 // Донецкая Народная Республика: официальный сайт. – Режим доступа: http://npa.dnronline.su/2024-01-12/postanovlenie-pravitelstva-dnr-113-14-ot-25-12-2023-g-ob-utverzhdenii-programmy-kompleksnoe-razvitie-molodezhnoj-politiki-v-donetskoj-narodnoj-respublike.html

88. Об утверждении республиканской программы патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020-2022 годы: Постановление Правительства ДНР № 22-3 от 30 апреля 2020 г // Правительство Донецкой Народной Республики: официальный сайт. – Режим доступа: https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-30-aprelya-2020-goda-№-22-3-ob-utverzhdenii-respublikanskoj-programmy-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-doneczkoj-narodnoj/

89. Ольшанский, Д.В. Адаптация социальная / Д.В. Ольшанский // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энцикл., 1989. – 814 с.

90. Опрос в Крыму: ситуация и протестные настроения в регионе // Фонд «Общественное мнение»: официальный сайт. – 2016. – Режим доступа: http://fom.ru/Nastroeniya/13113

91. Опрос: сколько жителей ДНР хотят получить гражданство России // Русская весна: сетевое издание: официальный сайт. – Режим доступа: http://rusvesna.su/news/1547791128

92. Панов, П.В. Институты и институциональные практики: проблема концептуализации / П.В. Панов // Вестник Пермского университета. – 2010. – № 4. – С. 34–47.

93. Парсонс, Т. Социальные системы / Т. Парсонс // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2, № 1(2). – С. 38–71.

94. Патрушев, С.В. Формирование гражданской ответственности в России: институциональный контекст / С.В. Патрушев, А.М. Кучинов, О.А. Мирясова, И.Л. Недяк, Т.В. Павлова, Л.Е. Филиппова // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 27–47.

95. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже; пер. с франц. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.

96. Позднякова, О.В. Социальная адаптация как стадия социализации личности / О.В. Позднякова // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 5–6 (27–28). – С. 362–366.

97. Попов, М.Е. Социокультурная интеграция и проблемы разрешения конфликтов идентичностей: региональный аспект / М.Е. Попов // Logos et Praxis. – 2015. – № 2 (28). – С. 40–46.

98. Попова, С.В. Социокультурная адаптация и интеграция в полиэтническом обществе: российская специфика / С.В. Попова // Научные вести. – 2020. – № 10 (27). – С. 96–101.

99. Послание Президента России Федеральному Собранию // Российская газета: официальный сайт. – 2014. – Режим доступа: https://rg.ru/2014/12/04/poslanie-site.html

100. Признание Донбасса: данные первого опроса // ВЦИОМ: официальный сайт. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/priznanie-donbassa-dannye-pervogo-oprosa

101. Приходько, И.П. Психологические аспекты ресоциализации мигрантов / И.П. Приходько, Е.А. Карачева // Сфера знаний: научное взаимодействие в рамках образовательного процесса. – Казань, 2018.

102. Пути России: культура, духовность, патриотизм // ВЦИОМ: официальный сайт. 23 сентября 2025. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puti-rossii-kultura-dukhovnost-patriotizm#

103. Реан, А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК. – 2006. – 479 с.

104. Роджерс, К. Гуманистическая психология: теория и практика / К. Роджерс; под ред. А.Н. Сухова. – М.: МПСУ, 2013. – 450 с.

105. Россияне о России. Аналитический обзор ВЦИОМ // ВЦИОМ: официальный сайт. 17 августа 2023 г. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-rossii

106. Садовникова, М.Н. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных (по материалам Восточной Сибири): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Садовникова Марианна Николаевна – Владивосток, 2011. – 227 с.

107. Самаркина, И.В. Политическая картина мира / И.В. Самаркина / Министерство образования и науки Российской Федерации, Кубанский гос. ун-т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. – 250 с.

108. Самаркина, И.В. Политическая картина мира / И.В. Самаркина // Идентичность: Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017.

109. Самаркина, И.В. Политическая ресоциализация как проблемное поле политической психологии / И.В. Самаркина // Политическая психология, культура и коммуникация / отв. ред. Е.Б. Шестопал. – М., 2008.

110. Самаркина, И.В. Политическая ресоциализация: актуальный контекст исследования / И.В. Самаркина // Южно-российский журнал социальных наук. – 2006. – № 4. – С. 139–147.

111. Самаркина, И.В. Образ будущего как компонент субъективного пространства политики: концептуальная модель и опыт ее апробации /

И.В. Самаркина, И.С. Башмаков, Д.П. Колозов, Н.П. Кузьменко // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 5. – С. 66–81.

112. Самаркина, И.В. Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства / И.В. Самаркина, И.С. Башмаков, Н.П. Кузьменко // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 133–143.

113. Селезнева, А.В. Политические представления российских старшеклассников в контексте гражданского воспитания и формирования политической культуры / А.В. Селезнева // Ценности и смыслы. – 2012. – № 5 (21). – С. 112–121.

114. Селезнева, А.В. Формирование политического сознания молодежи в современной России / А.В. Селезнева // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – № 2. – С. 69–79.

115. Селезнева, А.В. «Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников / А.В. Селезнева, А.А. Азарнова // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 101–113.

116. Селезнева, А.В. Формирование политических ценностей и этических представлений молодежи в семье и школе: анализ актуальных тенденций / А.В. Селезнева, В.Е. Зиненко // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета. – 2021. – № 17. – С. 112–119.

117. Семененко, И.С. Гражданская идентичность / И.С. Семененко // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. – М.: Весь Мир, 2017.

118. Семененко, И.С. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 54–78.

119. Сенченко, Н.А. Когнитивные маркеры гражданской идентичности жителей Крыма / Н.А. Сенченко // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 1 (69). – С. 30–35.

120. Силантьева, В.А. Вузовское образование в системе политической социализации / В.А. Силантьева, Н.В. Гамидова // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2015. – № 1. – С. 99–101.

121. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер; пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. – М.: Феникс, 1994. – 687 с.

122. Смирнов, В.И. Идейно-политическое воспитание подростков в семье / В.И. Смирнов. – М.: Общество «Знание», 1986. – 39 с.

123. Соловьев, А.И. Системные последствия и эффекты сетевого правления / А.И. Соловьев // Власть и элиты. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 153–175.

124. Стасюк, Е.В. Особенности самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции / Е.В. Стасюк // Власть и управление на Востоке России. – 2023. – № 4 (105). – С. 218–230.

125. Стручков, Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части / Н.А. Стручков. – М., 1984.

126. Сухова, Е.И. Ресоциализация подростков в условиях социального пространства (исторический аспект) / Е.И. Сухова // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 40–52.

127. Тарасова, Е.Г. Семья как агент политической социализации / Е.Г. Тарасова // Социально-политические науки. – 2018. – № 5. – С. 20–27.

128. Тишков, В.А. Нация, национализм и нациестроительство / В.А. Тишков // Россия в глобальной политике. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 42–62.

129. Томас, У. Методологические заметки / У. Томас, Ф. Знанецкий // Американская социологическая мысль. – М.: МГУ, 1994.

130. Тощенко, Ж.Т. Гражданское общество как объект социологии жизни / Ж.Т. Тощенко // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 5. – С. 50–62.

131. Тумаров, К.С. Ресоциализация осужденных к условиям лишения свободы: к вопросу о понятии / К.С. Тумаров // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 8. – С. 269–273.

132. У российских — собственная гордость! // ВЦИОМ: официальный сайт. 1 сентября 2025. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/u-rossiiskikh-sobstvennaja-gordost#

133. Фадеева, Л.А. Украинский фактор трансформации российской идентичности / Л.А. Фадеева, Д.С. Плотников // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2022. – Т. 6, Вып. 4. – С. 506–519.

134. Федоров, В. Идентичность россиян. По материалам количественных исследований / В. Федоров // ВЦИОМ: официальный сайт. – Режим доступа: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/identichnost-rossijan

135. Философские проблемы теории адаптации / под ред. Г.И. Царегородцева. – М.: Мысль, 1975. – 190 с.

136. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд; под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Просвещение, 1989. – 447 с.

137. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М.: Наука, 2006. – 320 с.

138. Хафизова, А.М. Ресоциализация осужденных как задача уголовно-исполнительной политики России: к вопросу о терминологии / А.М. Хафизова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (41). – С. 324–328.

139. Черкашин, К.В. Этническая самоидентификация жителей Донбасса / К.В. Черкашин, В.И. Теркулов, Т.Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 113–128.

140. Чудинова, И.М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения / И.М. Чудинова // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 5. – С. 15–17.

141. Шадже, А.Ю. Патриотизм как фактор социокультурной интеграции / А.Ю. Шадже, Н.А. Ильинова, С.А. Сетова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 3. – С. 188–197.

142. Шестопал, Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России / Е.Б. Шестопал // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2005. – № 4. – С. 48–69.

143. Шестопал, Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х / Е.Б. Шестопал . – М.: Роспэн, 2000.

144. Шестопал, Е.Б. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Е.Б. Шестопал, А.Л. Зверев, А.В. Селезнева. – М.: Новый Хронограф, 2008. – 552 с.

145. Шестопал, Е.Б. Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации / Е.Б. Шестопал . – М., 1988. – 203 с.

146. Шефель, С.В. Реализация концепции социокультурного синтеза в Республике Крым как условие социальной адаптации молодых крымчан / С.В. Шефель, В.А. Захарова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – №. 2. – С. 107–110.

147. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани; пер. с англ. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 344 с.

148. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–17.

149. Щербинин, А.И. Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родины) / А.И. Щербинин // АРТМАРКЕТИНГ. – 2009. – № 4 (28). – С. 19–27.

150. Щербинин, А.И. Политическое образование: учебное пособие / А.И. Щербинин. – М.: Весь Мир, 2005. – 283 с.

151. Эксперты обсудили тренды развития НКО в новых субъектах России // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора: официальный сайт. – 2024. – Режим доступа: https://grans.hse.ru/news/944849628.html

152. Южанин, В.Е. Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве / В.Е. Южанин. – Рязань: РВШ МВД РФ, 1992.

153. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов // Мир России. Социология. Этнология. – 1995. – № 3-4. – С. 158–181.

154. Якса, Н.В. Социальный опыт как составляющая социализации личности / Н.В. Якса // Научный вестник Крыма. – 2018. – № 1 (12). – С. 1–7.

155. Allport, G.W. Pattern and grow thin personality / G.W. Allport. – N.Y.: Holt Rinehart and Winston, 1961. – 593 p.

156. Bettelheim, B. The informed heart: Autonomy in a mass age / B. Bettelheim. – N.Y.: Free Press, 1960. – 309 p.

157. Easton, D. Children in the Political System / D. Easton, J. Dennis. – N.Y., 1969.

158. Hess, R.D. The Development of Political Attitudes in Children / R.D. Hess, J.V. Torney. – Chicago: Aldine Press, 1967.

159. Hogle, E.L. Resocialization of Registered Nurse Students in Selected BSN Programs: Changes in Role Strain and Nursing Role Perspective: Dissertations / E.L. Hogle. – Chicago, 1986. – 600 p.

160. Jennings, M.K. Generations and politics A panel study of young adults a. their parents / M.K. Jennings, R.G. Niemi. – Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1981.

161. Kennedy, D.B. Resocialization: An American Experiment / D.B. Kennedy, A. Kerber. – N.Y., 1973. – 191 p.

162. Merelman, R.M. Revitalizing Political Socialization / R.M. Merelman // Hermann M. (ed.) Political Pshychology. – San-Francisco, 1986.

163. Morrison, L.J. Resocialization / L.J. Morrison // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. – L., 2007.

164. O'Loughlin, J. A New Survey of the Ukraine-Russia Conflict Finds Deeply Divided Views in the Contested Donbas Region. Many in the Breakaway Territory See a Future with Russia / J. O'Loughlin, G. Sasse, G. Toal, K.M. Bakke // The Washington

Post. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/ politics/2021/02/12/new-survey-ukraine-russia-conflict-finds-deeply-divided-views-contested-donbasregion/

165. O'Donnell, G. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / G. O'Donnell, P. Schmitter. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.

166. Sargant, W. Battle for the mind: A physiology of conversion and brain/washing / W. Sargant. – L.: Heinemann, 1959. – 248 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Инструментарий для проведения экспертного интервью (вопросник для экспертного интервью)[1]

Уважаемый эксперт! Просим вас принять участие в экспертном опросе, посвящённом проблемам формирования российской идентичности в новых субъектах Российской Федерации. Ваша точка зрения о факторах и ресурсах эффективной политики идентичности, о её институтах и акторах, о препятствиях на пути ресоциализации новых граждан и способах преодоления препятствий очень важна и для развития науки, и в практическом аспекте.

Результаты интервью будут использованы в обобщённом виде, с цитированием точек зрения без указания фамилии, имени и отчества конкретного эксперта.

Мы надеемся на вашу заинтересованность в теме исследования и опыт аналитической работы, который позволит получить ценную и личностно окрашенную новую информацию.

ФОРМАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ЭКСПЕРТА:

Пол:

Возраст:

Статус эксперта, чья деятельность связана с формированием общероссийской гражданской идентичности (указать или подчеркнуть соответствующую позицию)*:*

– руководитель/представитель государственного или муниципального органа власти, подведомственного учреждения;

[1] Данный инструментарий разработан исследовательским коллективом в рамках выполнения государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук в рамках государственного задания FZEN-2024-0013).

– руководитель/представитель общественной организации или другой структуры;

– представитель общественности

– научного сообщества

Опыт профессиональной/экспертной деятельности в области государственной молодежной, образовательной политики, политики идентичности: (лет)

Место проживания:

I. Оценка состояния гражданской идентичности новых граждан РФ (*Задача: определить содержательное наполнение когнитивных, ценностных и инструментальных компонентов гражданской идентичности новых граждан РФ как промежуточного результата политической социализации*)

1. Подскажите, пожалуйста, что вы понимаете под гражданской идентичностью/ под общероссийской гражданской идентичностью? Как вы считаете, является ли проблема формирования общероссийской гражданской идентичности значимой в современной политической повестке Российской Федерации? Почему вы так считаете? Какие факторы повлияли на то, что на уровне государства проблема формирования гражданской идентичности является составной частью сохранения суверенитета нашей страны?

2. Как вы охарактеризуете состояние гражданской идентичности взрослого (старше 18 лет) населения новых территорий? Какие у них доминирует представления/знания о стране и российском государстве? Каково эмоциональное отношение новых граждан к своей стране и государству? Какие ценности сегодня доминируют у взрослого населения? В какие практики гражданского участия включаются взрослые? Какие компоненты гражданской идентичности (когнитивный, эмоциональный, ценностно-мотивационные, инструментально-поведенческий), по вашему мнению, устойчивы, а какие находятся в трансформационном состоянии? Можно ли говорить о том, что новые граждане демонстрируют разные модели гражданской идентичности? Если да, то какие факторы на это влияют? Как вы считаете, отличаются ли эти

модели гражданской идентичности среди взрослого населения новых субъектов и молодежи новых субъектов? Отличаются ли от моделей, которые демонстрируют граждане РФ в целом?

3. Связано ли состояние гражданской идентичности с представлениями о будущем молодежи и взрослых? Как?

II. Описание и оценка существующей системы формирования гражданской идентичности

(Задача: осмыслить и интерпретировать систему политической социализации и ресоциализации новых граждан РФ: факторы, институты, агенты, механизмы, технологии и практики)

4. Какие институты, субъекты, на ваш взгляд, участвуют в формировании гражданской идентичности школьников? *(Интервьюер, обратите внимание на позицию эксперта по отношению к следующим субъектам: органы государственной власти и местного самоуправления, подведомственные им учреждения; образовательные организации и учреждения в системе непрерывного образования; общественные организации гражданско-патриотической и военно-патриотической направленности или включающие в качестве одного из направлений деятельности патриотическую повестку, находящиеся под патронажем государства; инициативные клубы и сообщества, чья деятельность связана с патриотическим воспитанием)*

5. Что, на ваш взгляд, может являться критериями/индикаторами эффективной деятельности субъектов по формированию общероссийской гражданской идентичности новых граждан? Чья деятельность, из перечисленных вами субъектов является наиболее эффективной и почему?

6. По вашему мнению, какие нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней наиболее важны при проведении политики идентичности и ресоциализации новых граждан в Вашем регионе?

7. Какие направления работы по формированию гражданской идентичности взрослых являются наиболее актуальными? Почему? На ваш взгляд, какие направления включает в себя политика идентичности в вашем

субъекте Российской Федерации и насколько эффективно каждое из направлений реализуется? По вашему мнению, какие методы политики идентичности и ресоциализации новых граждан наиболее эффективны в вашем регионе? Назовите эти методы, пожалуйста.

8. Есть ли среди направлений политики идентичности деятельность, связанная с формированием представлений о будущем у молодежи? У взрослого населения? Приведите примеры. Связывают ли новые граждане (взрослые) России свое будущее со своим регионом? Связывают ли новые граждане (молодежь) России свое будущее со своим регионом?

9. Как вам кажется, можно ли говорить о процессах политической ресоциализации (принципиальном изменении ценностных ориентаций и гражданской идентичности) новых граждан? В чём проявляется политическая ресоциализация новых граждан в вашем субъекте Российской Федерации? Какие факторы способствуют успешной ресоциализации (назовите не менее трёх, начиная с самого влиятельного), а какие факторы препятствуют успеху ресоциализации?

10. Какие социальные группы населения вашего региона – возрастные, профессиональные, этнические, конфессиональные, территориальные и др. нуждаются в наибольшем внимании при проведении политики идентичности и ресоциализации новых граждан? Почему? Назовите эти группы населения, пожалуйста.

III. Противоречия, проблемы и риски укрепления гражданской идентичности

(Задача: выявить противоречия и проблемы формирования гражданской идентичности новых граждан РФ в контексте описанной модели (моделей) политической социализации и ресоциализации; определить риски в процессе формирования гражданской идентичности новых граждан и стратегию их преодоления в кратко- и среднесрочной перспективе)

11. Как вы думаете, какие методы политики идентичности и ресоциализации новых граждан наименее эффективны в вашем регионе? Назовите эти методы, пожалуйста.

12. Какие проблемы существуют в деятельности субъектов по формированию общероссийской гражданской идентичности? Какие меры необходимо принять, чтобы данные проблемы были решены?

13. Не секрет, что политика укрепления российской идентичности сталкивается в новых субъектах федерации с многими препятствиями. Как вы полагаете, каковы самые весомые препятствия для укрепления российской идентичности в новых субъектах (назовите и опишите их)?

14. Приведите, пожалуйста, примеры информационных атак внешних либо внутренних акторов политики против российской идентичности в вашем субъекте федерации. Против каких ценностей и символов российской идентичности направлены те или иные конкретные атаки? Насколько они влияют на общественное мнение в вашем регионе?

15. На ваш взгляд, что нужно улучшить в проводимой политике идентичности для более успешного укрепления российской идентичности, эффективной ресоциализации граждан в вашем субъекте федерации?

16. Каков опыт участия вашей профессиональной группы, ваших коллег и лично вас в проведении политики идентичности, формировании прочного российского самосознания? Опишите ваши впечатления, пожалуйста.

17. Какие риски вы видите в процессе формирования гражданской идентичности новых граждан в кратко- и среднесрочной перспективе? Какая стратегия преодоления этих рисков вам кажется оптимальной в средне- и долгосрочной перспективе?

Благодарим вас за сотрудничество!

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Инструментарий для проведения глубинного интервью (вопросник для глубинного интервью)[1]

ВВЕДЕНИЕ

Добрый день. Меня зовут (интервьюер представляется). Я представляю исследовательскую группу ученых Кубанского государственного университета. Мы исследуем, как формируются и меняются политические представления людей на протяжении их жизни под влиянием разных событий и факторов. Каждая жизненная история важна для нашего исследования. В этом проекте мы исследуем биографии людей, которые под влиянием разных обстоятельств изменили гражданство. Мы не фиксируем персональные данные – имена, фамилии. Но для нас важны события, чувства, эмоции, изменения представлений.

I. Автобиография.

1. Расскажите о своей жизни то, что считаете нужным, от момента рождения до сегодняшнего дня.

II. Политическая картина мира и ее формирование (методы и технологии политической социализации и политической ресоциализации, которые применялись в условиях украинской политической системы)

2. Расскажите о себе. Где и когда вы родились? Кто были ваши родители? Каким было ваше детство? Можно ли его назвать счастливым? Почему?

3. Какие были отношения в семье? Использовали ли родители наказания, в том числе физические? Были ли родители авторитетом?

---

[1] Данный инструментарий разработан исследовательским коллективом в рамках выполнения государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук в рамках государственного задания FZEN-2024-0013).

4. Кто из взрослых был авторитетом? В каких вопросах? Какие события, факты, люди, связанные с политикой, вам запомнились? Почему именно эти (события, факты, люди, связанные с политикой) вам запомнились, как вы думаете?

5. Как в детстве вы относились к своей стране? Какую страну вы считали тогда своей (Родиной)? Как вы представляли свою страну? Какие чувства к ней испытывали? Хотелось ли вам уехать и жить в другой стране? Почему?

6. Интересовались ли в вашей семье политикой? Обсуждали ли политические темы дома близкие? Какие люди, факты или события, связанные с политикой, обсуждались в вашей семье? Что вам запомнилось? Повлияло ли это, и как именно повлияло, на становление вашей политической картины мира, взглядов, убеждений?

7. Часто ли вопросы политики обсуждались в школе? Какие темы, предметы, книги, фильмы вам запомнились? Почему? Приведите примеры.

8. Участвовали ли вы в детстве или юности в общественных или политических организациях? В каких? Почему участвовали или не участвовали? Какими чувствами окрашены ваши воспоминания? Какую задачу для себя вы решали участием в этих организациях? Какой вы видели политическую систему тогда, что хотели в ней изменить в будущем? Совпали ли ваши ожидания от политической системы и реальность?

9. О каких политических событиях сохранились воспоминания? Какие эмоции они вызывают?

10. Как вы считаете, происходящие сегодня политические события влияют на вашу жизнь? Как влияют? Почему? На каких сферах вашей жизни отражаются политические события (материальное положение, эмоционально-психологическое состояние, профессиональная деятельность, отношения в семье, с родственниками, друзьями)?

III. Состояние и трансформация политической картины мира (рефлексия)

Место политики в жизненном мире личности

11. Какое место политика занимает в вашей жизни? Важна ли эта сфера для вас?

Когнитивные установки: знания о политике, политиках, идеологическая ориентация политиков, понимание сути политических идеологий

12. Расскажите, как вы представляете политику. Что такое политика? Как она устроена? Какие политические институты вы знаете? Зачем они нужны? Каким политическим институтам вы доверяете? Почему?

13. Какую роль в политике играют граждане? Какие люди играют в политике главную роль? Каких политиков вы знаете? Какие политические ценности и идеологии они разделяют? Кто из политиков вам симпатичен? Почему? Кому из политиков вы доверяете? Почему?

Ценностные установки:

14. Какие политические ценности вы разделяете? Почему? Посмотрите на перечень ценностей (карточка ценностей). Какие три самые важные ценности лично для себя вы бы отметили? Почему?

Интервьюер передает карточку информанту

1.	Равенство	
2.	Демократия	
3.	Частная собственность	
4.	Национализм	
5.	Традиционность	
6.	Стабильность	
7.	Солидарность	
8.	Толерантность	
9.	Мир	
10.	Порядок	
11.	Свобода	
12.	Законность	
13.	Патриотизм	
14.	Безопасность	
15.	Справедливость	
16.	Коллективизм	
17.	Личная инициатива	
18.	Права человека	
19.	Развитие	

15. Совпадают ли политические взгляды родителей и ваши? Что общего в ваших взглядах на жизнь, какие ценности, убеждения являются общими? Что отличает ваши взгляды?

Поведенческие установки:

16. Опишите ваш опыт участия в политике (в детстве, во взрослом возрасте). Почему вы так делали? Какие эмоции вы испытывали? Какую задачу вы решали этим для себя, общества, государства?

17. Как вам кажется, изменились ли ваши представления о политике и государстве с возрастом? Почему? В чем именно изменились? Что именно (какие события, люди, обстоятельства) способствовало этому?

IV. Гражданская идентичность и аттитюды относительно политической системы РФ: ценностные и поведенческие. Методы и технологии политической социализации и политической ресоциализации, которые применяются в настоящее время. Гражданская идентичность: состояние, динамика; рефлексия факторов, влияющих на состояние и динамику гражданской идентичности.

18. Как вы пришли к решению изменить гражданство? Когда это произошло? Как это произошло? Какие эмоции вы испытывали? Поддержали ли это решение ваша семья, близкие, знакомые?

19. Что вы знаете о российском государстве? Как оно устроено?

20. Кого из российских политиков вы знаете? Как к ним относитесь? Доверяете ли вы «новой» политической системе? Какими факторами, действиями, решениями политиков было вызвано доверие? Кому из российских политиков вы доверяете? Почему?

21. Какую страну вы считаете своей? Почему? Изменились ли эти представления с изменением гражданства? Какие факторы на это повлияли? Что изменилось в вашей картине мира с получением гражданства, какие чувства возникли? Появилось ли ощущение сопричастности к ценностям, приоритетам государства? Воспользовались ли вы социально-экономическими благами государства?

22. Какие ценности объединяют россиян? Можете назвать их? Как вы относитесь к традиционным российским ценностям (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России)? Какие из них вы разделяете?

V. Дети и родители: ценностное единство или дифференциация?

23. Расскажите о своих детях. Сколько их? Возраст? Изменилось ли у них гражданство? Как они восприняли это? Разговариваете ли вы с детьми о политике, политических событиях? Почему?

24. Как вам кажется, ваши дети разделяют ваше видение политики? Ваши политические взгляды? Убеждения? Почему? Какие политические ценности, убеждения у вас совпадают? В чем возникают противоречия? Какие инструменты вы используете при трансляции детям политических знаний, представлений (чтение литературы, просмотр фильмов, семейные беседы, походы в музеи, использование социальных сетей и др.)?

Спасибо за участие в нашем исследовании!